

ADMINISTRATĪVĀ UN KRIMINĀLĀ JUSTĪCIJA

Baltijas Starptautiskās akadēmijas un Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas zinātniski teorētiskais žurnāls

2022 Nr. 1/2 (92/93)	Galvenais redaktors Dr. iur. Andrejs Vilks
Tiešsaistes ISSN 2592-8422 http://journals.rta.lv/index.php/ACJ	Redakcijas kolēģija Dr. iur. Jānis Baumanis (Latvija) Dr. iur. Larisa Beļajeva (Krievija) Dr. iur. Gediminas Buciuinas (Lietuva) Dr. iur. Ilona Bulgakova (Latvija) Dr. habil. iur. Viktors Justickis (Lietuva) Dr. habil. iur. Osvalds Joksts (Latvija) Dr. iur. Artūrs Gaveika (Latvija) Dr. iur. Aivars Endziņš (Latvija) Dr. iur. Sandra Kaija (Latvija) Dr. iur. Ivars Kronis (Latvija) Dr. iur. Jānis Načisčionis (Latvija) Ph. D. Cveta Markova (Bulgārija) Dr. iur. Ārija Meikališa (Latvija) Dr. iur. Mariana Petrova (Bulgārija) Dr. iur. Risto Pullats (Igaunija) Jur. zin. kand. Vladimirs Rudņevs (Krievija) Dr. iur. Vitolds Zahars (Latvija)
Baltijas Starptautiskās akadēmijas un Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmijas izdevums Reģ. apl. Nr. 000702194	Vāka autore Anita Dimante Korektore Vita Ansone Angļu valodas redaktore Mārīte Opincāne
Adrese: Lomonosova iela 4, Rīga, Latvija, LV-1019 e-pasta adrese: justicija@rta.lv Tālrunis: +371 67100242; +371 29225497	
Visi raksti ir recenzēti.	
Recenzijas: http://journals.rta.lv/index.php/ACJ	
Rakstu sagatavošanas prasības vietnē: http://journals.rta.lv/index.php/ACJ/about/submissions#authorGuidelines	

Žurnāls indeksēts: *Index Copernicus, Crossref, OpenAir, Worldcat*

Latvijas Zinātnes padomes lēmums Nr. 1-2-1 Rīgā 2007. gada 23. janvārī.

Latvijas Zinātnes padome, pamatojoties uz Latvijas Republikas „Zinātniskās darbības likumu” (19.05.2005.) un „Latvijas Zinātnes padomes nolikumu” (LR MK noteikumi Nr. 383, 09.05.2006.), nolemj iekļaut LZP Vispārārstāto recenzējamo zinātnisko izdevumu sarakstā žurnāla „Administratīvā un Kriminālā Justīcija” trīs sadaļas: krimināltiesības, policijas tiesības, kriminālistika un operatīvās darbības teorija.

Autoru viedoklis var nesakrist ar redakcijas kolēģijas viedokli. Par faktu pareizību atbild rakstu autori.

SATURS

KRIMINĀLTIESĪBU APAKŠNOZARE

G. Bucinas Kriminālās tiesvedības sistēmas reformas. Lietuvas Republikas pieredze	5
M. Intlers, K. Mikoss Tiesības uz taisnīgu tiesu pandēmijas ierobežojumu ēnā	12
I. Bulgakova, V. Rudņevs Apcietinājums Eiropas valstu tiesību aktos	18
M. Mahmudovs Juridiskās personas identifikatora (<i>LEI</i>) izmantošana blokķēdes tehnoloģijā naudas atmazgāšanas risku mazināšanai finanšu institūcijā	29

ADMINISTRATĪVO TIESĪBU APAKŠNOZARE

P. Suve Rāmējums (<i>framing</i>) un naratīvi kā palīg līdzekļi uz zinātni orientētas domāšanas veicināšanai. Baltijas valstu policijas piemērs	36
I. Ziemele Administratīvā pārkāpuma process iestādē	46

CIVILTIESĪBU APAKŠNOZARE

E. Pilipsons Kompleksa rakstura jēdzienu kvalifikācijas problemātiskie aspekti	57
--	-----------

TIESĪBU TEORIJAS, FILOZOFIJAS UN VĒSTURES APAKŠNOZARE

A. Baikovs Zinātniskās izziņāšanas (pētījumu) metodes tiesībās	67
--	-----------

JURIDISKĀS DOMAS ATTĪSTĪBA

Par prof. V. Zahara monogrāfiju "Kriminālsodi formālā un neformālā skatījumā"	93
--	-----------

CONTENTS

SUB-BRANCH OF CRIMINAL LAW

G. Buciunas Reforms in the criminal justice system. Lessons learned from the Republic of Lithuania	5
M. Intlers, K. Mikoss The right to a fair trial in the shadow of pandemic restrictions	12
I. Bulgakova, V. Rudnev Detention in the legislation of European states	18
M. Mahmudov Using legal entity identificier (LEI) on blockchain for reducing money laundering risks at financial insitucion	29

SUB-BRANCH OF ADMINISTRATIVE LAW

P. Suve Framing and narratives as assistants in advancing a science-oriented mindset. The example of the police in the Baltics	36
I. Ziemele Administrative offence proceedings in institution	46

SUB-BRANCH OF CIVIL LAW

E. Pilipsons The problematic aspects of the qualification of complex concepts	57
---	-----------

SUB-BRANCH OF THEORY, PHILOSOPHY, AND HISTORY OF LAW

A. Baikovs Methods of scientific research in jurisprudence	67
--	-----------

DEVELOPMENT OF LEGAL THOUGHT

About prof. V. Zahar's monograph "Criminal punishments in a formal and informal perspective"	93
--	-----------

СОДЕРЖАНИЕ

ОТРАСЛЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Г. Буциунас Реформы системы уголовного правосудия. Опыт Литовской Республики	5
М. Интлерс, К. Микосс Право на справедливое судебное разбирательство в тени ограничений пандемии	12
И. Булгакова, В. Руднев Заключение под стражу в законодательстве европейских государств	18
М. Махмудов Использование идентификатора юридического лица (LEI) в технологии блокчейн для снижения рисков отмывания денег в финансовом учреждении	29

ОТРАСЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

П. Суве Фрейминг и нарративы в продвижении научно-ориентированного мышления. Опыт полиции балтийских стран	36
И. Зиемеле Процесс административного правонарушения в учреждении	46

ОТРАСЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Э. Пилипсонс Проблемные аспекты квалификации понятий комплексного	57
---	-----------

ОТРАСЛЬ ТЕОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

А. Байков Методы научного познания (исследований) в праве	67
---	-----------

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

О монографии профессора В. Захарса «Уголовные наказания с формальной и неформальной точки зрения»	93
---	-----------

KRIMINĀLTIESĪBU APAKŠNOZARE

REFORMS IN THE CRIMINAL JUSTICE SYSTEM. LESSONS LEARNED FROM THE REPUBLIC OF LITHUANIA

Gediminas Buciuнас,

Assoc. prof. Dr., Academy of Public Security at Mykolas Romeris university,
Maironio str. 27, LT-44211 Kaunas

Vytautas Magnus University Law Faculty, Jonavos str. 66, LT-44318, Kaunas

E-mail address: gediminas1967@mruni.eu

ORCID ID: 0000-0002-1826-0527

Progress is impossible without change, and those who cannot change their minds cannot change anything.

George Bernard Shaw

Abstract

The paper consists of two parts: one - analysis of obtaining permission to conduct pre-trial investigative action from economic aspects and another on the lessons learned in the Republic of Lithuania during the reforms in the civilian security sector.

An essential component of an effective pre-trial investigation is not just investigative actions prescribed by criminal procedure laws, their procedures for conduction during one of the criminal process stages – a pre-trial investigation, qualification of investigators, prosecutors, their skills, secondary law that regulates conduction of investigative actions in details. Also, how does the investigative action work at the preliminary stage of conducting the investigative actions? Is it effective and efficient? For example, in obtaining permission for such actions as a search, covert surveillance, or wiretapping. The author analyses investigative actions from an economic point of view in the first part of this paper.

The paper aims to introduce obstacles, misunderstandings, and committed mistakes before launching and during the implementation of the reforms in the Lithuanian criminal justice system after the collapse of the Soviet Union, namely, in the civilian security sector. The author of this paper presents his experience through bullet points named “lessons learned” of being a participant in the above-mentioned reforms. The outcomes of this paper are going to be important in light of the reform in the civilian security sector launched and still going on in Ukraine after the Revolution of Dignity of 2014. It helps to avoid mistakes that were made during reforms in the Republic of Lithuania.

Keywords: *an investigative action, police investigator, a prosecutor, a court, a criminal proceeding, resources, reform.*

Introduction

The Revolution of Dignity 2014 implies the beginning of huge changes in Ukraine, including the buildup of the new legal system in Ukraine and succession the best values of Western (the term “Western” is used here as well as an intellectual and cultural rather than a geographical meaning) legal traditions. At the same time, it can be considered to be the starting point for the legal system of Ukraine, from which it has been beginning and developing in the direction of respect for human rights and for fundamental freedoms. This is clearly reflected in the Constitution of Ukraine. The Constitution of Ukraine aspires to ensure human rights and freedoms, and living conditions worthy of human dignity.

This aim means that Ukraine must be under the rule of law and the most important value are human rights and fundamental freedoms. Each democratic country based on rule of law is responsible

and accountable for ensuring human rights and fundamental freedoms enshrined in international and domestic law.

1948 The Universal Declaration of Human Rights, 1950 European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms, 1966 International Covenant on Civil and Political Rights and other international conventions on human rights, the Constitution of Ukraine, Code of Criminal Procedure of Ukraine (hereinafter referred to as the CCP) and other national law guarantees individual rights and freedoms laid down by law. The rights and freedoms of individual citizens can be limited by law in criminal proceedings applying measures of criminal procedural coercion.

Case law of the European Court of Human Rights (hereinafter referred to as the ECHR), the European Court of Justice (hereinafter referred to as the ECJ) strictly limits the use of procedural coercion measures specified in criminal proceedings by the principle of proportionality. It is a safeguard against an unlimited use of administrative powers. The principle of proportionality is required before making a decision on the use of criminal-procedural coercion measures. Decision-makers must evaluate and find the right balance between human rights, fundamental freedoms, and coercive measures to achieve the legitimate objectives, which are intended, i.e., there are no less severe means of achieving the objectives according to the severity and nature of the criminal offense.

The Preamble of the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms provides that human rights and fundamental freedoms which are “the foundation of justice and peace in the world are best maintained on the one hand by an effective political democracy and on the other by a common understanding and observance of the human rights upon which they depend.”¹ Of course, this does not mean that the state authorities should refrain from any interference in the human rights and fundamental freedoms of individuals. The social nature of human beings pushes them for social interaction and each human being has his/her own interest which may not always coincide with the interest of other individuals. Therefore, a state’s high-priority task is to ensure that every human being and the whole of society is protected by the state from unlawful acts. The state is forced to take legal means to disclose the criminal acts committed by the individuals, and the limitation of human rights and fundamental freedoms is inevitable. For this purpose, law enforcement authorities are granted in right to use investigation actions in conducting the prosecution. Also, law enforcement agencies, mainly the police and prosecution office are obliged to conduct criminal proceedings speedily but at the same time not to violate human rights. It is very important to notice that the state’s resources allocated for the disclosure of criminal acts are limited. Each investigation of criminal acts requested resources from the state budget.

Methodology

During the preparation of the paper, the author has used a range of methods to analyze and assess how police investigator goes to get permission to conduct investigation action from a management point of view and the mistakes made during the reforms in the civilian security sector.

The following research methods were used: content analysis, textual analysis, archival research, case study; structured, semi-structured, and unstructured interviews; analytic induction, comparative research, authors’ observation in the field; analysis of statistics.

The authors used the basic methods for data collection: primary and secondary. The collection of primary data leads to quantitative/ empirical-analytical and qualitative/interpretative research methods. Secondary data is data that has been previously collected or gathered. This type of data is already available in different forms from a variety of sources – internal and external.

All data for preparing the paper have been obtained from open sources of information such as official websites of law enforcement agencies, mainly the General Prosecution Office, the National Police of Lithuania, and other institutions. For ex., The Parliament, from official websites of Lithuania law enforcement agencies, media publications, and mainly through the author’s personal experience during reforms in the civilian security sector of the Republic of Lithuania in the 2000s. It brings value to the officials and researchers who are interested in experiences from other countries.

The economic side of pre-trial investigative action. The example

*Efficiency is doing things right; effectiveness is doing the right things.*²

Peter Drucker

The author of the paper tries to attract the attention of lawmakers and top managers of law enforcement agencies to the economic side of criminal proceedings in light of the reform in the civilian security sector of Ukraine. How much does it cost to investigate criminal acts? How much does it cost to conduct investigative action prescribed by the criminal procedure code?

Let's do simple calculations on the most prevailing investigative action in a criminal proceeding such as the interview of a witness. At first, an investigator has to find a person who has important information on committed criminal acts, identify her or him, get information about his or her domicile, invite him for an interview, and finally conduct an interview according to law. These simple actions required a lot of time counted in long hours of meticulous work of an investigator especially if a potential witness shows no eagerness to come to the police station or prosecution office for testimony.

The procedure of conduction of each investigation action can be split into several main stages: preparation, conduction, and evaluation stages. Each stage of a conduction investigation action requires resources (human, material). If investigative action is not coercive it is most will be the shorter stage for preparation to conduct investigative action.

If the prosecutor or police investigator has made a decision to use special investigation methods for collecting information about a criminal act, the preparation stage is going to be much longer. In that case, a lawmaker put into law additional safeguard tools to ensure a person's privacy from law enforcement agencies wishing to dig deeper into a person's privacy. If a police investigator had come to the conclusion that s/he needs to get permission to conduct a search, wiretapping, or other special methods, he or she has to pass procedures prescribed by the code of criminal procedure of Ukraine: to prepare documents that prove the existence of conditions, grounds, and a necessity for conduction such actions and address it to a prosecutor who is in charge for supervision in the particular criminal proceedings; after receiving required documents a prosecutor is going to assess the existing condition and grounds for the conducting such actions. Finally, a prosecutor comes to the conclusion that the investigation action meets all requirements; only after that does the prosecutor have the right to submit an application to a court for issuing permission to conduct investigative action for example search, or wiretapping.³ It requires material and human resources. It leads to the conclusion that before planning an investigative action the head of the unit of the police, an investigator must assess the necessity of using the investigative action in a given situation, and other factors closely related to the event.

Lessons learned from reforms in the civilian security sector of the Republic of Lithuania

*Experience is the teacher of all things.*⁴

Julius Caesar

The author of the paper analyzes the topic of the given research from the point of view of information on ongoing reform in the civilian security sector.

The paper also aims at introducing the reforms of the Lithuanian criminal justice system after the collapse of the Soviet Union. Each of the former 15 Soviet Republics gained or regained independence. At the same time, the former Soviet republics inherited the same criminal justice system, the legal education system, the study programs on law at law faculties and police academies/schools, criminal procedure code, the organizational structure of the prosecution offices and police, standard operation procedures, and job descriptions. Unfortunately, soviet ideological provisions on the rule of law and human rights, which existed for over half of a century, have left deep patterns in the mindsets of a lot of academic staff, and law practitioners.

Many post-soviet countries faced the following dilemma: whether to build a new criminal justice system or just introduce new changes into already existing and functioning institutions and

laws. Each arguing party provided arguments for and against regarding the strategy of reforming the country's criminal justice system and presented their action plans on how to implement it. Reforms of the country's criminal justice system have a direct impact on public security. Due to different interests amongst various groups of society, some reforms faced obstacles during the implementation phase and even caused some harm to the country's civil security sector reform process.

The author of the paper started working in the prosecution office in 1991. Thus, he experienced the outcomes of the reforms implemented in the Public Prosecution Office of the Republic of Lithuania and at the same time was directly or indirectly involved in the ongoing changes in the country's socio-economic life, and witnessed a series of reforms in the law enforcement agencies (mainly in the police) and saw how these reforms affected criminal justice system in the context of the public prosecution office's effectiveness in dealing with public prosecution. The author of the paper presents his personal view on the mistakes made during reforms and emphasizes the good examples of reforming the country's civilian security sector.

The first lesson learned

The new criminal procedure code of the Republic of Lithuania came into force in 2003 after long-lasting discussions among different working groups on the creation of the new criminal procedure code.⁵ It is very important to have representation in the working group from all parties involved in criminal proceedings: defense lawyers, prosecutors, judges, academics, representatives of different human rights organizations, and lawmakers.⁶

So, fair, equal representation of all parties closely related to the civilian security sector in the creation of new fundamental bills (for ex., a draft of a Criminal code⁷) is one of the prerequisites and a guarantee for a good final product.

The second lesson learned

Proper usage of legal terminology in the lawmaking process. For example, the phrase "operational-search activity" does not exist and is not used in the law terminology of West European countries and the USA. The first task for the authors of the bill is to be on the same wavelength with practitioners and other members of society representing different groups, and parties. It allows to decrease the level of misunderstanding amongst different groups of society, prevents from spreading of fake news, and finally, it will ensure the high quality of the final product before it becomes valid. For example, some groups of the society openly and widely called to abrogate the Law on operational-search activity in Lithuania in the 2000s. The argument was that no such laws exist in democratic countries and the above-mentioned law is just the relict of the Soviet era. The calls for the abolishment of the Law on operational-search activity were the biggest nightmare for practitioners. How to deal with the most dangerous crimes, how to prevent them from being committed, and how to ensure national security? These and other questions have been raised. Even supporters of the abolishment of this law suggested asking representatives from West European countries and the USA on operational-search activity in their countries. Of course, due to the usage of different legal terminology, the answer was clear – no such laws. Although, if you ask a question about the presence of law on criminal intelligence in West European countries, the answer will be, yes, we have it.

So, the usage of proper legal terminology during the lawmaking process allows to avoid misunderstanding among different stakeholders and is one of the prerequisites for successful civilian security sector reforms.

The third lesson learned

The author of the paper is going to share his remarks on the importance of awareness-raising campaigns amongst police officials, society, lawmakers, and politicians on the essence and details of the upcoming reform in the police. Each human being meets the news of changes in his/her life differently. The lack of a clear picture of the framework of upcoming changes at institutions creates fertile soil for the production and spreading of various rumors, gossip, and fake news on the reform. Some members of senior management do not want to lose their comfort zone, positions, and powers, which they have been enjoying for many years. They can pour more fuel into the fire of disappointment on upcoming reforms by using different methods from withholding information on details of reforms, or interpreting it in a different way, to passing wrong messages to politicians to

stop reform or make changes in it. Some politicians and groups of society due to different interests can use this uncertainty for their own, narrow aims.

To sum up it, before the full-scale launch of the reform in the civilian security sector, supporters (persons in charge of creating the frame of reform) have to launch information campaigns to deliver messages in simple words to the target audience.

The fourth lesson learned

Each reform is a challenge not only for the initiator of the reform but also for the human being directly or indirectly related to the area which is going to be subjected to changes. Each human being is the biggest value and at the same time the most vulnerable part of an upcoming improvement. It puts huge pressure on their mental health, starting from the fear to be fired or losing a position, uncertainty, end of a comfort zone, lack of confidence especially if it is going to be mandatory to obtain new skills, etc. Here, we are talking about the mindset of a human being. It is a vitally important element of each reform – to change the mindset of human beings by involving them in the construction of a reform frame, and pillars updating them on changes, and giving them a period of time for adaptation of novelties in life.

The fifth lesson learned

Amendments to already existing laws or the introduction of a new law require a meticulous revision of other provisions of laws, standard operation procedures, and official explanations on the subject of changing regulations contradicting already introduced new legal regulations.

So, revision of other laws on the subject of elimination of future contradictions on the same issues in different laws.

The sixth lesson learned

Organizational changes in the structure of the criminal police. It is characterized by the complexity of actions that encompass not only peculiarities of criminal activities but also the implementation of new forms of work organization in practice. The author of the paper is going to share several remarks on work organization between police investigators and operatives/detectives. Before launching a reform analysis must be regarding both criminal intelligence and pre-trial investigations in police itself and outside of it, including analysis on how upcoming changes in work organization might affect other institutions, for example, a public prosecution office.

Both internal and external reasons determined the necessity for the reform of the criminal police system in Lithuania. The main objectives to do it were: to speed up the pre-trial investigation; to increase the quality of collection data, to create solid grounds for better analysis of information during the pre-trial investigation; to increase the efficiency of criminal intelligence activities, and to create better management of human resources. Legal prerequisites for changing the form of work organization between a police investigator (so-called specialist in criminal procedure law who conducts pre-trial investigation) and an operative/detective who conducts operational-search activity/criminal intelligence were laid down in the new Criminal Procedure Code of the Republic of Lithuania.⁸ The necessity for specialized criminal intelligence shaped a new model for conducting pre-trial investigations and criminal intelligence activity. It is also named by the term “operational-search activity” in Ukraine, and other Post-Soviet countries’ law terminology.

Work organization form for conduction of criminal intelligence activity in the Republic of Lithuania based on the United Kingdom’s police model. Lithuanian Police has a structural unit on criminal intelligence activity at the central level and at separate units at the regional level. The separate units are located in the 10 police county police headquarters (the territory of the Republic of Lithuania divided into 10 counties).⁹ All former police operatives/detectives became police investigators (if they met the requirement set up in the law).

Nowadays, two police officials: a specialist in criminal procedure law and a specialist in criminal intelligence are always included in an official document at the start of a pre-trial investigation as officials are granted the powers to conduct a pre-trial investigation in the particular criminal case. The reform of work organization in the criminal police sector decreased the amount of internal bureaucracy. For example, an investigator does not need to send a request to a detective to fulfill some tasks. The pre-trial investigation became more effective. An investigator and former operative

/detective are procedural officials according to the Criminal Procedure Code of Lithuania and have equal responsibilities for the outcomes of the pre-trial investigations in criminal proceedings. Before the reform, a police investigator before going on leave handed over the criminal cases at his/her disposal to another investigator. Although, another official did not have strong motives for the outcomes of the temporarily handed over criminal cases. The above-mentioned reform also facilitates better corruption risk management in criminal police.

To sum it up, the reform of work organization in the criminal police sector by joining police investigators and former operatives/detectives leads to increased efficiency of pre-trial investigation, speeds up investigations, and decreases the risk for corruption.

The seventh lesson learned

During the pre-trial investigation, an operative/detective is more oriented towards arrangements of the covert investigative actions and/or other procedural coercive measures. For example, search, arrest, and conduction of criminal intelligence actions which do not require any approval from a line manager, a prosecutor, or a judge. For example, collection of information from open sources, analysis of collected information and presentation of the analysis results in the report, and conduction of an interview with an aim to identify possible sources of information on a criminal offense. An operative/detective does not have a mandatory requirement additionally to collect data that allows starting a criminal proceeding. For example, 2-3 criminal cases must be started per month based on data collected by a former operative/detective. This type of requirement is still alive in some post-Soviet countries and remains a relict of planned economy/socialist type economy. At the same time, it creates risks for opening criminal proceedings without sufficient grounds.

After the reform in the criminal police sector in Lithuania, activities of special criminal intelligence units became more purposeful, clear delineation of criminal intelligence activity and pre-trial investigation allows to arrange work in a more effective way. The workload of criminal police units became better equalized. This form of work organization has also some disadvantages although it is a more advanced form compared with the old form of work organization inherited from the Soviet times. It leads to better conditions for sharing information within all police structural units, decreases the risk of corruption during the pre-trial investigation, etc. It can be another separate topic of research.

To sum up this part of the paper's "**lessons learned**", the author would like to finish famous physicist Albert Einstein's quote that "*the only source of knowledge is experience.*"¹⁰

Conclusions

1. The procedure of conduction each of investigative actions can be split into several main stages: preparation, conduction, and evaluation stages. Each stage of conducting an investigation action procedure requires resources (human, material).
2. Fair, equal representation of all parties closely related to the civilian security sector on the creation of new fundamental bills (for example, a draft of a Criminal code) is one of the prerequisites and a guarantee for a good final product.
3. Usage of proper legal terminology during the lawmaking process allows us to avoid misunderstandings amongst different stakeholders.
4. An important element of each reform – is to change the mindset of human beings by involving them in the construction of a reform frame, and pillars, updating them on changes and giving them a period of time to adapt to novelties in life.
5. Before launching the reform in the civilian security sector, supporters (persons in charge of creating the frame of reform) have to launch information campaigns to deliver a message on the goal of reform, changes in simple words to the target audience.

References

¹ The European Convention on human rights and fundamental freedoms [interaktyvus]. [žiūrėta 2022 m. kovo 23 d.]. Prieiga per internetą: <http://www.globaldetentionproject.org/fileadmin/docs/European-Convention-on-Human-Rights.pdf>.

- ² Brainy quote. [Interaktyvus]. [Žiūrēta 2022 m. gegužēs 03 d.]. Prieiga per internetu: <https://www.brainyquote.com/topics/effectiveness-quotes>.
- ³ Criminal procedure code of Ukraine. [Interaktyvus]. [Žiūrēta 2022 m. gegužēs 03 d.]. Prieiga per internetu: <https://rm.coe.int/16802f6016,16802f6016> (coe.int).
- ⁴ Caesar, J. [Interaktyvus]. [Žiūrēta 2022 m. gegužēs 03 d.]. Prieiga per internetu: Quotes about Practical experience (44 quotes) (quotemaster.org).
- ⁵ Lietuvos Respublikos baudžiamojo proceso kodeksas. Valstybės žinios, 2002-04-09, Nr. 37-1341.
- ⁶ Ancelis, P. 10 years since the adoption of the code of criminal procedure of the Republic of Lithuania: theoretical and practical problems in the pre-trial stage. Mokslinių straipsnių rinkinys. Visuomenės saugumas ir viešoji tvarka, 2013 (10), p. 4-16.
- ⁷ Lietuvos Respublikos baudžiamasis kodeksas. Valstybės žinios, 2000-10-25, Nr. 89-2741.
- ⁸ Lietuvos Respublikos baudžiamojo proceso kodeksas. Valstybės žinios, 2002-04-09, Nr. 37-1341.
- ⁹ Navickiene, Z., Sileris, E. Overview of the present criminal police reform in Lithuania: from structural changes towards efficiency of activities. Mokslinių straipsnių rinkinys. Visuomenės saugumas ir viešoji tvarka, 2015 (15), p. 97-114.
- ¹⁰ Quotes about practical experience. [Interaktyvus]. [Žiūrēta 2022 m. gegužēs 12 d.]. Prieiga per internetu: Quotes about Practical experience (44 quotes) (quotemaster.org).

Аннотация

Неотъемлемой составляющей частью эффективного досудебного расследования являются не только следственные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, квалификация следователей, прокуроров, но и процессуальный порядок их проведения. В статье анализируются вопросы эффективности таких действий, например, получение разрешения на такие действия как обыск, скрытое наблюдение, прослушивание телефонных разговоров. Целью исследования является доведение до широкой аудитории важности управления ресурсами (материальными, финансовыми, человеческими) для получения разрешения на проведение обыска или прослушивания телефонных разговоров в ходе досудебного следствия. Также автором в статье выявлены препятствия, недоразумения, допущенные ошибки перед началом и во время проведения реформ в секторе гражданской безопасности Литовской Республики. Автор этой статьи, участник вышеупомянутых реформ, представляет свой опыт, названный в этой статье “извлечёнными уроками”.

TIESĪBAS UZ TAISNĪGU TIESU PANDĒMIJAS IEROBEŽOJUMU ĒNĀ

Māris Intlers,

Mg.iur., Daugavpils Universitātes doktorants, zvērināts advokāts,

e-pasts: maris@intlers.lv

Kristaps Mikoss, Mg. iur., zvērināta advokāta palīgs,

e-pasts: kristaps@mikoss.lv

Abstract

The spread of Covid-19 virus infection, in 2020 Latvian legislator adopted several legal norms expanding the possibilities of courts to hear the case in written proceedings or videoconferencing at the expense of restrictions to the oral hearing in presence of the parties. The authors argue why the application of these restrictions, set out in the Covid-19 Infection Control Act (in Latvian – “Covid-19 infekcijas izplatības pārvaldības likums”) may result in human rights violations, and make suggestions for better regulation so that the fight to protect public health is not conducted at the expense of unreasonable restrictions on the right to a fair trial and privacy.

Keywords: Covid-19, litigation, oral hearing, the right to defence, the right to legal counsel, the principle of publicity.

Ievads

Saistībā ar Covid-19 vīrusa infekcijas izplatības ierobežošanai nepieciešamajiem pulcēšanās ierobežojumiem 2020. gadā Latvijas likumdevējs pieņēma vairākas tiesību normas, kas paplašina tiesu iespējas izskatīt lietu rakstveida procesā vai videokonferencē uz mutvārdu sēdes klātbūtnē ierobežojumu rēķina.

Šī raksta uzdevums ir izvērtēt Covid-19 infekcijas izplatības pārvaldības likumā (turpmāk – Covid-19 likums) noteikto tiesas procesa klātienes mutvārdu formas ierobežojumu un piemērošanas prakses atbilstību Eiropas Cilvēka tiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencijas noteikumiem, jo sevišķi tiesībām uz taisnīgu tiesu un privātās dzīves un korespondences aizsardzību. Pētījuma mērķis ir identificēt, vai Covid-19 likuma regulējums un tā praktiskā piemērošana tiesu institūcijās var radīt nepamatotus cilvēktiesību aizskārumus, kādās situācijās šādi aizskārumi rodas un kas būtu neatliekami darāms, lai šādu aizskārumu iespējamību mazinātu.

Pētījums veikts pēc formāli dogmatiskās metodes, analizējot Covid-19 likuma normas Eiropas Cilvēktiesību tiesas judikatūras atziņu kontekstā un izvērtējot šo normu piemērošanas praksi Latvijas tiesās.

1. Ierobežojumu raksturs un spēkā esamības periods

Procesuālo darbību veikšanai, mutvārdu saziņai starp tiesu un lietas dalībniekiem, izmantojot tehniskos līdzekļus (telefona konference, video konference), jau pirms minēto Covid-19 likuma grozījumu pieņemšanas bija iespējama. Piemēram, attiecībā uz visām procesuālajām darbībām, to pieļāva Kriminālprocesa likuma (turpmāk – KPL)¹ 140. pants². Līdzīgs regulējums pastāv arī civilprocesā, administratīvajā procesā un administratīvo pārkāpumu procesā.* Tomēr līdzšinējais regulējums galvenokārt bija vērsts uz atsevišķu procesuālo darbību nodrošināšanu procesuālās ekonomijas nolūkā, nevis pilnīgi visa tiesvedības procesa pārceļšanu virtuālajā vidē. Nozīmīgs apstāklis – attālinātā saziņa parasti notiek starp divām tiesām vai starp tiesu un attālinātai saziņai speciāli aprīkotu vietu, izmantojot speciāli tam paredzētu programmnodrošinājumu. Vietā, kur

* *Civilprocesa likumā* (turpmāk – CPL) ir paredzēta iespēja noprotināt liecinieku vai ekspertu, izmantojot videokonferenci tiesā pēc personas atrašanās vietas vai šim nolūkam speciāli aprīkotā vietā (CPL 108. panta 2. daļa un 122. panta 1. daļa), bet atsevišķos gadījumus arī citas personas, t.sk. puses var piedalīties lietas iztiesāšanā attālināti (CPL 149. panta 5. daļa). Arī *Administratīvajā procesa likumā* (turpmāk – APL) un *Administratīvās atbildības likumā* (turpmāk – AAL) paredzētas tiesas (tiesneša) tiesības noteikt procesuālās darbības veikšanu izmantojot videokonferenci, ja procesa dalībnieks, liecinieks vai eksperts tiesas sēdes laikā atrodas citā vietā un nevar ierasties tiesas sēdes norises vietā (APL 205. panta 7. daļa, AAL 198. panta 5. daļa)

neatradās procesa virzītājs, tika nozīmēta procesa virzītāja speciāli pilnvarota persona, kuras uzdevums cita starpā ir pārbaudīt to personu identitāti, kuras piedalās procesuālajā darbībā, bet neatrodas ar procesa virzītāju vienā telpā (KPL 140. panta 5. daļa).

2020. gada 18. decembrī Saeima pieņēma grozījumus Covid-19 likumā, ar kuriem tika veikti grozījumi un papildinājumi minētā likuma 10. un 12. pantā, kā arī likums papildināts ar jaunu 10.¹ pantu.³ Šo 2020. gada 23. decembrī spēkā stājušos normu būtība ir šāda: (a) Tiesām tiek dotas pilnvaras daudz plašākai rakstveida procesa pielietošanai civillietās, administratīvajās lietās, administratīvo pārkāpumu lietās un krimināllietās ar atrunu – ja iespējams nodrošināt lietas dalībnieku procesuālo tiesību ievērošanu; (b) Mutvārdu tiesas procesu primāri nodrošina, izmantojot videokonferenci; (c) Lietu izskatīšana mutvārdu procesā klātienē notiek, ja lietas izskatīšanu nav iespējams nodrošināt rakstveidā vai, izmantojot videokonferenci. Tādējādi procesuālajās tiesībās tika ieviesta jauna tiesas procesa forma – mutvārdu process, kurā *visi* lietas dalībnieki piedalās attālināti. 2021. gada 25. martā Covid-19 likums tika papildināts vēl ar divām tiesas procesu ietekmējošām normām, proti, likuma 10.² pants paredz, ka ieslodzījuma vietā esošās personas dalību pirmstiesas kriminālprocesa izmeklēšanas darbībās nodrošina, *primāri* izmantojot videokonferenci, kā arī likuma 13.¹ pants paredz, ka tiesas pakalpojumi tiek sniegti attālināti, bet klātienē tikai tad, ja tas nav iespējams vai ir būtiski apgrūtināts, ar tiesas priekšsēdētāja atļauju.⁴

Atšķirība no “parastā” mutvārdu procesa, izskatot lietu attālināti, tiesneši un lietas dalībnieki neatrodas vienuviet, bet sazinās ar videokonferences palīdzību. Praksē parasti attālinātai saziņai izmanto to programmnodrošinājumu, kas ir attiecīgās tiesas rīcībā, lietas dalībniekiem piedāvājot sazināties *Microsoft Teams*, *Zoom* vai *Webex Cisco* platformā. Lietas dalībnieki pieslēdzas viesu (*guest*) statusā, kas primāri paredz kopēju saziņu, nodrošinot visu konferences dalībnieku skaņu un attēlu, ikviena tiesas sēdes dalībnieka datora vai citas viedierīces ekrānā. Individuālus, aizsargātus saziņas kanālus, kas ļautu advokātam tiesas sēdes norises laikā, citiem sēdes dalībniekiem neredzot un nedzirdot sazināties ar klientu, kas tiesas sēdē piedalās no citas vietas (piemēram, atrodas pirmstiesas ieslodzījuma vietā), šobrīd tiesvedībā lietotajām platformām nav.⁵ Līdz ar to nav iespējams pilnībā kontrolēt, vai trešās personas ar varbūtējiem negodprātīgiem nolūkiem varētu piekļūt šai saziņai nolūkā to pārtvert vai izmainīt. Par šādu saziņas kanālu (ne)drošumu netieši vērtējumu jau izteicis pats likumdevējs. Proti, saskaņā ar Covid-19 likuma 10.¹ panta otro daļu lietas, kas satur valsts noslēpuma objektu, videokonferences režīmā neizskata.

Citu personu – tiesas sēdes klausītāju – piekļuve atklātai tiesas sēdei, kas tiek noturēta videokonferences režīmā nav paredzēta, kā arī atklāto tiesu sēžu norises straumēšana internetā, audio vai video ieraksti patlaban nav publiski pieejami.

2. Ietekmēto personu loks

Piemērojot Covid-19 likuma speciālo regulējumu, var tikt aizskarta jebkura persona, kura ir tiesu sistēmas klients. Kriminālprocesa gaitā cilvēktiesības tiek ietekmētas viskrasāk. Kriminālprocesā iesaistīto personu daudzumu raksturo šādi Latvijas Centrālās statistikas pārvaldes apkopotie dati: 2020. gada apsūdzēto personu skaits bija 9233, 2019. gadā – 9408; personas ar cietuša statusu: 2020. gadā – 9644; 2019. gadā – 10127.⁶ Papildu minētajiem kriminālprocesā piedalās arī citas personas, kuru tiesības un intereses procesa gaitā var tikt aizskartas, piemēram, kriminālprocesā aizskartās mantas īpašnieks (KPL 111.¹ pants). Ne velti Kriminālprocesa likums paredz, ka *ikvienai* kriminālprocesā iesaistītajai personai ir tiesības uz advokāta juridisko palīdzību (KPL 112. panta 1. daļa). Tātad Covid-19 likuma grozījumi aizskar pietiekami plaša personu loka pamattiesības. Gan videokonferences režīms, gan rakstveida process ir attālināts process, kas prasa noteiktas zināšanas, tehniskas prasmes un iemaņas no procesā iesaistītās personas, kā arī labu tehnisko nodrošinājumu (dators, programmu nodrošinājums, jaudīgs interneta pieslēgums). Tas rada netiešu diskrimināciju, padarot tiesas pieejamību atkarīgu no personas izglītības līmeņa un mantiskā stāvokļa. Minētais īpaši krasi izpaužas attiecībā uz tiem procesa dalībniekiem, kuri lietas izskatīšanā pārstāv sevi paši. Nepārzinot lietas izskatīšanas kārtību tiesās, persona nevar efektīvi īstenot savas tiesības, jo traucē intelektuālo, praktisko, emocionālo un attieksmes barjeru esamība.⁷

3. Ierobežojumu ietekme uz cilvēka pamattiesībām

Iepazīstoties ar 2020. gada 18. decembrī pieņemto Covid-19 likuma grozījumu pieņemšanas gaitu, var secināt, ka likumprojekta ierosinātais ir apsvēris piedāvāto grozījumu ietekmi uz Eiropas Cilvēka tiesību un pamatbrīvību aizsardzības konvencijas (turpmāk – ECK) 6. pantā garantētajām tiesībām uz taisnīgu tiesu realizācijas iespējām, tostarp vēršot Saeimas uzmanību uz tādiem aspektiem kā – atklātums gan aizsargā procesa dalībniekus no lietas iztiesāšanas slepenībā, gan arī, ņemot vērā procesa redzamību (*visibility*), vairo sabiedrības uzticību tiesu varai.⁸ Tomēr uzreiz pēc tam tiek taisīts pārsteidzīgs secinājums, ka lietas iztiesāšana videokonferences režīmā nekādus riskus neradot.⁹ Šim apgalvojumam tomēr pilnībā piekrist nevar. Kā norādījusi Eiropas Cilvēktiesību tiesa (turpmāk tekstā – “ECT”), lietas izskatīšana videokonferences režīmā nav *per se* nesavietojama ar lietas godīgu un publisku izskatīšanu.¹⁰ Tajā pašā laikā veids, kādā lietas attālinātā izskatīšana tiek organizēta, var aizskart un arī aizskar lietas dalībnieku cilvēktiesības.

Pirmkārt, tiek aizskartas Latvijas Republikas Satversmes 92. panta ceturtajā teikumā un ECK 6. panta pirmajā daļā un trešās daļas c. punktā garantētās tiesības uz kvalificētu juridisko palīdzību. Ja advokāts bez citas personas uzraudzības nevar apspriesties ar savu klientu un saņemt no viņa konfidencialus norādījumus, viņa palīdzība lielākoties zaudē lietderību.¹¹ Kā netaisnīgs ierobežojums var darboties arī laika limiti, kas tiek noteikti apsūdzētā saziņai ar advokātu.¹² Tāpēc, piemēram, ECT praksē atzīts, ka tiesas piešķirtās 15 minūtes pirms apelācijas tiesas sēdes, lai apspriestos ar no jauna nozīmētu valsts aizstāvi, nav pietiekamas tiesību uz aizstāvību efektīvai realizācijai.¹³

Otrkārt, tiesības uz personas privātās dzīves un korespondences aizsardzību, kas jo īpaši ir svarīga advokāta un klienta attiecībās, jo ļauj klientam pieņemt informētus lēmumus par savu personīgo dzīvi, jo nereti advokātam atklātais satur ļoti personisku un sensitīvu informāciju.¹⁴

Treškārt, ECK 6. panta pirmā daļa paredz arī tiesības uz atklātu lietas izskatīšanu kā nozīmīgu taisnīgas tiesas elementu, no kā atkāpes pieļaujamas tikai izņēmuma gadījumos.¹⁵

Ceturtkārt, neskatoties uz iepriekšminēto, noteiktos gadījumos ECK 6. panta pirmā daļa taisni *pieprasa*, lai lietu iztiesātu slēgtā sēdē, piemēram, bet ne tikai, lai nodrošinātu liecinieku drošību vai privātās dzīves neaizskaramību, nodrošinātu brīvu informācijas un viedokļu apmaiņu, bet lai sasniegtu taisnīgu risinājumu.¹⁶ Tas nozīmē, ka valstij jāveic pozitīvas darbības, lai pasargātu slēgtās tiesas sēdes no trešo personu iejaukšanās. Jāatzīmē, ka Covid-19 likumā noteikto ierobežojumu ietekme rodas nevis pieņemtā regulējuma dēļ kā tāda (objektīvajām tiesībām), bet gan nepietiekamas šī regulējuma detalizācijas, un dažos gadījumos arī aplamas tiesību normu interpretācijas rezultātā. Abos gadījumos ECK kontekstā tomēr var runāt par valsts pozitīvā pienākuma – nodrošināt cilvēktiesību īstenošanu – neizpildi. Cilvēktiesību pārkāpumu veido nevis valsts pieņemtā objektīvo tiesību norma *per se*, bet normu piemērošanas rezultātā radītais kaitējums.¹⁷

4. Tipiski Covid -19 likuma normu piemērošanas radītie tiesību aizskārumi

4.1. Nepamatoti piemērots rakstveida process

Covid-19 likuma 12. panta pirmā daļa paredz apelācijas instances tiesai kompetenci izvērtēt, vai konkrētajā lietā var piemērot rakstveida procesu, arī gadījumos, kas nav minēti KPL. Prokurors vai persona, kuras intereses un tiesības sūdzība vai protests aizskar, var izteikt motivētu lūgumu lietu izskatīt mutvārdu procesā.

ECK 6. panta pirmajā daļā nostiprinātās tiesības uz lietas publisku izskatīšanu nepieciešami iekļauj arī tiesības uz mutvārdu procesu.¹⁸ Šīs tiesības nav absolūtas. Taču gadījumā, ja lietas pareizai izspriešanai ir nepieciešama liecību izvērtēšana nolūkā noteikt apsūdzētā vainu vai nevainīgumu (angļu val. – fresh examination of the evidence or a reassessment of the defendant's guilt or innocence), to var izvērtēt vienīgi mutvārdu procesā.¹⁹ Abās līdz šim izsludinātajās ārkārtas situācijās Latvija saskaņā ar ECK 15. pantu veica daļēju pagaidu atkāpšanos no ECK paredzētajām saistībām. Tomēr nevienā no atkāpšanās periodiem netika paziņota atkāpšanās no ECK 6. pantā paredzētajām saistībām.²⁰

Neskatoties uz minēto, vairākās 2021. gadā Senāta Krimināllietu departamenta izskatītajās lietās, kurās apsūdzētie vai viņu aizstāvji lūdza apelācijas tiesu nozīmēt lietas izskatīšanu mutvārdu procesā, lai noplatinātu lieciniekus, ar kuru liecībām varētu pierādīt apsūdzētā nevainīgumu,

apelācijas instances tiesa lietu tomēr izskatīja rakstveidā, bet Senāts atzina to par pareizu. Piemēram, lietā, par ko pieņemts Senāta Krimināllietu departamenta rīcības sēdes lēmums Nr. SKK-320/2021, apsūdzētais bija lūdzis mutvārdu procesu, lai nopratinātu liecinieku, kura liecības apsūdzētā ieskatā varētu apstiprināt apsūdzētajam inkriminētā nodarījuma subjektīvās puses (nodoma) neesamību. Senāts, atsakot ierosināt kasācijas tiesvedību, norādīja, ka tiesai nav saistošs procesā iesaistīto personu viedoklis par kāda konkrēta pierādījuma iegūšanas nepieciešamību. Savukārt, lietā, par ko pieņemts Senāta Krimināllietu departamenta rīcības sēdes lēmums Nr. SKK-347/2021, apsūdzētā aizstāvis lūdz mutvārdu procesu, lai atkārtoti nopratinātu liecinieci, pret kuru pirmās instances tiesa pieņēma blakus lēmumu par apzināti nepatiesas liecības konstatāciju. Arī šajā gadījumā Senāts atzina apelācijas instances lēmumu lietu skatīt rakstveida procesā par tiesisku.²¹

4.2. Lietas attālināta izskatīšana kā tiesību uz aizstāvību ierobežojuma cēlonis

Pandēmijas apstākļos īpaši ir cietusi advokāta-klienta saziņas iespēja un konfidencialitāte. Pēdējā laikā bieži piedzīvota situācija – izmeklēšanas tiesnesis vai tiesa piemēroja apcietinājumu, un pēc noteikta termiņa ir pienākums pārskatīt piemēroto drošības līdzekli (KPL 281. panta 4. daļa, ECK 5. panta 4. daļa). Klientam, atrodoties tādā ieslodzījuma vietā, kurā izsludināta Covid-19 karantīna, ir liegta iespēja tikt ar advokātu klātienē. Konsultācija pa telefonu (Covid-19 likuma 12. panta 1.³ daļa) šādos gadījumos var nebūt pietiekama, jo, pirmkārt, nepastāv iespēja konsultācijas laikā uzrādīt lietas izlemšanā nozīmīgu dokumentu vai citu rakstisku informāciju un, otrkārt, iztrūkst saziņas neverbālais vizuālais elements (sarunas partnera attēls, mīmika, žesti), no kā var uzzināt juridiskās palīdzības sniegšanai būtisku informāciju. Savukārt, videokonferences režīmā ar klientu sazināties nav iespējams, jo nepastāv atsevišķs, tehniski konfidenciāls saziņas kanāls, kas atbilstu Latvijas Republikas Advokatūras likuma 6. panta otrās daļas 3. un 4. punkta prasībām. Nesaņemot no klienta pilnīgu informāciju un instrukcijas, aizstāvis ir spiests spēlēt “aklās visticīņas” ar procesa virzītāju, jo pēdējam ir daudz plašākas zināšanas par lietas apstākļiem. Tādā veidā tiek izjaukta aizstāvības un apsūdzības puses procesuālo iespēju vienlīdzība (*the principle of equality of arms*).²² Šo aizskārumu būtu iespējams novērst, izstrādājot noteiktu drošības protokolu un tehniskās iespējas klienta konfidencialai saziņai ar advokātu no apcietinājuma vai ieslodzījuma vietas.

4.3. Lietas dalībnieku autentifikācijas un informācijas aizsardzība

Krīzes situācijās kā viens no valsts pārvaldības pamatuzdevumiem ir organizēt konkrētu, vitālu, valstiski svarīgu funkciju veikšanu noteiktā vidē. Krīzes situācijā par virsuzdevumu tiek izsludināts valstiski svarīgu funkciju ieviešanas ātrums, būtiski mazinot drošības komponentes ietekmi uz sasniedzamo mērķi.

Savlaicīgi nevēršot pienācīgu uzmanību autentifikācijas un informācijas aizsardzībai, tiek radīti apstākļi jauna fenomena uzplaukumam e-vidē. Šobrīd šādai parādībai ir dots nosaukums – “dziļviltojums” (*deep fake*).

Šādi gadījumi atstāj graujošu iespaidu gan uz valsts institūciju reputāciju, gan atsevišķiem indivīdiem, jo, kā zināms, viens attēls ir vairāk vērts nekā tūkstoš vārdu.²³ Identiska situācija, ka attālinātā tiesas sēdē par lietas dalībnieku uzdodas cita persona, tehniski ir iespējama un pilnīgi reāla. Uzaicinājumi uz attālinātām tiesas sēdēm ar pieslēgšanās saiti un autorizācijas kodu lietas dalībniekiem tiek sūtīti pa elektronisko pastu bez jebkādas informācijas šifrēšanas,²⁴ tāpēc šo informāciju ir viegli pārtvert. Pieslēgušos lietas dalībnieku identitāte tiek pārbaudīta, vienīgi salīdzinot lietas dalībnieka iepriekš iesūtītās personu apliecinoša dokumenta kopijā redzamo personas fotogrāfiju ar tiesneša datora ekrānā redzamo lietas dalībnieka attēlu. Rodas jautājums – ja reiz valsts ir tērējusi nozīmīgus līdzekļus, izveidojot valsts pakalpojumu portālu ar drošas autentifikācijas iespēju, izmantojot kvalificētu elektronisko parakstu vai maksājumu pakalpojumu sniedzēju autorizācijas rīkus**, tad kāpēc šīs drošas autentifikācijas metodes netiek izmantotas tiesas sēdes dalībnieku autentifikācijai?

** Piem., sk. Latvijas valsts e-pakalpojumu portālā, <https://latvija.lv> (skatīts 27.09.2021.).

Šāda situācija nav neiespējama arī slēgtās tiesas sēdēs, kas notiek videokonferences režīmā. Tā kā tiesas sēžu protokolā nav video attēla ieraksta komponenta, tas izslēdz iespēju speciālistiem novērtēt, ir vai nav bijušas nelikumīgas darbības (*deep fake*) ar tiesas procesa vajadzībām pārraidīto videosignālu. Slēgtās tiesas sēdes nosaka, piemēram, lai aizsargātu personu privātās dzīves un korespondences noslēpumu, komercnoslēpumu, aizsargātu ierobežotas pieejamības informāciju, nodrošinātu personu speciālo procesuālo aizsardzību kriminālprocesā, tāpēc slēgtajām tiesas sēdēm būtu jāizveido drošs saziņas protokols, kas garantē ne tikai drošu lietas dalībnieka autentifikāciju, bet arī pārraidītās informācijas šifrēšanu.

Kopsavilkums

1. Piemērojot Covid-19 infekcijas izplatības pārvaldības likuma regulējumu par rakstveida procesa pielietojuma paplašināšanu un mutvārdu klātienē procesa primāru atvietošanu ar lietas izskatīšanu videokonferences režīmā, neievērojot ECT judikatūras atziņas, var izraisīt ECK 5. panta ceturtās daļas, kā arī 6. un 8. pantā garantēto cilvēktiesību aizskārumu.
2. Lietas izskatīšana rakstveida procesā krimināllietās apelācijas instancē, balstoties uz Covid-19 infekcijas izplatības pārvaldības likuma 12. panta pirmajā daļā piešķirto pilnvarojumu, tiek piemērota plašāk, nekā to pieļauj ECK 6. pants. Senāts šo praksi attaisno ar argumentu, ka tiesai nav saistošs procesā iesaistīto personu viedoklis par kāda konkrēta pierādījuma iegūšanas nepieciešamību.
3. Gan videokonferences režīms, gan rakstveida process ir attālināts process, kas prasa noteiktas zināšanas un tehniskas prasmes no procesā iesaistītās personas, kā arī labu tehnisko nodrošinājumu. Ja valsts nenodrošina kompensējošus mehānismus, notiek privātpersonu netieša diskriminācija, proti, tiesas pieejamība kļūst atkarīga no personu izglītības līmeņa un/vai mantiskā stāvokļa.
4. Tiesu darbā izmantotie videokonferenču tehniskie risinājumi patlaban nenodrošina drošu saziņas kanālu un uzticamu lietas dalībnieka autentifikāciju.
5. Lietu iztiesāšanas videokonferencē norises primārai fiksēšanas metodei jābūt skaņas un attēla ierakstam.
6. Lai nodrošinātu ECK 6. panta pirmās un trešās daļas c. punktā garantēto tiesību uz aizstāvību efektīvu īstenošanu pārvietošanās un pulcēšanās ierobežojumu apstākļos, nepieciešama konfidencialitāti nodrošinoša videokonferences rīka ieviešana, ko savā profesionālajā darbībā izmantotu zvērināti advokāti, sniedzot juridisko palīdzību tiesā un pirmstiesas kriminālprocesā.
7. Attiecībā uz atklātām lietām, ko tiesas izskata videokonferences režīmā, lai nodrošinātu lietas izskatīšanas atklātuma principa ievērošanu sabalansēti ar lietas dalībnieku privātās dzīves aizsardzību, būtu nepieciešams tāds regulējums, kas paredz atklāto tiesas sēžu norises audio straumēšanu, tehniski nodrošinot straumētā materiālā kopēšanas ierobežojumus.

Atsauces

¹ *Kriminālprocesa likums* (01.10.2005., ar grozījumiem, kas izsludināti līdz 05.03.2021.). Latvijas Vēstnesis Nr. 74, 2021. <https://likumi.lv/ta/id/107820> (skatīts 07.09.2021.).

² Meikališa, Ā. (2019). *Kriminālprocesa likuma 140. panta komentārs*. Grām: Kriminālprocesa likuma komentāri A. daļa. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 473. lpp.

³ Grozījumi Covid-19 infekcijas izplatības pārvaldības likumā. Latvijas Republikas likums. (22.12.2020.). Latvijas Vēstnesis, 247A, OP 2020/247A.2 *Grozīto pantu sākotnējā redakcija bija spēkā no 2020. gada 10. jūnija līdz 2020. gada 22. decembrim*.

⁴ Grozījumi Covid-19 infekcijas izplatības pārvaldības likumā. Latvijas Republikas likums. (31.03.2021.). Latvijas Vēstnesis, 63A, OP numurs: 2021/63A.1. Spēkā kopš 01.04.2021.

⁵ Tiesu administrācijas uzturētajā interneta vietnē publicētajās *Vadlīnijās Microsoft Teams izmantošanai tiesas sēžu organizēšanā rajona (pilsētu) tiesās un apgabaltiesās* tiek ieteikts rīkot tiesas sēdes pārtraukumu, lai advokāts varētu sazināties ar klientu, izmantojot citu saziņas kanālu (2021). <https://tiesas.lv/aktualitates/vadlinijas-microsoft-teams-izmantosana-tiesas-sezu-organizesana-rajona-pilsetu-tiesas-un-apgabalties-9928> (skatīts 14.09.2021.).

⁶ Latvijas oficiālā statistika. Centrālā statistikas pārvaldes statistika (2021). <https://data.stat.gov.lv/pxweb/lv/> (skatīts 14.09.2021.).

- ⁷ McKeever, Gráinne (2020). *Barriers to Participation for Litigants in Person in Remote Court Hearings* (May 21, 2020). <https://ssrn.com/abstract=3609885> (skatīts 14.09.2021.).
- ⁸ Likumprojekts Grozījumi Covid-19 infekcijas izplatības pārvaldības likumā, likumprojekta anotācija (2020). <http://titania.saeima.lv/LIVS13/SaeimaLIVS13.nsf/0/74C10BD43ADA54C5C2258625003C9731?OpenDocument#B> (skatīts 16.09.2021.).
- ⁹ Turpat.
- ¹⁰ Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedums lietā *Sakhnovskiy v. Russia* [GC], No. 21272/03, 2 November 2010, 98. Šis un turpmāk citētie spriedumi ir pieejami Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedumu tiešsaistes datu bāzē: <https://hudoc.echr.coe.int/> (skatīts 16.09.2021.).
- ¹¹ Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedumi lietās *S. v. Switzerland*, 12629/87;13965/88 [1991] ECHR 54 (28 November 1991) para 48; *Brennan v. the United Kingdom*, no. 39846/98, ECHR 2001-X 16 October 2001, 58.
- ¹² Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedums lietā *Öcalan v. Turkey* [GC], no. 46221/99, ECHR 2005-IV 12 May 2005, 135.
- ¹³ Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedums lietā *Sakhnovskiy v. Russia*, 28, 106.
- ¹⁴ Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedums lietā *Altay v. Turkey* (no. 2), no. 11236/09, 9 April 2019, 49.
- ¹⁵ Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedums apvienotajās lietās *Grande Stevens and Others v. Italy*, nos. 18640/10 and 4 others, 4 March 2014, 121-122.
- ¹⁶ Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedums lietās *B. and P. v. the United Kingdom*, nos. 36337/97 and 35974/97, ECHR 2001-III 24 April 2001, 37.
- ¹⁷ Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedums lietā *Burden v. the United Kingdom* [GC], no. 13378/05 29 April 2005, 33.
- ¹⁸ Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedums lietā *Döry v. Sweden*, no. 28394/95, 12 November 2002, 37.
- ¹⁹ Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedums lietā *Ekbatani v. Sweden* Series A no. 134, 26 May 1988, 67-70, kā arī plašāk *Hermi v. Italy*, no. 18114/02, ECHR 2006-XII 18 October 2006, 65-66.
- ²⁰ Council of Europe. Notifications under Article 15 of the Convention in the context of the COVID-19 pandemic: Notification - JJ9012C Tr./005-225 - 16 March 2020. <https://rm.coe.int/16809ce9f2> (skatīts 27.09.2021.). Notification JJ91572C Tr./005-272 <https://rm.coe.int/1680a0d467> <https://rm.coe.int/16809ce9f2> (skatīts 27.09.2021.).
- ²¹ Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Krimināllietu departamenta atziņas par tiesiskā regulējuma saistībā ar Covid-19 izplatību valstī piemērošanu (05.08.2020.-05.08.2021.). Apkopojums. https://www.at.gov.lv/files/uploads/files/6_Judikatura/Tiesu_prakses_apkopojumi/2021/Covid-19%20lemumi_KLD_apkopojums_12_08_2021_.docx (skatīts 27.09.2021.).
- ²² Eiropas Cilvēktiesību tiesas spriedumus lietās *Reinprecht v. Austria* (2005). no. 67175/01 ECHR 2005-XII, 15 November 2005, 31; *A. and Others v. the United Kingdom* [GC], no. 3455/05, 19 February 2009, 204.
- ²³ Citron, Danielle Keats & Chesney, Robert Deep Fakes (2019): A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security, 107 California Law Review 1753. Available at SSRN: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3213954 (skatīts 16.09.2021.).
- ²⁴ Tiesu administrācija. Pieslēgšanās instrukcija lietas dalībniekiem tiesas sēdei Microsoft Teams platformā (2021). https://tiesas.lv/Media/Default/dokumenti/Teams_instrukcija_08_12_2020.pdf (skatīts 27.09.2021.).

Анотация

В связи с необходимостью ограничить распространение вирусной инфекции Covid-19 в 2020 году Латвийский законодатель принял несколько правовых норм, расширяющих возможности суда рассмотреть дело в письменном процессе или посредством видеоконференции, заодно сужая применение устного слушания в присутствии сторон. Авторы доказывают, почему применение ограничений, постановленных в Законе об управлении распространения инфекции Covid-19 (лат. – *Covid-19 infekcijas izplatības pārvaldības likums*) может привести к нарушениям прав человека, а также дают предложения для сбалансированного регулирования, чтобы борьба за общественное здоровье не осуществлялась на счёт неоправданного ограничения основных прав человека к справедливому судебному разбирательству и права на неприкосновенность частной жизни.

Ключевые слова: Covid-19, судебный процесс, устное слушание, право на защиту, право на адвоката, принцип гласности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ* В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Илона Булгакова,

доктор права, асоц. профессор, Резекненская Технологическая академия, Резекне, Латвия,
э-почта: ilona.bulgakova@rta.lv, <https://orcid.org/0000-0003-2625-7173>

Владимир Ильич Руднев,

канд. юрид. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт законодательства и
сравнительного правоведения, Москва, Россия,

э-почта: wlad.rudnev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2875-2872>

Abstract

The article is devoted to the topical issue of the theory and practice of criminal procedure: the analysis of the problems of the legal regulation of procedural coercive measures - detention and arrest. The authors outline both the constitutional framework of both procedural means and the topicalities of their legal regulation, and also summarize the directives of the Council of Europe and the Parliament. The problem of terms of detention and their review has been defined, guarantees of the rights of detained persons, incl. guarantees of the rights of minor children.

At the end of the article, the conclusions and some proposals for the improvement of the legal framework in the Latvian Criminal Procedure Law and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are summarized.

Key words: accused, criminal procedure, Criminal Procedure Code, Criminal Procedure Law, detention, desicion, European countries, judge, human rights, pre-trial detention.

Введение

В ходе уголовного судопроизводства в европейских государствах могут применяться различные меры государственного принуждения, к которым, в частности, относятся уголовно-процессуальное задержание и заключение под стражу. Применение этих мер влечет фактическое лишение свободы индивида, еще не признанного судом виновным в совершении преступления. Государства вынуждены применять эти и другие меры процессуального принуждения в интересах общества для сдерживания преступности, недопущения совершения новых преступлений и при условии соблюдения норм права и того, что применение иного средства процессуального принуждения, не связанного с лишением свободы, и тем самым менее ограничивающее права человека, не представляется возможным. Избрание и применение мер принуждения, связанных с лишением свободы, в ряде случаев (к примеру, совершение лицом насильственного преступления) может являться не только законным и обоснованным, но и необходимым для защиты прав общества на безопасность.

Вместе с тем, существуют риски нарушения прав человека при применении задержания и заключения под стражу, и тогда данные меры процессуального принуждения могут иметь цели не только предупреждения совершения новых преступлений и их пресечения, но и цели, не связанных с этим, в частности, политические, экономические и иные. Таким образом, существуют риски злоупотребления служебным положением со стороны отдельных сотрудников следствия, прокуроров, судей. Необходимо отметить, что злоупотребление арестом является самым распространенным нарушением прав человека в мире. Существуют и риски принятия необъективного решения для судей, в задачу которых входит правомерное применение меры пресечения, суды не всегда могут отказать в стремлении сотрудников следственных учреждений заключить лицо под стражу. Применение задержания, заключения

* В данной статье понятие «заключение под стражу» используется для обозначения ограничения свободы в виде процессуального задержания (лат. – *aizturēšana*) и меры пресечения – арест (лат. – *arpcietinājums*). /прим. авт./

под стражу в ряде случаев может быть связано со степенью развития правового государства, уважения к закону, соблюдением принципа верховенства права.

Цель исследования заключается в выявлении норм, способствующих недопущению нарушений прав личности при применении мер принуждения, влекущих лишение свободы. В ходе исследования представляется целесообразным изучение как кодифицированного законодательства, так и изучение отдельных законов, регламентирующих деятельность судов, прокуратуры, полиции, адвокатуры, администрации мест содержания под стражей, связанных с их действиями в ходе избрания и применения задержания и заключения под стражу. Это может наиболее полно отразить сущность исследуемой проблемы.

Задачи исследования: обобщить правовое регулирование задержания и заключения под стражу в нормативных правовых актах Латвии, России, а также в нормативных правовых актах некоторых других европейских стран; актуализировать проблему рисков обеспечения прав человека при применении заключения под стражу и задержания.

Объектом исследования является правовое регулирование мер процессуального принуждения – заключения под стражу в уголовных процессах европейских стран и связанные с этим проблемы права на свободу и личную неприкосновенность.

Предмет исследования: изучение закономерностей регламентации и применения задержания и заключения под стражу в уголовных процессах Латвии, России и некоторых других европейских стран.

Методы исследования: анализ, синтез, индукция и сравнительно-правовой метод.

1. Актуальность правового регулирования статуса задержанных и заключённых под стражу лиц

Уголовно-процессуальное задержание и предварительное заключение под стражу, которое имеет место при расследовании преступлений и судебном разбирательстве, уже давно стало предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ). ЕСПЧ вынес немало решений, касающихся допущенных нарушений при применении задержания и заключения под стражу в уголовных процессах стран европейского региона. Часть из этих решений носит пилотный характер. Обращения граждан в ЕСПЧ позволяют обнаружить общие проблемы, которые касаются законодательства и правоприменительной практики стран Европы, подпадающих под юрисдикцию ЕСПЧ. Решения, выносимые ЕСПЧ, имеют положительное влияние для развития уголовно-процессуального законодательства государств Европы, касающегося применения задержания и заключения под стражу. Благодаря этим решениям повышаются требования не только к качеству законодательства, но и к деятельности судей, прокуроров, должностных лиц следственных учреждений и органов. В связи с этим меняется правосознание законодателей и правоприменителей. Безусловно, что при этом необходимо обращать внимание и на правовое положение лиц, к которым применяется задержание и мера пресечения в виде заключения под стражу. Эти лица в результате применения к ним задержания и заключения под стражу считаются лицами, содержащимися под стражей или же как их называют – заключёнными. В юридической литературе отмечается, что «находятся ли лица в предварительном заключении до суда или отбывают наказание по приговору суда-заключённые уязвимы. Лишенные свободы, они отданы под власть персонала мест лишения свободы, чья профессия трудна и не всегда и не везде этот персонал оказывается на высоте, необходимой для выполнения своего долга. Заключённые подвержены опасностям, сопровождающим жизнь в тесной близости с их сокамерниками, они подвергаются тоске и моральным, а часто и физическим страданиям, порожденным лишением свободы»¹.

Следует отметить, что вместе с тем, применение задержания и заключения под стражу не всегда вызывается необходимостью и может способствовать вынесению приговора с назначением наказания в виде лишения свободы. Таким образом, можно говорить о лицах, к которым применяются указанные меры принуждения, как об отдельной категории лиц, привлечённых к уголовной ответственности и в отношении которых может проводиться

досудебное производство/досудебный процесс** и судебное разбирательство, которые являются уязвимыми. В этой связи государствами предпринимаются меры, направленные на недопущение незаконных и необоснованных случаев заключения под стражу и вынесения приговоров к лишению свободы.

Существуют государства, которые признают необходимость сокращения числа лиц, приговариваемых к лишению свободы и соответственно тех, кто до этого заключается под стражу. Так, в юридической литературе отмечается, что, например, в Финляндии было признано, что высокая по сравнению с другими странами доля заключенных в составе населения этой страны является позором²: можно значительно уменьшить число приговоров к лишению свободы и сократить его срок без ухудшения положения дел с преступностью. Поэтому необходим комплекс мер направленных на достижение таких задач. И этого можно добиться путем снижения числа незаконных и необоснованных случаев задержания, заключения под стражу. При этом эти лица нуждаются в дополнительных гарантиях, которым они должны быть наделены, чтобы не быть подвергнутыми незаконному и необоснованному задержанию, и заключению под стражу. В этой ситуации, как представляется, нельзя говорить о каком-либо неравенстве в отношении лиц, привлечённых к уголовной ответственности или в отношении которых может быть начато уголовное преследование в результате задержания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако проблема в этой связи, при наличии ошибки судопроизводства при применении необоснованного задержания или ареста, может присутствовать. В практике применения содержания под стражу на стадии судебного расследования в суде первой или апелляционной инстанции до вынесения приговора или же при неоднозначно трактуемой правовой аргументации в так называемом сокращённом приговоре суда первой инстанции, когда обвиняемый может быть подвергнут ограничению свободы при оглашении сокращённого приговора, актуальными становятся вопросы обоснованности решений о применении данной меры пресечения.

В Латвии по статистике число подверженных мере пресечения – содержанию под стражей лиц имеет тенденцию постоянного уменьшения, и причины этому различны, в том числе и различие в нормативном регулировании менее тяжких преступлений имущественного характера (именно такие преступления по данным статистики являются наиболее распространёнными); более мягкое отношение законодателя и судов в странах-участницах ЕС с более высоким уровнем жизни, в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении таких преступлений; различия в условиях содержания в заключении и объёме прав заключённых в странах европейского региона. К примеру, в Литовской Республике, в отличие от Латвии, декриминализованы правонарушения имущественного характера (мелкие кражи). Однако данные вопросы не являются предметом данного исследования.

По статистике, если на 2010 год число таких лиц составляло 2031, то на 31 декабря 2020 года число заключённых составляло 810 лиц, из которых 54 женщины, 7 несовершеннолетних и 3 человека, осужденных судами по приговорам, не вступившим в силу к пожизненному заключению и находящимся под стражей. Также по данным статистики Департамента мест заключения, общее количество находящихся в заключении лиц на 31.12.2020. составляло 3104 человека (осужденных – 2294 и соответственно заключённых – 810 человек).³

Если лицо задержано и рассматривается вопрос о применении ареста, то в большинстве государств Европы решение о заключении под стражу принимают суды, а не прокуроры, как это было раньше. Ранее в России имела отрицательная практика, когда прокурор давал санкцию на арест и лицо, которое могло быть арестовано, не доставлялось ни в суд, ни даже к прокурору и такая процедура происходила заочно. Это приводило к избыточности избрания данной меры пресечения. Так, например, в России прокуроры в год арестовывали до 400 тысяч человек, и когда с 1 июля 2002 года была введена процедура судебного ареста, то после этого

** В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в отношении досудебного расследования употребляется термин «предварительное расследование», в Уголовно-процессуальном законе Латвии используется термин «следствие в досудебном процессе», «досудебный процесс» (lat.- izmeklēšana pirmstiesas procesā, pirmstiesas process).

число лиц, заключаемых под стражу, снизилось до 150 тысяч в год и менее. Исходя из этого, нельзя допустить возвращения к прежней процедуре выдачи санкции на арест прокурором.

Следует сказать, что в ряде государств Европы для того, чтобы заключить лицо под стражу, необходимо наличие не предположений, а именно доказательств того, что лицо, например скроется от органов следствия и суда и т. д. Это особенно важно. Так, например, согласно статье 176 УПК Республики Молдова меры пресечения могут применяться лишь в случае, если имеются достаточные, подтвержденные доказательствами разумные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый может скрыться от органа уголовного преследования или судебной инстанции, оказать давление на свидетелей либо повредить средства доказывания или другим способом воспрепятствовать установлению истины в уголовном процессе, совершить другие преступления или что его освобождение повлечет нарушение общественного порядка.⁴

Таким образом, для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу необходима определенная совокупность доказательств, которые бы убедили суд в том, что мера пресечения, включая, заключение под стражу должна быть применена. Это налагает определенные требования к деятельности органов предварительного расследования, которые намереваются избрать меру пресечения в виде заключения под стражу и должны собрать и представить в суд необходимые сведения. Аналогичные требования содержатся и в УПК Украины. При этом указано, что если орган дознания, следователь, прокурор не смогут установить данные, подтверждающие, что подозреваемый, обвиняемый будет уклоняться от дознания, следствия, препятствовать установлению истины по уголовному делу или продолжать преступную деятельность, то судья вынесет постановление об отказе в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.⁵ Это, как представляется, повышает правовую защищенность личности, налагает на суд обязанность требовать от органов предварительного расследования представления необходимых доказательств.

В настоящее время решение о заключении под стражу в большинстве стран Европы принадлежит следственному судье. Его деятельность в большей степени способствует защите прав и свобод лиц включая тех лиц, в отношении которых произведено задержание либо решается вопрос о заключении под стражу. Везде эти судьи называются по-разному, например, в Молдавии – это судья по уголовному преследованию.⁶

Во Франции наряду со следственным судьей введена должность судьи по правам и свободам, который как раз и специализируется на вопросах, связанных с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу. Следственный судья – это специализированный судья, который, как правило, в дальнейшем не может вести судебное разбирательство по данному делу, и таким образом, должен быть независимым при принятии решения о заключении под стражу и при проверке задержания, которое могло иметь место. Необходимо сказать, что к следственному или иному судье должно быть доставлено лицо, которое было задержано в связи с подозрением в совершении преступления после того, как оно находилось некоторое время в полицейском участке, или в другом месте. Это находится в соответствии с Конвенцией о защите прав и основных свобод человека, предусматривающей незамедлительное доставление задержанного лица в суд.

В уголовном процессе Латвии вопросы применения ареста также решает следственный судья. Согласно статье 40, 41 Уголовно-процессуального закона Латвии (далее УПЗ Латвии)⁷, следственный судья реализует функцию контроля ограничения прав человека в досудебном процессе (во время следствия досудебного процесса и уголовного преследования), а также в суде первой инстанции до начала рассмотрения дела.

При задержании и заключении под стражу большое значение должно придаваться охране прав несовершеннолетних. Так, Директива Европейского Совета и Парламента 2016/800 (ES) о процессуальных гарантиях для несовершеннолетних, подозреваемых и обвиняемых в уголовном процессе (далее Директива 2016/800 (ES)). Нормы данной Директивы должны были быть транспонированы в уголовно-процессуальные нормативные акты стран-участниц Евросоюза до 11 июня 2019 года. Директива 2016/800 (ES определяет в том числе и права

заклучённых несовершеннолетних в уголовном процессе или тем, которым применён процесс Европейского ордера на арест, право на незамедлительную помощь в случае задержания или ареста адвоката, на особое обращение во время ограничение свободы.⁸

Особое значение имеет защита прав несовершеннолетних от пагубного воздействия преступной среды. Так в Уголовно-процессуальном кодексе Эстонской Республики (далее УПК Эстонии) предусмотрено, что в случае несовершеннолетнего, заключаемого под стражу, судья предварительного следствия особенно тщательно оценивает возможное негативное влияние заключения под стражу на лицо, заключаемое под стражу.⁹ Возложение на суд такой обязанности при рассмотрении вопроса о заключении под стражу несовершеннолетнего является важным. При этом судья должен обладать всей полнотой необходимой информации о несовершеннолетнем, чтобы принять правильное решение. Таким образом, во внимание могут приниматься не только интересы круг требований, необходимых для вынесения законного, обоснованного решения о заключении под стражу несовершеннолетнего. Необходимо отметить, что несовершеннолетние нуждаются в дополнительных гарантиях по сравнению со взрослыми, задерживаемыми и заключаемыми под стражу. Это связано с тем, что их поведение может быть криминализировано под воздействием нахождения в местах содержания под стражей. Несовершеннолетние не должны быть задержаны в уголовно-процессуальном порядке на такие же сроки, как и взрослые. И они не могут содержаться под стражей столько времени, сколько и взрослые. В этой связи можно критически отнестись к статье 423 УПК Российской Федерации, где предусмотрено, что задержание и применение меры пресечения в отношении несовершеннолетних могут происходить в таком же порядке, как и в отношении взрослых.¹⁰ Поэтому в УПК РФ должны быть, как представляется, внесены изменения, чтобы процедура задержания и заключения несовершеннолетних под стражу отличалась от процедуры задержания и заключения под стражу взрослых, подвергнутых заключению под стражу. В УПЗ Латвии предусмотрены гарантии прав заключённых несовершеннолетних по срокам содержания под стражей (статья 278 УПЗ).

С обеспечением прав несовершеннолетних заключённых, а также взрослых лиц, связано право доступа к суду, т. е., право задержанного, подозреваемого или обвиняемого лица при рассмотрении вопроса о заключении под стражу и его пересмотра, непосредственного присутствовать при рассмотрении вопроса в судебном заседании, а не участвовать в заседании суда в режиме онлайн.

В целом необходимо упомянуть, что Совет Европы 30 ноября 2009 года принял Резолюцию о дорожной карте (руководстве) по укреплению процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых в уголовном процессе. Дорожная карта включает несколько видов мероприятий, конкретно, права на устный и письменный перевод; права на информацию о правах и право на выплаты; права на получение юридических консультаций и юридической помощи; права на общение с близкими, работодателями и консульскими учреждениями; а также особые охранные мероприятия незащищённым подозреваемым и обвиняемым). Данная дорожная карта включена в Стокгольмскую программу «Открытая и безопасная Европа, которая служит своим гражданам и защищает их».¹¹

2. Конституционно-правовое содержание ограничения права на свободу и личную неприкосновенность при заключении под стражу и задержании

Необходимо иметь в виду, что в европейских государствах, как и в ряде других государств мира, нормы, касающиеся задержания и заключения под стражу, имеют конституционно-правовое содержание и сформулированы в конституциях.

Так, в статье 104 Основного закона Германии указано, что любое лицо, временно задержанное по подозрению в совершении преступления, должно быть не позднее дня следующего за задержанием, доставлено к судье, который обязан сообщить задержанному причины его задержания, допросить его, дать ему возможность представить свои возражения. Судья обязан немедленно дать мотивированное письменное распоряжение об аресте либо распорядиться об освобождении задержанного.¹² Эти же конституционные нормы нашли

отражение в параграфе 128 Уголовно-процессуального кодекса (далее УПК Германии).¹³ Таким образом, даже если само лицо не просит доставить его в суд, полиция или другой орган, который его задержали, обязаны доставить туда задержанное лицо. Причем данное лицо должно предстать перед судьей, и судья может увидеть такое лицо воочию, выяснить у него обстоятельства дела, а также установить другие обстоятельства, которые ранее не были выяснены или установлены. Таким образом, эта процедура не происходит заочно, в отсутствие лица, которое было задержано. В силу этого право на судебную защиту задержанному лицу в УПК Германии гарантируется государством.

В Конституции Испании отмечается, что каждый задержанный должен быть проинформирован немедленно о своих правах и причинах задержания и не может быть принужден давать показания. Задержанному гарантируется присутствие и помощь адвоката в оформлении полицейских и судебных актов в порядке, установленном законом.¹⁴

Конституция Латвийской Республики (лат.-Satversme, далее Сатверсме) определяет ограничение права на свободу исключительно на основании закона. Конкретно, статья 94 Сатверсме определяет, что каждый имеет право на свободу и неприкосновенность лица. Никто не может быть подвержен лишению или ограничению свободы иначе, как только согласно закону.¹⁵

Статья 22 Конституции России предусматривает, что *«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. 2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов»*¹⁶

Статья 20 Конституции Литовской Республики определяет, что *«свобода человека неприкосновенна. Никого нельзя подвергнуть незаконному аресту или содержанию в заключении. Никто не может быть лишён свободы без законом предусмотренного основания и без соблюдения процедуры, предусмотренной законом...»*.¹⁷ Статья 20 и 21 Конституции Эстонии предусматривает детализированное регулирование в отношении прав на свободу.¹⁸

Таким же образом конституционные рамки ограничения прав на свободу содержат основные законы – Конституции многих европейских стран.

В уголовном процессе Латвии задержанное лицо может быть и не доставлено в суд, если следователь решает вопрос о применении альтернативной меры пресечения, не связанной с лишением свободы. Необходимо упомянуть норму статьи 1 УПЗ Латвии, которая определяет цель закона, подчёркивая недопущение неоправданного вмешательства в личную жизнь человека. И в статье 244 УПЗ Латвии, в частности, указано, что *«лицо, ведущее процесс, избирает такую меру процессуального принуждения, которая по возможности меньше затрагивает основные права лица и является соразмерной»*.¹⁹ Данное положение является весьма важным для избрания и применения меры пресечения. Это налагает на суд, выносящий решение об избрании меры пресечения - заключения под стражу, определенные требования, чтобы исключить не только неоправданное вмешательство в личную жизнь человека, но и возможное злоупотребление уголовно-процессуальными средствами в иных целях, не связанных с уголовным процессом. Причем здесь предусмотрено требование не только к действиям, связанным с ограничением прав человека, но и к соразмерности при избрании меры пресечения. В таких ситуациях, касающихся соразмерности при избрании меры пресечения, важно сократить возможность допущения ошибок в результате действий человеческого фактора, который могут присутствовать как у следователей, выносящих предложения (лат.-ierosinājums) суду, так и у судей, выносящих решения о заключении под стражу.

Необходимо подчеркнуть, что в некоторых странах гарантией обеспечения правомерности ограничения прав на свободу и их содержания, являются специальные законы. Так в Латвии действует *«Закон о порядке содержания лиц под стражей»* и *«Закон о порядке содержания задержанных лиц»*. Целью *«Закона о порядке содержания лиц под стражей»* является соразмерное обеспечение прав человека и интересов уголовного процесса по исполнению меры пресечения – заключение под стражу (статья 1), правовым основанием

исполнения которой является решение следственного судьи или суда (если заключение под стражу применено после передачи дела в суд). В рамках правового международного сотрудничества в случаях осуждения лица в другом государстве, основанием для временного заключения под стражу также является решение следственного судьи.²⁰ В свою очередь, норма части первой статьи 3 «Закона о порядке содержания задержанных лиц» определяет правовое основание помещения задержанного в место кратковременного задержания – протокол задержания, оформленный согласно УПЗ Латвии.²¹ В России также действует Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».²²

При этом, когда рассматривается вопрос об избрании меры пресечения данному лицу, то важным является обеспечение права на защиту и в частности – обязательного участия защитника. Необходимо отметить, что право на защиту гарантировано как Конституциями европейских стран, Директивами Европейского Совета и Парламента, так и законодательными актами государств Европы установлены полномочия защитника при избрании меры пресечения. Так, в Эстонии предусмотрено, что если истек срок задержания, то в отношении лица должно быть принято решение о его заключении под стражу или избрании иной меры пресечения, в частности, домашнего ареста или залога, либо такое лицо должно быть отпущено, если в его действиях не усматриваются признаки состава преступления. При этом важным является предоставление защитника лицу, когда решается вопрос о заключении его под стражу, но и на всем протяжении нахождения его под стражей.²³

На уровне Европейского Парламента и Совета приняты мероприятия по обеспечению процессуальных прав в уголовном процессе, в том числе и подозреваемых и обвиняемых, подвергшимся мере пресечения – заключению под стражу. Ранее в статье отражена Директива 2016/800 (ES) о гарантиях прав детей – подозреваемых и обвиняемых. Существуют как минимум четыре вида таких мероприятий, в том числе и Директивы Европейского Парламента и Совета (далее Директивы), в том числе Директива 2010/64/ES, 2012/13/ES, 2013/48/ES, 2016/343.²⁴ К примеру, Директива 2013/48/ES определяет право обвиняемого на помощь адвоката и в процессе Европейского ордера на арест, а также право лица, лишённого свободы информировать третье лицо, и связаться с третьими лицами и консульскими учреждениями.

Гарантии укрепления презумпции невиновности и право на очное участие при рассмотрении дела содержит Директива 2016/343 от 9 марта 2016 года.²⁵

3. Сроки ограничения прав на свободу при заключении под стражу и задержании

Вопрос о сроках содержания под стражей является весьма непростой проблемой, так как имеют место многочисленные случаи их нарушения. Поэтому должны предприниматься меры как законодательного, так и организационного характера, направленные то, чтобы сокращать сроки содержания под стражей. При этом именно на суд возлагается большая роль в проверке интенсивности проведения процессуальных действий с лицами, содержащимися под стражей. Так в Финляндии предусмотрено, что данное дело и ордер на арест должны пересматриваться каждые две недели.²⁶ Такая обязанность суда представляется чрезвычайно важной и может способствовать тому, чтобы процессуальные и иные действия с лицами, содержащимися под стражей, производились интенсивно. Совершение этих действий возлагается именно на суд, а не на прокурора или органы предварительного расследования, что, как представляется, может способствовать объективности при проверке сроков содержания под стражей. Кроме того, можно обратиться к статье 31 Конституции Республики Сербия, где указано, что суд должен насколько максимально возможно сократить содержание под стражей после предъявления обвинений, в соответствии с законом.²⁷ Как представляется, такой смысл конституционных норм ориентирует на то, чтобы именно суды принимали меры к тому, чтобы лица, заключенные под стражу, не находились в таком состоянии длительные периоды времени. В этой ситуации суды могут нацеливать органы, ведущие производство по делу к скорейшему окончанию расследования. В Конституции этой страны предусмотрено и то, что сокращение

срока содержания под стражей может происходить после того, как лицу было предъявлено обвинение. При этом можно обратить внимание на то, что, например, в статье 28 Конституции Португальской Республики, называющейся «предварительное заключение» указано, что закон устанавливает срок предварительного заключения до и после предъявления обвинения.²⁸

При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу весьма актуальным является положение о сроках содержания под стражей, их продолжительности. В государствах Европы нормативными актами установлены разные сроки, в течение которых лицо может содержаться под стражей. При этом можно различать первоначальные сроки, на которые лицо заключается под стражу и последующие периоды времени, когда срок содержания под стражей может быть продлен. Так, например, в Польше первоначальный срок содержания под стражей устанавливается на срок до 3 месяцев, затем этот срок может быть продлен еще на 3 месяца. В случае если следствие не может быть завершено в этот срок, суд, имеющий юрисдикцию над данным делом, может продлить срок заключения до шести месяцев. Суд более высокого уровня может продлить его до двенадцати месяцев. Суммарный срок предварительного заключения до вынесения первого приговора суда первой инстанции не может превышать двух лет, если только такое продление не было разрешено решением Верховного Суда.²⁹

В уголовном процессе Латвии сроки содержания под стражей совершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в зависимости от тяжести преступного деяния – от 30 дней (при подозрении или обвинения в уголовном проступке) до 24 месяцев (при подозрении или обвинении в особо тяжком преступлении). Следственный судья в досудебном процессе и суд вышестоящей инстанции во время рассмотрения дела судом вправе продлить срок содержания под стражей ещё на 3 месяца. Вышестоящий суд вправе продлить ещё раз срок содержания под стражей. Тем самым, максимальный срок содержания под стражей может достигать 30 месяцев.³⁰

Не утратил актуальности вопрос соблюдения сроков пересмотра содержания под стражей и в УПЗ Латвии. Законом предусмотрена обязанность следственного судьи пересматривать арест через каждые два месяца, если ранее не получено ходатайство заключённого или защитника (ст.280 УПЗ Латвии). И учитывая неконкретность этой правовой нормы, на практике возникают различные толкования срока данной нормы в силу как объективных (к примеру, передача дела следователем в прокуратуру или прокурором в суд «выпадает» на данный срок), так и субъективных причин (к примеру, недобросовестность следователя или прокурора, направляющего дело для уголовного преследования или соответственно в суд, в последний день срока двух месяцев, отведённых законом для пересмотра дальнейшего содержания под стражей). Срок пересмотра в некоторых случаях трактуется расширительно, тем самым реальный пересмотр может состояться и по прошествии более чем два месяца. В одном деле, по которому пересмотр был проведён неоднократно, было установлено, что постоянное несоблюдение этого срока, превышая срок на 1–3 дня, привело к тому, что лицо было в статусе заключённого на более чем 30 дней дольше, чем если бы 2-месячный срок пересмотра содержания под стражей был бы неукоснительно соблюден.

Что касается сроков задержания, то эти сроки в уголовных процессах стран составляют от 24 часов и больше. Так, в Дании имеется Основной закон «Акт отправления правосудия» (англ. *The Danish Administration of Justice Act*), где указано, что «полиция имеет право задержать подозреваемого на срок до 24 часов. За это время задержанный должен предстать перед судьей. В случае, если полиция считает необходимым продлить срок задержания, судья может отложить принятие решения на срок до 72 часов, в течение которого обвиняемый считается задержанным».³¹ В данной ситуации можно говорить о процессуальном статусе такого лица, которое не является подозреваемым или обвиняемым, а считается задержанным.

В УПЗ Латвии срок задержания до принятия решения о применении меры пресечения – содержание под стражей составляет от 12 до 72 часов (для доставления в суд лица на основании статьи 270 УПЗ – 12 часов, до 48 часов задержание – согласно статье 264 УПЗ, в

рамках международного судопроизводства – задержание с целью выдачи лица – до 72 часов согласно статье 699 УПЗ).³²

Как актуальную проблему в контексте сроков содержания под стражей необходимо упомянуть и обеспечение права на окончание процесса в разумные сроки. Под критериями разумных сроков как в контексте статьи 6 Конвенции прав и основных свобод человека, так и в практике ЕСПЧ, так и в уголовно-процессуальных нормах европейских стран подразумевается несколько основных элементов: объём дела, юридическая сложность, количество процессуальных действий, отношение вовлечённых в процесс лиц к исполнению своих процессуальных обязанностей и иных объективные обстоятельства. Однако вопросы организации судов не являются объективным обстоятельством, это подчёркнуто, к примеру, в решении от 04.09.2018. Сената Верховного суда Латвии по делу SKK-337/2018, 11210030713. По данному делу судом признано нарушение прав обвиняемых лиц, и согласно пункту 1 части первой статьи 49¹ Уголовного закона Латвии, обоим обвиняемым уменьшена продолжительность наказания в виде лишения свободы на 10 месяцев, пропорционально количеству времени 10 месяцев, в течение которых по причине перехода судьи, рассматривающего дело в первой инстанции на другую должность. И данное обстоятельство, связанное с организацией судебной работы, не является объективной причиной продления судебного рассмотрения дела.³³

Заключение

1. Проведенный анализ актуальностей правового регулирования о мере пресечения – заключении под стражу в конституционных и уголовно-процессуальных нормативных актах государств Европы отражает существенное значение и роль отношения законодателя к решениям судей по ограничению права на свободу лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Отношение законодателя выражается в требованиях, выдвигаемых законом, как предпосылок соблюдения конституционного права человека на свободу.
2. Право государства ограничения права свободы лица при применении задержания и ареста (содержание под стражей) применимо лишь в случаях неукоснительного соблюдения правовых норм, регламентирующих правовые основания и процедуры вынесения решения и исполнения задержания, а также содержания под стражу.
3. На срок продолжительности содержания под стражей, как с точки зрения интересов судопроизводства, так и прав человека, непосредственное влияние оказывает чёткая регламентации процедуры пересмотра содержания под стражей и судебный контроль за соблюдением правомерности ограничения прав человека. Тем самым сроки содержания под стражей оказывают существенное влияние на длительность уголовного процесса в целом.
4. Существенным с точки зрения соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых на окончание процесса в разумные сроки, а также с точки зрения интересов уголовного процесса, является позитивная практика судопроизводства некоторых европейских государств, где именно суд проверяет интенсивность проведения процессуальных действий, во время содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых.
5. Проблемой обеспечения прав несовершеннолетних лиц, подвергаемых содержанию под стражей в уголовном процессе РФ, является недостаточность гарантий прав данных лиц. В связи с этим в статью 423 УПК РФ необходимо внести изменения в целях определения отличий процедуры задержания и заключения несовершеннолетних под стражу от процедуры задержания и заключения под стражу взрослых.
6. Проблемой обеспечения прав лиц, подвергаемых аресту в уголовном процессе Латвии, является неконкретное определение в законе сроков пересмотра содержания их под стражей. В статью 280 УПЗ Латвии необходимо внести изменения, определив чёткие сроки пересмотра содержания под стражей (лат. – *arpcietinājums*), что позволило бы

достигнуть единообразности практики применения сроков процедуры пересмотра данной меры пресечения.

7. Ориентация на снижение сроков пребывания под стражей в уголовном процессе может не только способствовать укреплению прав подозреваемых и обвиняемых, но и существенно снизить риски злоупотреблений служебным положением и властью должностными лицами, ответственными за ведение уголовных дел.

В целом необходимо подчеркнуть неизменную актуальность темы исследования, в основе которой – фундаментальное и защищаемое основными законами европейских стран право человека (индивида) на свободу и его неприкосновенность, и возможность ограничения этого права лишь на основании закона при условии неукоснительного соблюдения предусмотренной законом правовой процедуры.

Ссылки

- ¹ Коста, Ж.-П. (2016). Судьи на службе справедливости и свободы. Европейский суд по правам человека. Москва: ООО «Издательский дом «ИРГА 5». С.115. (256 с.).
- ² Торнудд, П. (2012). Пятнадцать лет сокращения численности заключенных в Финляндии. В книге: От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / Сост. Ю. Г. Ясавеев. Хельсинки. С.82 (224 с.).
- ³ Ieslodzījuma vietu oficiālās statistikas pārskats par 2020. gadu (Данные официальной статистики мест заключения, данные на 31 декабря 2020 года). <https://www.ievp.gov.lv/lv/oficialas-statistikas-parskati> (ресурс осмотрен 01.02.2022.).
- ⁴ Гловюк, И. В. (2010). Некоторые аспекты реализации права на защиту при судебном рассмотрении представления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовно-процессуальному законодательству Украины. В кн.: Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики. М. С.166.
- ⁵ Там же, С.166.
- ⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Молдовы (по состоянию на 23 декабря 2021 года)/ http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729 (ресурс осмотрен 01.02.2022.).
- ⁷ Kriminālprocesa likums (21.04.2005., ar grozījumiem līdz 01.01.2022.) (Уголовно-процессуальный закон Латвии, по состоянию на 01.01.2022.)/ <https://likumi.lv/ta/id/107820-kriminalprocesa-likums>.
- ⁸ Directive (EU) 2016/800 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on procedural safeguards for children who are suspects or accused persons in criminal proceedings (Директива Европейского Совета и Парламента (ЕС) 2016/800 о процессуальных гарантиях для несовершеннолетних, подозреваемых и обвиняемых в уголовном процессе/Official Journal of the European Union, L132, Volume 59, 21 May 2016 <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L:2016:132:TOC> (ресурс осмотрен 07.02.2022.).
- ⁹ Уголовно-процессуальный закон Эстонской Республики, по состоянию на 01.01.2022. <https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ%20КОДЕКС%2001.01.2022.pdf> (ресурс осмотрен 01.02.2022.).
- ¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 21.12.2021.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (ресурс осмотрен 07.02.2022.).
- ¹¹ The Stockholm Programme – An open and secure Europe serving and protecting citizens (2010). Стокгольмская программа. OV C 115, 4.5.2010., 2010/C 115/01/ [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52010XG0504\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52010XG0504(01)).
- ¹² Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland (1949). Artikel 104/Deutscher Bundestag - Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland.
- ¹³ Strafprozessordnung (Уголовно-процессуальный кодекс Германии, по состоянию на 21.12.2021. /<https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/StPO.pdf> (ресурс осмотрен 01.02.2022.).
- ¹⁴ Конституции государств Европейского Союза. Конституция Испании. Под ред. Л. А. Окунькова. Москва, 1997, С. 574.
- ¹⁵ Latvijas Republikas Satversme (15.02.1922.) (Конституция Латвийской Республики)/ <https://likumi.lv/ta/id/57980-latvijas-republikas-satversme> (ресурс осмотрен 07.02.2022.).
- ¹⁶ Конституция Российской Федерации. (constitution.ru) (ресурс осмотрен 01.02.2022.).
- ¹⁷ Lietuvos Respublikos Konstitucija/<https://www.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija.htm> (ресурс осмотрен 07.02.2022.).
- ¹⁸ Latvijas Republikas Satversmes komentāri. VIII nodaļa. Cilvēka pamattiesības (2011). Autoru kolektīvs R.Baloža redakcijā. Rīga: Latvijas Vēstnesis. 190.lpp. (864 lpp.).
- ¹⁹ Kriminālprocesa likums, 241.pants (21.04.2005. ar grozījumiem līdz 01.01.2022.) (Уголовно-процессуальный закон Латвии, статья 241, по состоянию на 01.01.2022.)/ <https://likumi.lv/ta/id/107820-kriminalprocesa-likums> (ресурс осмотрен 07.02.2022.).

- ²⁰ Apcietinājuma turēšanas kārtības likums (22.06.2006.) (Закон о порядке содержания под стражей) <https://likumi.lv/ta/id/138990-apcietinajuma-turesanas-kartibas-likums>.
- ²¹ Aizturēto personu turēšanas kārtības likums (13.10.2005.). (Закон о порядке содержания задержанных) <https://likumi.lv/ta/id/119371-aiztureto-personu-turesanas-kartibas-likums>.
- ²² Федеральный закон РФ, №103-ФЗ, «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». (15.07.1995.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7270/ (ресурс осматриван 01.02.2022.).
- ²³ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии/ по состоянию на 01.01.2022./ <https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ%20КОДЕКС%2001.01.2022.pdf> (ресурс осматриван 01.02.2022.).
- ²⁴ Directive 2013/48/EU of the European Parliament and of the Council of 22 October 2013 on the right of access to a lawyer in criminal proceedings and in European arrest warrant proceedings, and on the right to have a third party informed upon deprivation of liberty and to communicate with third persons and with consular authorities while deprived of liberty (2013). (Директива Европейского Совета и Парламента 2013/48/EU) Official Journal of the European Union/<http://data.europa.eu/eli/dir/2013/48/oj> (ресурс осматриван 07.02.2022.); Предварительное заключение в регионе Балтийского моря (2003). Копенгаген-Осло. 157 с.
- ²⁵ Directive (EU) 2016/343 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on the strengthening of certain aspects of the presumption of innocence and of the right to be present at the trial in criminal proceedings (2016). *OV L 65, 11.3.2016.*, <http://data.europa.eu/eli/dir/2016/343/oj> (ресурс осматриван 07.02.2022.).
- ²⁶ Предварительное заключение в регионе Балтийского моря (2003). Копенгаген-Осло, С.71 (157 с.).
- ²⁷ Мельников В. Ю., Серегин В. В., Сизько И. А. (2017). Сборник современных конституций южнославянских и западнославянских государств М., С. 107.
- ²⁸ Конституции стран Европейского Союза (1997). Под ред. Л. А. Окунькова Москва, С.127.
- ²⁹ Предварительное заключение в регионе Балтийского моря (2003). Копенгаген-Осло, С.71 (157 с.).
- ³⁰ Kriminālprocesa likums (21.04.2005., ar grozījumiem līdz 01.01.2022.) (Уголовно-процессуальный закон Латвии, по состоянию на 01.02.2022.)/ <https://likumi.lv/ta/id/107820-kriminalprocesa-likums>; Kriminālprocesa likuma komentāri (2019). Rīga: Latvijas Vēstnesis. 769.lpp. (1032 lpp.).
- ³¹ Предварительное заключение в регионе Балтийского моря (2003). Копенгаген-Осло. С. 28.
- ³² Kriminālprocesa likums, 241., 264., 270., 699. pants (21.04.2005., ar grozījumiem līdz 01.01.2022.) (Уголовно-процессуальный закон Латвии, по состоянию на 01.01.2022.)/ <https://likumi.lv/ta/id/107820-kriminalprocesa-likums> (ресурс осматриван 01.02.2022.).
- ³³ Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Krimināllietu departamenta 04.09.2018. lēmums lietā SKK-337/2018, 11210030713 (2018). <http://www.at.gov.lv/judikatura> (ресурс осматриван 07.02.2022.).

Anotācija

Raksts vēltīts kriminālprocesa teorijas un prakses aktualitātei: procesuālo piespiedu līdzekļu – aizturēšanas un apcietinājuma – tiesiskā regulējuma analīzei. Autori iezīmē gan abu procesuālo piespiedu līdzekļu konstitucionālo ietvaru, gan to tiesiskās reglamentācijas aktualitātes, analizē arī Eiropas Padomes un Parlamenta Direktīvu normas. Rakstā atspoguļota apcietinājuma termiņu un to pārskatīšanas problēma, apcietināto personu tiesību garantijas, t. sk. nepilngadīgo bērnu tiesību garantijas.

Raksta noslēgumā apkopoti secinājumi, kā arī daži priekšlikumi tiesiskā regulējuma pilnveidei Latvijas Kriminālprocesa likumā un Krievijas Federācijas Kriminālprocesa kodeksā.

Atslēgas vārdi: kriminālprocess, apcietinājums, apcietinājuma termiņi, apcietināto personu tiesības.

USING LEGAL ENTITY IDENTIFIER (LEI) ON BLOCKCHAIN FOR REDUCING MONEY LAUNDERING RISKS AT FINANCIAL INSTITUTIONS

Makhmud Makhmudov,

Master student, Estonian Entrepreneurship University of Applied Sciences Mainor, Enterprise Strategic Management

E-mail: m.efendi@leipapa.com

Abstract

The increasing use of blockchain technology nowadays can play a key role in using the decentralized network as a standard database for the unified and secured registry, through which financial institutions can conduct a relevant customer due to diligence measures and business transactions by verifying organizations' Legal Entity Identifier (LEI) codes, self-sovereign identifiers managed by the Global Legal Entity Identifier Foundation (GLEIF). With proper implementation, this solution can be applied to blockchain networks, offering the additional advantage of quality control and detailed business analysis. Thus, by giving financial institutions the benefit of interacting with legal entities that have proved their reputation and, therefore, by reducing the money laundering risk at financial institutions, blockchain technologies now could reach global standardization and acceptance by financial institutions worldwide.

Keywords: *LEI, blockchain, anti-money laundering, risk assessment, risk management.*

Introduction

Money laundering and terrorist financing can do harm to the stability of a financial system, and negatively affect the reliability of banks and other financial institutions, such as security firms and insurance companies. Money laundering activity has been associated with several cases related to bank failures around the globe, including the closures of the European Union Bank, Riggs Bank, Danske Bank AS etc. Such cases indicate that the risk of money laundering has been implemented at the financial institutions mentioned above and the overall risk of involving financial institutions in such transactions is high.

As money laundering and terrorist financing threaten financial and non-financial institutions and societies, the challenge, and the necessity to develop technologies in order to prevent and detect financial crime intensifies. The key features and main tools for solving this problem are, respectively, the knowledge (awareness) of the financial institutions' employees and the information technologies. This paper proposes to consider the risks of money laundering and terrorist financing arising during the establishment of relationships between financial institutions and prospective clients and during the conduction of due diligence measures with the existing clients. The author believes that internal control mechanisms at financial institutions should be constantly developed to identify the risks associated with the legalization of criminal proceedings and ensure the economic security of a particular financial institution. The purpose of this research is to propose using a global registry of legal entities (LEI index) through which financial institutions can conduct relevant diligence and business transactions, thereby reducing the risk of money laundering at financial institutions, by verifying the Legal Entity Identifier (LEI) codes, self-sovereign identifiers managed by the Global Legal Entity Identifier Foundation (GLEIF), a Swiss-based organization that coordinates the management of the global LEI system under the oversight of the Legal Entity Identifier Regulatory Oversight Committee (LEI ROC). Currently, an LEI index has a number of shortcomings caused by the peculiarities of its implementation, which, as a result, may lead to the conclusion that it is unsuitable for operation within the framework of financial institutions. It is crucial to have an LEI index developed in a way to provide its security and reliability, performance, data relevance, and the auditable and immutable history of all changes made. Therefore, the author proposes to develop an LEI index on a decentralized platform in order to meet the requirements necessary to use an LEI index

as a reliable source and to avoid the impossibility of obtaining up-to-date information when requested by financial institutions.

To achieve this objective, it is necessary to solve the following tasks:

- analyze legal acts and recommendations in this area;
- identify the risk types and the risk factors of financial institutions in the field of Anti Money Laundering and Counter-Terrorism Financing (AML/CFT) when carrying out due diligence measures;
- determine the role of LEI to reduce the risk of money laundering and terrorist financing and the significance of its implementation on a decentralized platform.

The author used the provisions and conclusions on solving the problems of risk management in the field of combating money laundering and terrorism financing specified in the Guidelines of the Association of Certified Anti-Money Laundering Specialists (ACAMS), the Guidelines of the Estonian Financial Supervision Authority for the theoretical and methodological basis of the research. The nature of the tasks set and a systematic approach to their solution determined the use of the following research methods in the work: analysis, synthesis, generalization, and other general scientific methods. The author used the provisions of legislative acts and recommendations from authorities, sources presented on the Internet, and research results of the author as the information basis of the study.

Legal acts and recommendations

We live in the age of international control over money laundering and terrorist financing tightening. Through several money laundering typologies exercises, the Financial Action Task Force (FATF), an intergovernmental body formed in 1989, demonstrated that money laundering can be achieved through virtually every medium, financial institution, or business.¹ A key element of FATF's efforts is its detailed list of appropriate standards for countries to implement. These measures are set out in the 40 FATF Recommendations adopted by the FATF plenary in February 2012, with the last revision made in October 2021, which provides a complete set of countermeasures against money laundering and terrorist financing, covering (among others) the identification of risks and development of appropriate policies and the transparency of legal persons and arrangements, combined with international cooperation.

At the June 2012 Los Cabos Summit², the G20 Leaders endorsed the Financial Stability Board (FSB) report "A Global Legal Entity Identifier for Financial Markets"³ and encouraged "global adoption of the LEI to support authorities and market participants in identifying and managing financial risks"⁴. A more detailed definition of LEI will be described below.

The activity of financial institutions is one of the main in global economics and is the most sensitive to external changes. The establishment and maintenance of an effective AML/CFT program is an obligatory part of any financial institution's charter to operate. As stated in (1) § 14 of the Estonian Money Laundering and Terrorist Financing Prevention Act: "The obliged entity establishes rules of procedure that allow for effective mitigation and management of, inter alia, risks relating to money laundering and terrorist financing".⁵ Moreover, in accordance with the 10th FATF recommendation, CDD measures to be taken as "identifying the customer and verifying that customer's identity using reliable, independent source documents, data or information", as well as "identifying the beneficial owner, and taking reasonable measures to verify the identity of the beneficial owner, such that the financial institution is satisfied that it knows who the beneficial owner is. For legal persons and arrangements, this should include financial institutions understanding the ownership and control structure of the customer".

The risk-based approach is one of the main recommendations of the FATF. The approach is based on risk identification, as stated above, and assessing the risk of money laundering at a financial institution, which helps to determine the level of the client's risk, and helps to identify clients with a high risk of money laundering. The risk-based approach makes it possible to prevent the use of a financial institution for the purpose of money laundering.

Risk factors of financial institutions

In accordance with § 13 of Estonian Money Laundering and Terrorist Financing Prevention Act: “For the purpose of identification, assessment, and analysis of risks of money laundering and terrorist financing related to their activities, obliged entities prepare a risk assessment, taking account of at least the following risk categories:

- 1) risks relating to customers;
- 2) risks relating to countries, geographic areas or jurisdictions;
- 3) risks relating to products, services or transactions;
- 4) risk relating to communication, mediation or products, services, transactions or delivery channels between the obliged entity and customers”.

Based on the information from Basel Committee on Banking Supervision⁶ and according to recommendations from Estonian Financial Inspection⁷, in the context of AML/CFT, the business units (e.g., front office of financial institutions, customer facing activity) are the first line of defense in charge of identifying, assessing, and controlling the risks of their business. They should know and carry out the policies and procedures and be allotted sufficient resources to do this effectively. The second line of defense includes the chief officer in charge of AML/CFT, the compliance function but also human resources or technology. The third line of defense is ensured by the internal audit function.

Table 1: The real sample of risk rating tool used by financial institutions

Risk factor	Type	Risk level	Risk value	Weight
Customer type	Private company limited by shares	High risk	8	0.1
Customer industry	Financial services - regulated	Low risk	3	0.15
Customer relationship	New client, recent incorporated >1y, no previous bank account	High risk	10	0.1
Customer jurisdiction	UK	Medium risk	4.6	0.2
UBO jurisdiction	UK	Medium risk	4.6	0.25
Monthly turnover	500 00 € <	High risk	7	0.2
Total				1
	Total:	Medium Risk	5.72	initial risk rating

Source: Composed by the author based on the data provided by financial institution

Thus, financial institutions must implement their risk rating tool according to the appropriate risk-appetite and use it while identifying clients and conducting due diligence measures. The sample risk rating tool is presented in Table 1.

According to GLEIF research (2018), “in order to accurately identify client organizations with the most up-to-date data, financial institutions tend to use a variety of different identifiers for cross-checks. In average they use 4 different identifiers internally, but about a third say they use 5 or more identifiers”. GLEIF also warns in their research that “financial institutions use multiple identifiers for cross-checking. But this creates confusion because the same ID may be associated with multiple entities (49%), and different IDs can relate to the same entity (47%). Only two thirds of financial institutions believe they hold accurate client information. Less than a third of clients can be relied on to report material changes to their legal entity, so the burden remains with the institution to conduct regular reviews”. These facts show the real challenges the financial institutions facing while interacting with their clients, and it is necessary to pay special attention to this, since they are factors preventing the normal work of responsible employees when using a risk-based approach to reduce the financial institution’s risk of use for the purpose of money laundering.

What is a LEI

The LEI system was developed by the 2012 Group of Twenty (G20) in response to the inability of financial institutions to identify legal entities uniquely, so that their financial transactions in different national jurisdictions could be fully tracked. LEI ROC currently is a coalition of financial regulators and central banks across the globe and is encouraging the expansion of the LEI.

According to GLEIF, the LEI is a 20-character, alpha-numeric code based on the ISO 17442 standard developed by the International Organization for Standardization (ISO). It connects to key reference information that enables clear and unique identification of legal entities participating in financial transactions.⁸

Picture 1: The meaning of the digits in the LEI code

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
LOU IDENTIFIER Prefix used to ensure uniqueness among codes from LOUs				ENTITY IDENTIFIER Entity-specific part of the code generated and assigned by the LOUs according to transparent, sound and robust allocation policies														VERIFICATION ID Two checks digits as described in the ISO 17442 standard	
2	1	3	8	0	0	8	L	Q	A	H	Z	J	R	B	A	1	V	8	8

Source: <https://docs.leipapa.com>

The LEI code specifies the minimum reference data, which must be supplied for each LEI, such as the official name of the legal entity as recorded in the official registers, the registered address of that legal entity, the country of formation, the codes for the representation of names of countries and their subdivisions.⁹ The information stating the date of the first LEI assignment, the date of last update of the LEI information, and the date of expiry (when applicable) is also stored in the global database. Moreover, each LEI contains information about an entity's ownership structure (direct and ultimate parent entities) and therefore answers the questions of "who is who" and "who owns whom"¹⁰ for each particular entity. Every single LEI code is unique, and it shall be issued only once for a specific legal entity and the same LEI code cannot be issued to another legal entity. The LEI code does not replace the registry code (registration number of the entity) of the commercial register, which is still used to identify a legal entity.

LEI codes associate legal entities with key information, which allows them participating in global financial markets to be clearly and uniquely identified and are already used to identify the parties to EMIR derivative instruments transactions and due to the application of implementing regulation EU/2017/105, no other alternative codes can be used when providing notification of transactions made with derivative instruments starting from the 1st of November 2017. Moreover, LEI codes are used for reporting as of the 3rd of January 2018. Pursuant to the MiFIR and MiFID II¹¹ regulation, transaction reports shall, among other things, also be used for investigating market abuse.¹²

In simple words, LEI code is a uniform way of keeping track of legal entities around the world. LEI codes are global and have no borders at all for relevant and trusted identification of entities. Looking in that way, the publicly available LEI data pool can be regarded as a global directory, the registry which may greatly enhance transparency at the global marketplace. Such information is important for compliance departments of financial institutions and anti-money laundering specialists while conducting due diligence measures as part of KYC procedures, especially in such cases where foreign legal entities have the complicated and opaque structures of ownership.

The management of the LEI system is coordinated and supported by GLEIF, while registrations and data storage are performed by Local Operating Units (LOUs), which, in turn, use a branched structure of Registration Agents (RAs) that receive applications from legal entities for the registration of LEI codes, checking the data, processing legal documents, sending applications to the relevant LOU for further issuance of the LEI code. GLEIF invokes that "financial services businesses can save

time, gain greater transparency, and work in a more streamlined fashion by adopting an LEI for each client organization".¹³

GLEIF research (2018) explores the challenges that the banking sector faces when it comes to onboarding new client organizations, with a view to investigating, in particular, the implications of Know-Your-Customer (KYC) requirements. Financial institutes operate in multiple jurisdictions and therefore need a global standard such as LEI system, which offers various businesses a unified approach to identifying legal entities and has the potential to take the complexity out of business transactions.¹⁴

Why to use blockchain

As stated above, GLEIF coordinates the management of the global LEI system and maintains a registry called as the Global LEI Index. However, a centralized service or a management body maintaining a registry can be considered as a single point of failure for the whole system. Moreover, currently there are several sources, within which LEI data is stored. When a legal entity is registered or provided an update with a LOU, there is often a waiting period, that can take up to several hours before the updated information appears on various search tools online. Given that the very nature of the LEI is that it is a digital product, all the data is stored online between separate entities, and the information may not match between them, and may be inconsistent across search tools.

The data quality concerns associated with lapsed LEIs were specified and summarized in the LEI ROC progress report (2018)¹⁵, pointing out the risks that the second LEI identifier could be issued to the same legal entity (if for instance, a name change was not timely recorded), confusion about the surviving LEI in case of mergers, difficulties in reconciling LEI data with other databases (e.g. different addresses), lack of management of challenges to LEI data by third parties (as LOUs cannot generally update a record without the agreement of the entity). Another concern is that data enhancements are not implemented for lapsed LEIs, for instance, the collection of relationship data, which is progressively rolled out.¹⁶ Such concerns and potential vulnerabilities are crucial for registries such as Global LEI Index, where information about legal entities must be relevant and verified, as well as access all the time without interruptions since financial institutions' representatives should get validated information while performing AML checks of their clients.

One approach to address this is to use a Distributed Ledger Technology (DLT) more commonly known as blockchain technology, an emerging technology for secure, decentralized, and transactional data sharing across a large network of untrusted participants without relying on a central trusted authority to record and validate transactions. Blockchain technology produces a structure of data with inherent security qualities. It is based on the principles of cryptography, decentralization, and consensus, which ensure trust in transactions.¹⁷

Blockchain has three levels of security:

- Blockchain is a distributed network that allows storing data in an unchanged form transparently.
- Blockchain stores information in a chain of blocks, where each contains information about the previous one (the hash value).
- Information in the blockchain is protected using mathematical algorithms.

Centralization is the primary difference between the registry built on blockchain and implemented with a regular database. While all records secured on a regular database are centralized, each participant on a blockchain has a secured copy of all records and all changes. Thus, each user can view the provenance of the data, and if there's an inconsistency, blockchain technology will immediately identify and correct any unreliable information, since each participant maintains a copy of the records. The widespread adoption of blockchain technology these days to ensure that any number of centralized databases are not compromised, gives enough arguments to decide on the appropriateness of using blockchain for the Global LEI Index registry. It is also stated by GLEIF, that integration of LEI into solutions based on digital certificates and blockchain technology, will allow anyone to easily connect all records associated with an organization and identify "who owns whom".¹⁸

Blockchain “by design” is a reliable and distributed platform to share data and services securely. Instead of, as now, centralizing the data in one database, it will be distributed automatically to interconnected nodes, owned by the participating operational units. This provides a robust defense against attack. The blockchain technology will update Global LEI Index in a real-time with quality data and reflect relevant information as they change over time while maintaining an auditable and immutable history. Any changes made on one system will be logged and updated on the others in a real time and due to its interconnected network and data protocols, there are no single points of failure nor a single authority that controls the system. These features make blockchain the ideal technology for Global LEI Index and as a blockchain-agnostic innovator, GLEIF continues to implement their Digital Verifiable Credential (DVC) proof-of-concept on both public (Ethereum) and private (Hyperledger Indy) blockchains.¹⁹

Conclusion

After analyzing legal acts and recommendations in the field of AML/CFT, the author has concluded that financial institutions have to establish internal rules and procedures allowing effective mitigation and risk management of relating to money laundering and terrorist financing. Customer due diligence measures should be conducted as identifying customers and verifying their identity with the use of reliable and independent source documents. The risk-based approach is one of the main recommendations of the FATF, which is based on the risk identification and assessing the risk of money laundering at a financial institution, which helps to determine the risk level of clients and identify clients with a high-risk of money laundering. Financial institutions are obliged to prepare a risk assessment, considering at least risks relating to customers, risks relating to countries, geographic areas or jurisdictions, and risks relating to products, services or transactions. Moreover, financial institutions must implement their risk rating tool according to the appropriate risk-appetite and use it while identifying clients and conducting due diligence measures.

Since there are several challenges that financial institutions face while interacting with their clients related to the data relevancy and accuracy, the author proposes the using of the Legal Entity Identifier (LEI) system that was developed by the 2012 Group of Twenty (G20) for reducing money laundering risks. Since each LEI code contains information about an entity’s ownership structure (direct and ultimate parent entities) and the reference data, such as the registered address of that legal entity, the country of formation etc., it can be used as a way of keeping track of legal entities around the world and the publicly available LEI data pool can be regarded as a global directory, which may greatly enhance transparency in the global marketplace. However, a LEI registry implemented on a centralized database faces several challenges, such as the time lagging, security, and accuracy issues, which is crucial for such registries where information about legal entities must be relevant and verified.

The author considered a solution to implement LEI registry with use of Distributed Ledger Technology (DLT). Such solution will provide the highest level of security, real time updates and will make available the whole history of updates and transactions for each LEI code. The first approach of implementation of the solution mentioned herein is in the stage of development by GLEIF contractors on both public (Ethereum) and private (Hyperledger Indy) blockchains.

References

-
- ¹ Association of Certified Anti-Money Laundering Specialists (ACAMS) (2019). Study Guide CAMS certification exam. P.1.
 - ² G20 Los Cabos Mexico (2012). P.7-8. G20 Leaders Declaration. https://www.fsb.org/wp-content/uploads/g20_leaders_declaration_los_cabos_2012.pdf (request date 15.12.2021.).
 - ³ Financial Stability Board (FSB). (2012). A Global Legal Entity Identifier for Financial Markets. https://www.fsb.org/wp-content/uploads/r_120608.pdf (request date 15.12.2021.).
 - ⁴ Financial Stability Board (FSB) (2019). Press Release. P.1. <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/R280519-2.pdf> (request date 18.12.2021.).
 - ⁵ Riigi Teataja (2022). Money Laundering and Terrorist Financing Prevention Act. <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/517112017003/consolide/current> (request date 03.01.2022.).

- ⁶ Basel Committee on Banking Supervision (2020). Sound management of risks related to money laundering and financing of terrorism. P.5. <https://www.bis.org/bcbs/publ/d505.pdf> (request date 04.01.2022.).
- ⁷ Finantsinspektsiooni juhendid. Krediidi- ja finantseerimisasutuste organisatsiooniline lahend ning ennetavad meetmed rahapesu ja terrorismi rahastamise tõkestamiseks. (2018). https://www.fi.ee/sites/default/files/2018-11/FI_AML_Soovituslik_juhend.pdf (request date 28.12.2021.).
- ⁸ Global Legal Entity Identifier Foundation (GLEIF). <https://www.gleif.org/en/about-lei/introducing-the-legal-entity-identifier-lei> (request date 03.01.2022.).
- ⁹ Global Legal Entity Identifier Foundation (GLEIF). <https://www.gleif.org/en/lei-data/access-and-use-lei-data/level-1-data-who-is-who> (request date 03.01.2022.).
- ¹⁰ Global Legal Entity Identifier Foundation (GLEIF). <https://www.gleif.org/en/about-lei/introducing-the-legal-entity-identifier-lei> (request date 03.01.2022.).
- ¹¹ European Securities and Markets Authority (ESMA). (2018). <https://www.esma.europa.eu/policy-rules/mifid-ii-and-mifir> (request date 04.01.2022.).
- ¹² European Securities and Markets Authority (ESMA). (2017). https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma70-145-238_lei_briefing_note.pdf (request date 04.01.2022.).
- ¹³ Global Legal Entity Identifier Foundation (GLEIF). LEI in KYC: A New Future for Legal Entity Identification. <https://www.gleif.org/en/lei-solutions/lei-in-kyc-a-new-future-for-legal-entity-identification> (request date 04.01.2022.).
- ¹⁴ Global Legal Entity Identifier Foundation (GLEIF). (2018). Know Your Customer (KYC): The Challenges Faced by the Banking Sector When Onboarding New Client Organizations. Research Findings. https://www.gleif.org/content/3-lei-solutions/6-lei-in-kyc-a-new-future-for-legal-entity-identification/gleif-research-findings_challenges-onboarding-client-organizations-in-banking-sector_v1.0-final.pdf (request date 05.01.2022.).
- ¹⁵ Legal Entity Identifier Regulatory Oversight Committee (LEI ROC). (2018). The Global LEI System and regulatory uses of the LEI. P. 9. https://www.leiroc.org/publications/gls/roc_20180502-1.pdf (request date 08.01.2022.).
- ¹⁶ Financial Stability Board (FSB). (2019). Thematic Review on Implementation of the Legal Entity Identifier. <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P280519-2.pdf> (request date 08.01.2022.).
- ¹⁷ IBM. Basic Blockchain Security. <https://www.ibm.com/topics/blockchain-security> (request date 10.01.2022.).
- ¹⁸ Global Legal Entity Identifier Foundation (GLEIF). LEI in KYC: A New Future for Legal Entity Identification. <https://www.gleif.org/en/lei-solutions/lei-in-kyc-a-new-future-for-legal-entity-identification> (request date 04.01.2022.).
- ¹⁹ McKenna, K., Piechocki, M. (2020). Grafting Blockchains into Enterprise Businesses - The LEI and Digital Verifiable Credentials [Video]. https://www.youtube.com/watch?v=59pPG_srJmQ&t=708s (request date 12.01.2022.).

Anotācija

Blokķēdes tehnoloģijas izmantošanas pieaugumam mūsdienās var būt būtiska nozīme, lai pielietotu decentralizētu tīklu kā standarta datubāzi vienotai un aizsargātai reģistrācijai, caur kuru finanšu iestādes var veikt attiecīgu klientu uzticamības un biznesa darījumu pārbaudi, analizējot LEI kodu – suverēnu identifikatoru, ko pārvalda Globālais juridisko personu identifikatoru fonds (GLEIF – *Global Legal Entity Identifier Foundation*). Veicot pareizu identifikatora ieviešanu, šo risinājumu var izmantot blokķēdes tīklos, piedāvājot kvalitātes kontroles un detalizētas biznesa analīzes papildu priekšrocības – finanšu iestādēm iespēju sadarboties ar juridiskām personām, kuras ir pierādījušas savu nevainojamu reputāciju, tādējādi samazinot naudas atmazgāšanas risku finanšu iestādēs.

Autors secina, ka blokķēdes tehnoloģija šobrīd varētu sasniegt globālu standartizāciju un akceptu no finanšu iestāžu puses visā pasaulē.

ADMINISTRATĪVO TIESĪBU APAKŠNOZARE

FRAMING AND NARRATIVES AS ASSISTANTS IN ADVANCING A SCIENCE-ORIENTED MINDSET. THE EXAMPLE OF THE POLICE IN THE BALTICS

Priit Suve,

PhD in Government and Politics,

Professor of police science at the Estonian Academy of Security Sciences; Associate Professor in public management at Tallinn University

E-mail address: *priitsu@gmail.com*

Abstract

Country-specific knowledge offered by police science is a necessary precondition for successful policing. However, cursory data on police science in the Baltic countries raises many questions about the real use of scientific knowledge opportunities in these countries.

The paper elaborates on a framework to advance a science-oriented mindset in the police. Principles of narratives and framing were used to overcome a possible conflict between scientists and practitioners, and bridge all the parties related to policing. In this framework, scientists should take the lead.

External, internal, and strategic factors, as Alisson's three key management functions, were used to specify factors of the framework in the research. The framing process that holds a focusing function allows the use of discovered narratives and presents a variety of possible future directions. Creating a metanarrative with beginning, middle, and end grasps all the agents and ties into future developments.

Keywords: *Police science, Narrative, Framing, Policing.*

Introduction

“...there is still a fundamental disconnect between science and policing [...] the policing industry must take ownership of police science.”¹ Let us suppose it is true, but if they (the police industry) do not take ownership? Next what? It is possible to find many arguments to explain or justify the situation. For example, the police are just too busy with daily problems, and/or the context of safety does not demand advancement (is it “too” safe). These kinds of argumentation appear as an excuse. In striving towards an indefinite future, all the parties enter frameless interactions (a new situation with no single solution), and as if they try to understand the situation, they fall back on available frames.² However, it is possible to avoid this foil. Ideas of framing and narratives offer many possibilities to advance a science-oriented mindset as an overall aspiration towards knowledge needed for the police and policing for the sake of safety in the Baltic countries the Republic of Estonia, the Republic of Latvia, and the Republic of Lithuania. The paper offers a framework for advancing a science-oriented mindset necessary for developing police science in the Baltic countries.

The need for new or appropriate knowledge regarding policing issues is present. Incidents in safety often entail higher public interest, and pressure for police to find the correct answers can create a context for an unbalance in a scale of theory and practice. Regardless of an almost century-aged statement of August Volmer – “the scientific approach to criminal investigation is here to stay”³ – the question of balance between theory and practice is still present.⁴ Since half-backed decisions or inaptitude use of knowledge can cause unwanted results,⁵ advancing a science-oriented mindset is crucial. More precisely, “advancement of science in policing is essential if police are to retain public support and legitimacy and if the policing industry is to alleviate the problems that have become a part of the police task.”⁶

From the safety and policing perspective, the Baltic countries have faced many similar challenges after regaining independence. Rapid developments in social life and specific native languages are only some red flags calling for contextual knowledge of appropriate policing. However, and without any criticism, a brief glimpse of police research's cursory data since 1991 (see Table 1) poses a question of the adequacy of a science-oriented mindset.

Table 1: Data of police research during 1991-2020 indexed in Web of Science

Country	Population on January 1 st 2020	Results with the topic-word "police" in 1991-2020	The first five record counts in Web of Science Categories
Republic of Estonia	1,329,000	49	History (11); psychiatry (5); substance abuse (4); public environmental occupational health (3); criminology penology (3)
Republic of Latvia	1,907,700	19	Economics (4); management (3); education educational research (3); social science interdisciplinary (3); material science textiles (2); transportation science technology (2); business (1); criminology penology (1)
Republic of Lithuania	2,794,100	65	Economics (9); education educational research (6); transportation science technology (5); philosophy (5); sociology (5); engineering mechanical (4); history (4)
Republic of Finland	5,525,300	363	Criminology penology (71); public environmental occupational health (35); medicine legal (30); social science interdisciplinary (27); psychiatry (26); psychology multidisciplinary (26); substance abuse (18)
Kingdom of Denmark	5,822,800	377	Public environmental occupational health (47); criminology penology (46); medicine legal (42); political science (20); transportation (18); psychiatry (16); social science interdisciplinary (15); law (14)
Kingdom of Norway	5,367,600	596	Criminology penology (130); public environmental occupational health (64); psychiatry (44); social science interdisciplinary (42); law (42); psychology multidisciplinary (41)

Sources: the author based on Web of Science (2021) and Eurostat (2021)

In the paper, the police science means "scientific knowledge about what constitutes policing, how it is made operational in a variety of social settings, how its institutions reflect or diverge from broader social and political values, what theoretical frameworks guide policing, and how police perform and their effect."⁷ Since a particular approach for developing police science depends on the context of a particular country, the paper focuses on a science-oriented mindset, which is a premise for normative approaches.

Although frames⁸ and narratives⁹ are concepts with many faces, we can state that a frame is a perspective from which an amorphous, ill-defined, problematic situation can be made sense of and acted on¹⁰, and narrative is a form of explanation that works by relating actions to individual beliefs and desires that produce them.¹¹ Here, narratives carry a meaning of hints pointing towards some possible explanation of situations, and framing takes focusing purposes and presents a variety of

solutions. The paper is not an evaluation or critique of police science in Baltic countries but it raises some essential questions from the perspective of police science. Since the countries' context, purposes, and opportunities may vary remarkably, the paper aims to present an analytical framework creating a ground for advancing a science-oriented mindset in the Baltic countries and elsewhere.

Notwithstanding many ways to build up the research, the approaches familiar to the police are to be preferred. For that reason, organizational principles and terminology are in use. The paper will follow the well-known logic of Allison's three key functions of managers in both the public and private sectors: (1) strategy, (2) internal components, and (3) external constituencies.¹²

These three aspects direct the analysis through police practices, police culture, and task-environment, and create a map to comprehend and follow ideas behind framing and narratives.

In the following, first, relying on Allison's model, the author has explained the contextual factors of the police; second, the author has clarified the idea and the opportunities accompanying framing and narratives for the advancement of a science-oriented mindset.

Methods and background

Setting the stage

On the one hand, there is a critical need for more profound and adequate information in managing organizations; on the other hand, the context of bounded rationality states clearly: nobody can ever have all the possible information about the social world. Thus, the science-orientated mindset in the police depends on many factors. The internal and external factors of police organization, as well as factors related to police behaviour that have a direct influence on people's everyday lives, are the matter in this chapter. The focus is on the phenomena that pose a high demand for knowledge.

There are several opportunities to comprehend a particular situation of a science-oriented mindset in a particular country. The data presented below carries an informative purpose and should not be seen from the perspective of the methodology of comparative analysis. Although the focus of the paper is on the general concern of police science in the Baltic countries, the data presented in Table 1 indicates at least two possible research questions for further studies: (1) the question of the research focus, and (2) amount. Some additional data is necessary to familiarize police science in the Baltic countries. The size of the countries and native language space are the characteristics making the overall context even more distinct. To avoid possible data overload but lighten the context and the Baltic countries' data, the author randomly picked three European countries with native language spaces. The only purpose is to clarify the context without any judgments.

The best way to understand the meaning and informational contribution of data presented in Table 1 in the context of following internal, external, and strategic views is to acknowledge the difference between typology and taxonomy. The debate between typologists and taxonomists is well-known.¹³ Taxonomy base on empirical data and typology has an analytical basis. These two complement each other. Typology is a heuristic striving holistic and system view. Appropriateness of picked characteristics is one of the possible problems in creating typology since it always carries subjective nature. Taxonomy tries to clarify what is known. It is a tool for testing theories and typologies. Taxonomies have tended to be problem-specific and contextual, and it is not very easy to apply in other settings.¹⁴ Since the paper aims to present an analytical framework, it has the strengths and weaknesses of typology. Like any other analytical framework, this framework offers an opportunity for empirical studies.

The question of scientific knowledge is sometimes confusing. The peer-reviewing process is one general precondition about quality, and publishing in journals indexed in scientific databases appears as a measurement of output. Thomson and Reuters Web of Science (WoS) and Scopus are these often-accepted databases available.¹⁵ In the paper the author has used data from WoS. Of course, additional data is necessary for comparative study, but in this study, the data carry contextual meaning in raising the question of a scientific mindset. It is possible to get different results using other databases and search modulation. More precise data are relevant in implementing and testing the framework but irrelevant in creating a framework.

Different native language spaces appear to be another critical issue from the data point. Writing in a native language makes knowledge available to a particular audience and advances specific terminology. However, policing is an interdisciplinary and inter-country issue, and every piece of new knowledge available for the policing community is also crucial. Moreover, it is crucial not only to the foggy policing community but also to a particular country since they are not in the play in some cases. For example, in Holmberg's¹⁶ study of Scandinavian police reforms, the Finnish police were not included: "However, at the time of writing, very little research on this reform has been published in other languages than Finnish. For this reason, the Finnish police reform will not be included in the analysis."

Research data are collected from the WoS¹⁷ and Eurostat.¹⁸ The timespan 1991-2020 in WoS presents the whole year's data, and the topic word was "police".¹⁹

External view – wickedness is hovering above.

Allison's²⁰ view of external conditions focuses on the organizational aspects. However, the focus of the paper is on understanding the opportunities of developing a science-oriented mindset. Since the object is not a particular organization, it is better to use something hovering above all the organizational context and have a more significant influence on a science-oriented mindset. Wickedness is the phenomenon demanding high-level knowledge from a particular issue and country's perspective. It is necessary to keep in mind that "the way a problem is defined is very closely tied to the type of solution that is proposed."²¹

Rittel and Webber argue that societal problems are inherently different from the problems that scientists and perhaps some classes of engineers deal with.²² They present the difference between tame and wicked problems and argue that wicked problems are difficult to define; they have no stopping rule; solutions are not true or false, but good or bad; there is no ultimate test for solutions; all attempts to solutions have effects that may not be reversible; they have no clear solution; every wicked problem is essentially unique; they may be a symptom of another problem; there are multiple explanations for them, and the planner has no right to be wrong.

Concerning contemporary safety issues like migration crises or terrorism, additional characteristics are necessary:

- 1) time is running out;
- 2) there is no central authority, or only a weak central authority, to manage the problem;
- 3) the same actors causing the problem seem to solve it;
- 4) the future is discounted radically so that contemporary solutions become less valuable.²³

So, the knowledge of wickedness brings many layers and links in explaining how issues are scoped, priorities are set, and possible solutions are considered.²⁴ The context emphasizes particularities at the centre of the science-oriented mindset. The Baltic States have a particular context that requires particular answers. For example, Newman and Head found in their study of gun control across multiple national contexts that "gun violence is a wicked problem in the US, but not wicked in Canada or Australia."²⁵

Internal view – specific and demanding police culture

An organization is a fertile terrain of components influencing a science-oriented mindset, and police culture is crucial. The chapter emphasizes the cultural aspects of the police since police culture tends to be action-oriented, often seeking a quick fix.²⁶ Also, organizational culture is more convenient in thinking about the topic than organizational design elements like centralization or de-concentration. In the paper, culture has the following meaning: "The culture of a group can be defined as the *accumulated shared learning* of that group as it solves its problems of external adaptation and internal integration; which has worked well enough to be considered valid and, therefore, to be taught to new members as the correct way to perceive, think, feel, and behave in relation to those problems. This accumulated learning is a *pattern or system of beliefs, values, and behavioral norms that come to be taken for granted* as basic assumptions and eventually drop out of awareness".²⁷ Culture is like a bridge linking all the aspects of an organization, and in this way, influencing how people perceive

the police. Police culture has a substantial impact on the everyday behavior of the police.²⁸ It also reflects the developments of a particular police organization. For example, after regaining independence in 1991, the Estonian police were one component of the democratic state. However, democracy at that time had different meanings and expressions in policing compared to 2021.

Although police culture is often presented as negative and stereotypical²⁹ it is vital in a science-oriented mindset. Especially noteworthy is the layered nature of culture, as Pauline III so clearly presented.³⁰ There is little doubt that culture influences the overall mindset of the police. To identify the role of the police in society, culture as means, should be studied from inside out and outside in.

Strategic view – organization and strategies

Strategies are one of the most crucial factors in policing since they directly impact people's perceptions of the police. The meaning of strategy in policing literature is often vague. Here, a strategy is an actual behaviour or program, not an analytical ideal type. Strategies are just names of people's or groups' behaviour elucidating their personalities. For that reason, "Changing policing strategy is likely to have a greater impact on crime than adding more police".³¹ However, it is known that most executives cannot articulate their business's objective, scope, and advantage in a simple statement. If they can't, neither can anyone else.³²

The complex organizational context demands advanced knowledge to answer organizational needs appropriately. Nevertheless, even with the best strategies, not anybody can guarantee success. In paraphrasing the idea of Bob Jessop,³³ strategies are the tools helping to choose a form of failure, and in this way, decrease the chance of failure. Understanding and developing strategies to answer a particular country's needs directly link to a science-based mindset. Robert M. Grant identifies the firm's primary role as integrating the specialist knowledge resident in individuals into goods and services.³⁴ Thus, recognizing the link between knowledge as a precondition for goods and services is essential. The vague and inconsistent focus of scientific research is a preparation for failure in policing. Here, failure has two primary meanings. First, without scientific knowledge, it is hard to imagine a country-specific advancement in policing. Second, the police are developed to deal with safety issues in society. The reference to society presents a hidden idea of policing that encompasses more than police-specific knowledge like police strategies or skills.

It also deals with policy design and organizations. Dealing with safety in society is a complex task. From the Baltic countries' perspective, both questions got a dark presentiment from Table 1 above. Besides, all strategies have limits that perform as a trigger for organizational development. Any strategy fits only with a particular situation, and learning begins after acknowledging that the strategy is not appropriate anymore. Here the science-oriented mindset comes in; it is time to find some other mean (strategy) and redesign it to answer needs. Also, since strategies have different dimensions in problem-solving³⁵, these limited capabilities urge the police to look for new solutions, leading to a science-oriented mindset.

However, in safe societies, it is possible to find police organizations without consciously using any functional strategies³⁶, although strategies can evade de-professionalization³⁷ and are from that perspective protection against stagnation. The keyword is awareness. All random developments produce unpredictable ends.

Towards a science-oriented mindset in the police

Starting with framing

Frames are everywhere. Even simple frames like a window, works as an assistant in helping to focus on something. Beyond that, knowledge about framing possibilities offers many advantages in developing a science-oriented mindset.

Rein and Schön³⁸ describe four mutually compatible images of frames: (1) as a scaffolding (an inner structure), (2) a boundary that sets off phenomena from their contexts (like picture frames), (3) a cognitive/ appreciative schema of interpretation, or (4) a generic diagnostic/prescriptive story. Since narrative frames are that the storyline is more capable of incorporating and adapting to changing events³⁹, it is an appropriate device in this research. The frame becomes a story only after referring

to a particular story.⁴⁰ Rein and Schön⁴¹ described reframing as an attempt to shift the paradigm of a problem. This research emphasizes the signifying abilities of frames. Like a choice for a research objective influences the choice of methods and unit of analysis⁴², the lenses we use in looking at a problem, accompany particular means.

For example, during some period, one can define several actions by the police, which appears as a story after considering these actions through explanatory lenses like police strategy. By adding information (e.g., police strategy), all these actions get other aspects, including moral and normative. For example, data of police research during 1991-2020 are just data, which turns to a story only after some additional information (e.g., comparison) or even value statements (e.g., good or bad). The first question in framing is defining: “what we have?”. Although this limiting question already refers to some perspective (e.g., knowledge about police science), it becomes a story after asking an ontological question: “what it is?”. There are hardly limited opportunities to answer this question, but the question is necessary before the normative question: “how or what ought to be?”. It is also necessary to deal with an epistemological question like “how do we know?”, but for now, there is no need to go further.

Accordingly, there are many possible explanations of the data of police research in 1991–2020 in Baltic countries (what it is), but these explanations give a meaning to the data and predefine opportunities in moving towards the normative question. The ability to refer to various aspects of a particular frame (data) and multiple possible meanings to interpret the data makes framing a powerful tool. Since even the most intractable policy debates can lead to reframing,⁴³ it is worth testing it for the sake of a science-oriented mindset in the Baltic countries. Since framing, in the paper, operate as a means of focusing and presenting varieties, the question of how to start becomes even more striking. How to achieve a normative leap from data to recommendations, from fact to values, from 'is' to 'ought'?⁴⁴

Narratives create meanings and build bridges

Storytelling is how we make meaning in our lives, and narratives create social meaning by imposing a coherent interpretation of the mess of events and actions around us.⁴⁵ The ability to capture the overall complexity is the characteristic of narrative, and the process of narrative creation builds a bridge between related agents. While framing helps be precise, a narrative can grasp many frames into a meaningful story. The variety of frames and narratives becomes understandable in thinking of the Baltic countries. In order to build up a coherent view in a particular country to advance a science-oriented mindset and grasp current narratives into one, it is helpful to define a metanarrative. The latter is the candidate for a new policy narrative that underwrites the assumptions for decision-making.⁴⁶ Here, a metanarrative is meant to write with small-m. Like Enlightenment, metanarratives with big-M carry a meaning of consensus, but we need to look for a different agenda.⁴⁷ A joint metanarrative above the Baltic countries may create additional empowerment. However, gathering all the Baltic countries is not a necessary precondition. The framework elaborated here is also possible to use elsewhere; it is a mental model.

The process of creating a metanarrative is inherently appropriate for contemporary participatory democracies since the purpose is to figure out the stories that are drowned out by the dominant discourses.⁴⁸ Vast contribution from van Eeten⁴⁹ in implementing and developing Roe's ideas in dealing with controversial narratives about metanarratives is worth following.

Since the police operate in safety, which is an overlapping ground of problems grasping various disciplines, police science is crucial. Here, the ability of narrative concerning complex issues gets a unique value: “the best stories create a tapestry that is both lovely and useful and that helps *make sense of complex situations occurring within an environment of conflicting values.*”⁵⁰ Because of this inner complexity, the need for multiple views is evident, and storytelling expands epistemology beyond the comfort zone. It is naïve to argue that published papers are too complicated compared to the “real life.” It is a blunt fact that there are no cars or houses without science. Science-oriented mindset helps overcome often even axiomatical (naïve)inductivist or learning-by-doing positivist

worldview. Using appropriate narratives is a move towards normalizing a science-oriented mindset in presenting the shortcomings of empiricism.⁵¹

Framing and narratives - creating a ground to advance science-oriented mindset

Principles of framing and narratives elaborated via external and internal factors of an organization and input from strategies are valuable building blocks to create a ground for advancing a science-oriented mindset. Here the author has connected the above-elaborated information into a framework that can help act in frameless situations. Three primary tasks will combine ideas about organizations and knowledge of dealing with policy problems:

1. Discover narratives related to a science-oriented mindset in the police.
2. Use discovered stories to acknowledge a current situation and outline future directions.
3. Build a metanarrative.

In this process, scientists and the police are mutually supportive and dependent. One general problem seems to be the overall lack of knowledge characterizing a current situation comprehensively. Although there are many possible starting points, the presumption is that the police are responsible for advancing police science.⁵² However, to analyze a narrative, one has to have one. It would be helpful to get knowledge to start with. The police need pieces of evidence about themselves. As it was presented above, the police have a specific culture, so it is necessary to handle the police and society as different units of analysis. The purpose is to discover narratives about the nature of safety problems, the actual role and position of the police in society, and police behaviour. Narratives about all these aspects have to be discovered separately. These different analyses allow recognizing similarities and differences and starting a constructive process to find a metanarrative. Here, the ball is in the hands of scientists whose responsibility is to discover and present narratives hovering above. One main strength of this framework is that nobody knows “the truth” *before* research. Discovering narratives are not pre-given since they will appear through study. From that equal position, it is possible to expect a constructive future.

Discovered narratives are only building blocks and do not have a deterministic nature: a metanarrative is a new direction, a story with a beginning, middle, and end. The strength of creating a metanarrative is that it is a plus-sum game. From here, the idea of framing takes the lead. Framing allows discovering various possibilities together. It becomes in force through cooperation and creates a mutual dependency. The process gives a stimulus for a learning environment, and different views on narratives clarify current positions. This kind of revealing situation leads to bridges between the parties.

Since creating a metanarrative may not be familiar to all the parties, the additional value comes to the front. Finding and using an appropriate method to reveal stories hovering above is necessary. Looking for appropriate methods, explaining them to others, and putting them into action, already presents the charm of a science-oriented mindset. The idea of “science as intellectual enterprise”,⁵³ fits probably with most organizational forms. The paper deals only with the opening of discussion for using framing and narratives to advance a science-oriented mindset. So, the definition and (re)construction of (current) narratives are the topics for further research. Yet, one additional piece of good advice from the literature is that there is no best methodology or theory to succeed.⁵⁴

Conclusions

The paper began with the blunt statement of disconnection between science and policing from leading scholars in the field, and the author has created the framework to overcome this disconnectedness. The paper challenged the commonly prevailing question of the responsibility of advancement the police science, packed framing and narratives as equipment, and directed the issue to scientists. Motivated employees are an outcome of organizational design and management, not a precondition. In following this axiomatic knowledge from the organization’s field, the context for all the agents should be presented. This complex task needs scientific expertise. It is also a challenge for scientists to demonstrate the genuine need for a science-oriented mindset.

The country-specific scientific knowledge helps to decrease the possibility of failure in safety. Appropriate means are required since it is not easy to create a ground for advancing a science-oriented mindset in the police in Baltic countries. Narratives can present a story with a beginning, middle, and end. Before creating plans for developing a science-oriented mindset, narratives related to safety problems, the police's role in society, and police behaviour linking police to everyday life have to be discovered. To assure transparency, these narratives hovering above society and the police should be studied separately. These narratives are input for the framing process, which is essential in the overall process. Framing makes an available variety of the possible future states and pushes to find appropriate means to succeed. The bridging character of framing links all related agents. In a frameless situation, the framing process focusing on the future prevents falling back to previous frames available. The process towards a metanarrative is already an example of a science-oriented mindset.

The framework presented is now available, but the implementation needs goodwill and action. Also, it is an excellent chance for scientists to present the power of scientific knowledge. For making hidden narratives visible, high-level knowledge is welcome.

Although the idea for this research springs from data about police research in Baltic countries, the framework is not limited to them. The reason concerns epistemic issues; the framework is typological, not taxonomical. However, the framework must be tested for the same reasons, and further studies are needed. The urgency for a science-oriented mindset to confront challenges in safety has never been greater. This study re-raises the question of a scientific-oriented mindset in the police, presents a framework for advancement, and, in this way, overcomes the dualist thinking of scientists and practitioners.

References

-
- ¹ Weisburd, D., & Neyroud, P. (2011). Police science: Toward a new paradigm. *New Perspectives in Policing. Harvard Kennedy School*, pp. 1–23.
 - ² Tavory, I., & Timmermans, S. (2014). *Abductive analysis: Theorizing qualitative research*. University of Chicago Press.
 - ³ Vollmer, A. (1930). The scientific policeman. *Am. J. Police Sci.*, 1, 8. p. 12.
 - ⁴ Huey, L., & Mitchell, R. J. (2016). Unearthing hidden keys: Why academics are an invaluable (if underutilized) resource in policing research. *Policing: A Journal of Policy and Practice*, 10(3), pp.300–307. Tahiliani, J. R., & McCabe, J. E. (2016). *Police Forum*.
 - ⁵ Drury, J., Ball, R., Neville, F., Reicher, S., & Stott, C. (2019). *Re-reading the 2011 riots: ESRC beyond contagion interim report*.
 - ⁶ Weisburd, D., & Neyroud, P. (2011). Police science: Toward a new paradigm. *New Perspectives in Policing. Harvard Kennedy School*, p. 6.
 - ⁷ Greene, J. R. (2007). *The Encyclopedia of Police Science: Vol. I* (Third Edition). Taylor & Francis. XIX.
 - ⁸ Rein, M., & Schön, D. (1996). Frame-critical policy analysis and frame-reflective policy practice. *Knowledge and Policy*, 9(1), pp .85–104.
 - ⁹ van Eeten, M. M. J. (2007). Narrative policy analysis. In *Handbook of public policy analysis: Theory, politics, and methods* CRC Press, pp. 251–269.
 - ¹⁰ Rein, M., & Schön, D. (2002). Reframing policy discourse. In *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning* Duke University Press, pp. 145–166.
 - ¹¹ Rhodes, R. A. W. (2018). What Is Decentred Analysis? In *Narrative Policy Analysis*. Springer, pp. 1–21.
 - ¹² Allison, G. T. (1980). *Public and private management: Are they fundamentally alike in all unimportant respects?* John F. Kennedy School of Government, Harvard University Cambridge, MA.
 - ¹³ Meyer, A. D., Tsui, A. S., & Hinings, C. R. (1993). Configurational approaches to organizational analysis. *Academy of Management journal*, 36(6), pp. 1175–1195.
 - ¹⁴ Carper, W. B., & Snizek, W. E. (1980). The nature and types of organizational taxonomies: An overview. *Academy of Management Review*, 5(1), pp. 65–75; Rich, P. (1992). The organizational taxonomy: Definition and design. *Academy of Management Review*, 17(4), pp. 758–781.; Meyer, A. D., Tsui, A. S., & Hinings, C. R. (1993). Configurational approaches to organizational analysis. *Academy of Management journal*, 36(6), pp. 1175-1195; Hotho, J. J. (2014). From typology to taxonomy: A configurational analysis of national business systems and their explanatory power. *Organization Studies*, 35(5), pp. 671–702.
 - ¹⁵ Polese, A. (2019) The Scopus Diaries and the (il) logics of academic survival. A short guide to design your own strategy and survive bibliometrics, conferences, and unreal expectations in academia. *ibidem Press*.
 - ¹⁶ Holmberg, L. (2014). Scandinavian police reforms: can you have your cake and eat it, too?. *Police practice and research*, 15(6), pp. 447–460.

- ¹⁷ Clarivate Analytics. (2019). *Web of Science*. Clarivate Analytics. <http://login.webofknowledge.com>.
- ¹⁸ Eurostat. (2021). *Eurostat—Tables, Graphs and Maps Interface (TGM) table*. European Commission Website. <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tps00001>.
- ¹⁹ e.g., TS=police AND CU=Estonia Indexes=SCI-EXPANDED, SSCI, A&HCI, CPCI-S, CPCI-SSH, BKCI-S, BKCI-SSH, ESCI Timespan=1991-2020.
- ²⁰ Allison, G. T. (1980). *Public and private management: Are they fundamentally alike in all unimportant respects?* John F. Kennedy School of Government, Harvard University Cambridge, MA.
- ²¹ Head, B. W. (2019). Forty years of wicked problems literature: Forging closer links to policy studies. *Policy and Society*, 38(2), p.185 (pp. 180–197).
- ²² Rittel, H. W., & Webber, M. M. (1973). Dilemmas in a general theory of planning. *Policy Sciences*, 4(2), pp.155–169.
- ²³ Peters, B. G. (2017). What is so wicked about wicked problems? A conceptual analysis and a research program. *Policy and Society*, 36(3), p. 388. (pp. 385–396).
- ²⁴ Head, B. W. (2019). Forty years of wicked problems literature: Forging closer links to policy studies. *Policy and Society*, 38(2), p.188 (pp. 180–197).
- ²⁵ Newman, J., & Head, B. (2017). The national context of wicked problems: Comparing policies on gun violence in the US, Canada, and Australia. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, 19(1), p. 50 (pp. 40–53).
- ²⁶ Cordner, G. W., & Scarborough, K. E. (2010). *Police Administration*. Routledge, p. 148.
- ²⁷ Schein, E. H., & Schein, P. A. (2016). *Organizational Culture and Leadership, 5th Edition* (5 edition). Wiley, p. 21.
- ²⁸ Brough, P., Chataway, S., & Biggs, A. (2016). ‘You don’t want people knowing you’re a copper!’ A contemporary assessment of police organizational culture. *International Journal of Police Science & Management*, 18(1), p. 28 (pp. 28–36).
- ²⁹ Crank, J. P. (2014). *Understanding police culture*. Routledge.
- ³⁰ Paoline III, E. A. (2003). Taking stock: Toward a richer understanding of police culture. *Journal of Criminal Justice*, 31(3), p. 209 (pp. 199–214).
- ³¹ Lee, Y., Eck, J. E., & Corsaro, N. (2016). Conclusions from the history of research into the effects of police force size on crime—1968 through 2013: A historical systematic review. *Journal of Experimental Criminology*, 12(3), p. 341 (pp. 431–451).
- ³² Collis, D. J., & Rukstad, M. G. (2008). Can you say what your strategy is? *Harvard Business Review*, 86(4), p. 82 (pp. 82–90).
- ³³ Jessop, B. (2003). Governance and meta-governance: On reflexivity, requisite variety and requisite irony. *Governance as Social and Political Communication*, pp. 101–116.
- ³⁴ Grant, R. M. (1996). Toward a knowledge-based theory of the firm. *Strategic Management Journal*, 17(S2), p. 120 (pp. 109–122).
- ³⁵ Suve, P., Selg, P., & Sootla, G. (2015). Designing multidimensional policing strategy and organization: Towards a synthesis of professional and community police models. *Baltic Journal of Law & Politics*, 8(1), pp. 28–54.
- ³⁶ Suve, P., Selg, P., & Sootla, G. (2016). Two decades of Estonian police and the (ir) relevance of police models for the development of safety policy. *Studies of Transition States and Societies*, 8(1), pp. 36–52.
- ³⁷ Suve, P. (2017). How to Avoid De-professionalisation of the Police. *Juridica Int’l*, 25, pp. 116–127.
- ³⁸ Rein, M., & Schön, D. (1996). Frame-critical policy analysis and frame-reflective policy practice. *Knowledge and Policy*, 9(1), p. 88 (pp. 85–104).
- ³⁹ Ibid. p. 89.
- ⁴⁰ Laws, D., & Rein, M. (2003). Reframing practice. *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society*, p. 173 (pp. 172–206).
- ⁴¹ Rein, M., & Schön, D. (1994). Frame reflection: Toward the resolution of intractable policy controversies. *New York: Basic Book*.
- ⁴² van Eeten, M. M. J. (2007). Narrative policy analysis. In *Handbook of public policy analysis: Theory, politics, and methods*, CRC Press. p. 255 (pp. 251–269).
- ⁴³ Laws, D., & Rein, M. (2003). Reframing practice. *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society*, p. 202 (pp. 172–206).
- ⁴⁴ Schön, D. (1993). Generative metaphor: A perspective on problem-setting in social policy. In *Metaphor and Thought* (Second Edition, pp. 137–163). Cambridge University Press.
- ⁴⁵ Fischer, F. (2003). *Reframing public policy: Discursive politics and deliberative practices*. Oxford University Press. p. 162.
- ⁴⁶ Roe, E. (1994). *Narrative policy analysis: Theory and practice*. Duke University Press. p. 4.
- ⁴⁷ Ibid. p. 52.
- ⁴⁸ Fischer, F. (2003). *Reframing public policy: Discursive politics and deliberative practices*. Oxford University Press, p.173.
- ⁴⁹ van Eeten, M. J. G. (1999). *Dialogues of the deaf: Defining new agendas for environmental deadlocks*. Van Eeten, M. J. G. (2001). Recasting intractable policy issues: The wider implications of the Netherlands civil aviation controversy. *Journal of Policy Analysis and Management: The Journal of the Association for Public Policy Analysis and Management*, 20(3), pp. 391–414.
- ⁵⁰ Kaplan, T. J. (2003). Reading policy narratives: Beginnings, Middles, and Ends. In *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning* (pp. 167–185). Duke University Press, p. 176.

- ⁵¹ Fischer, F. (2003). *Reframing public policy: Discursive politics and deliberative practices*. Oxford University Press, p. 164–165.
- ⁵² Weisburd, D., & Neyroud, P. (2011). Police science: Toward a new paradigm. *New Perspectives in Policing*. Harvard Kennedy School, pp. 1–23.
- ⁵³ Stone, D. A. (2012). *Policy paradox: The art of political decision making* (Third Edition). W. W. Norton & Company. p. 224.
- ⁵⁴ van Eeten, M. M. J. (2007). Narrative policy analysis. In *Handbook of public policy analysis: Theory, politics, and methods* (pp. 251–269). CRC Press.

Anotācija

Policijas tiesību zinātnē ir daudz pētījumu, kuros ir aprakstīti nepieciešamie priekšnoteikumi tiesiskās kārtības nodrošināšanai un uzturēšanai. Tomēr Baltijas valstu policijas pieredzes analīze atklāj nepietiekamu jaunāko zinātnes atziņu izmantošanu praktiskajā darbībā.

Šajā rakstā ir piedāvāta sistēma, kas balstīta uz zinātnei orientētas domāšanas veicināšanu policijā. Autorprāt, būtu jāpārvar iespējamais konflikts starp zinātniekiem un praktiķiem un jāsavieno visas ar tiesiskās kārtības uzturēšanu saistītās puses. Šajā kontekstā zinātniekiem būtu jāuzņemas vadošā loma.

Ārējie, iekšējie un stratēģiskie faktori kā trīs galvenās tā saucamās *Alisson* vadības funkcijas tika izmantoti, lai precizētu šī pētījuma ietvaru. Pētījumā autors pievērš uzmanību dažādiem policijas darbības attīstības iespējamajiem nākotnes virzieniem, uzsverot strukturēta metanaratīva izveidošanu, kas aptvertu visas iesaistītās kompetentās institūcijas.

Atslēgas vārdi: policijas tiesību zinātne, naratīvs, ierāmējums, kārtības uzturēšana.

ADMINISTRATĪVO TIESĪBU APAKŠNOZARE

ADMINISTRATĪVĀ PĀRKĀPUMA PROCESS IESTĀDĒ

Ināra Ziemele,

Mg. iur., Mg. sc. ing.

Biznesa augstskolas Turība studiju programmas “Juridiskā zinātne” doktorante, Rīga, Latvija,

e-pasts: ziemele.inara@inbox.lv

Abstract

Law on Administrative Liability and amendments of sectoral laws came into force on 01.07.2020. and decentralized the rules on administrative liability law. From 01.07.2020. administrative offences, penalties and offence proceedings in construction are stipulated in Construction Law.

The aim of paper is to summarize and analyse the main information about administrative offence proceedings in an institution, so that not only performed procedural actions of the institution, but also the rights of persons who participate in administrative offence proceedings would be observed in order to reduce the possibility to contest the decisions taken by an institution. The work is based on administrative offence proceedings in the building authority, but the review can also be useful in other sectors.

In order to achieve set goals, the author reviewed the regulatory enactments regulating the researched issue, published sources and information available on the internet, which was published until 03.12.2021. There are summarized and analyzed researched information and put forward conclusions.

The main conclusion shows that it is important not only to perform procedural actions within the time limits prescribed by the Law on Administrative Liability, but also justify decisions.

Keywords: *administrative offence proceedings, a building authority, an official, a building inspector, evidence of an administrative offence, justified decision.*

Ievads

01.07.2020. spēkā stājās administratīvās atbildības reforma, kad Latvijas Administratīvo pārkāpumu kodeksu (turpmāk – LAPK) nomainīja Administratīvās atbildības likums (turpmāk – AAL) un grozījumi daudzu nozaru likumos, decentralizējot administratīvās atbildības tiesību nozares normas¹. Līdz ar AAL spēkā stāšanos, no 01.07.2020. administratīvie pārkāpumi, sodi un pārkāpumu process būvniecībā ir noteikts Būvniecības likumā², kā arī Pārejas noteikumu 25. punktā.

Darba mērķis ir apkopot būtisko par administratīvo pārkāpumu procesu iestādē, lai tā gaitā tiktu ievērotas ne tikai procesuālās prasības iestādē, bet arī procesā iesaistīto personu tiesības, kā rezultātā samazinātu iespēju apstrīdēt administratīvā pārkāpuma procesa laikā iestādē pieņemtos lēmumus. Darba pamatā ir apskatīts administratīvo pārkāpumu process būvvaldē, bet apskatītais var būt noderīgs arī citās nozarēs.

Darbā izmantota vēsturiskā un teleoloģiskā metode, apskatot esošo regulējumu un spēku zaudējušus normatīvos aktus, sistēmiskā, analītiskā, un salīdzinošā metode, izpētot, analizējot un apkopojot publikācijas par darbā apskatītajiem jautājumiem un normatīvajos aktos reglamentēto.

Izvirzīto mērķu sasniegšanai darbā apskatīti izvirzīto pētāmo jautājumu reglamentējošie un spēkā esošie normatīvie akti, publicētos avotos un interneta resursos pieejamā informācija, kas publicēta līdz 03.12.2021. Darbā veikta izpētītās informācijas apkopošana, analīze un secinājumu izvirzīšana.

1. Administratīvā atbildība

Administratīvā atbildība ir viens no juridiskās atbildības veidiem, kas personai rada tiesiskas sekas administratīvā soda veidā par prettiesisku rīcību, kuras kaitīguma pakāpe nav tik liela, lai piemērotu kriminālatbildību.³ Administratīvā pārkāpuma jēdziens ietverts AAL 5. panta pirmajā daļā: “Administratīvais pārkāpums ir personas prettiesiska, vainojama rīcība (darbība vai bezdarbība), par kuru likumā vai pašvaldību saistošajos noteikumos paredzēta administratīvā atbildība”⁴ un dažu administratīvo pārkāpumu prettiesiskums izriet tikai no fakta, ka par attiecīgo darbību vai bezdarbību ir paredzēta administratīvā atbildība.⁵ Nepieciešams konstatēt, ka konkrēta persona ir veikusi rīcību, par kuru paredzēts administratīvais sods, un nav apstākļu, kas izslēgtu personas vainojamību. Vainojamību izslēdzošus apstākļus iestāde konstatē administratīvo pārkāpumu lietas izskatīšanā, taču pie administratīvās atbildības saucamās personas pienākums ir norādīt uz apstākļiem, kas izslēdz tās vainojamību.⁶ Personas rīcība kā vainojama administratīvo tiesību doktrīnā tiek skaidrota kā likumā vai pašvaldības saistošajos noteikumos aizliegtas darbības faktiskā izdarīšana vai neizdarīšana, ja vien nav konstatēti apstākļi, kas izslēdz administratīvo atbildību.⁷ Administratīvā atbildība par būvniecības noteikumu pārkāpumiem līdz 01.07.2020. bija noteikti LAPK 152. pantā un par pārkāpumiem uzlika naudas sodu.⁸ Tagad administratīvie pārkāpumi būvniecībā ir noteikti Būvniecības likumā 25.–31. pantā un par pārkāpumiem piemēro brīdinājumu vai naudas sodu.⁹ Būvniecības likumā ietvertas visas LAPK 152. panta tiesību normas, izņemot 152. panta sesto daļu, un attiecībā uz aktā par būves pieņemšanu ekspluatācijā noteiktā atlikto būvdarbu izpildes termiņa neievērošanu piespiedu izpilde risināma Administratīvā procesa likuma (turpmāk – APL) ietvaros.¹⁰ Administratīvā atbildība ir paredzēta par likumos vai pašvaldību saistošajos noteikumos noteiktu aizliegtu darbību izdarīšanu vai neizdarīšanu. Nepieciešams konstatēt, ka konkrēta persona ir veikusi rīcību, par kuru paredzēts administratīvais sods, un nav apstākļu, kas izslēgtu personas vainojamību.

2. Administratīvo pārkāpumu process iestādē

Administratīvo pārkāpumu procesam ir trīs stadijas:

- 1) administratīvo pārkāpumu process iestādē;
- 2) administratīvo pārkāpumu process tiesā;
- 3) administratīvā soda izpilde.

Administratīvo pārkāpumu process iestādē ietver divus posmus:

- procesu iestādē, kas tiesīga uzlikt administratīvo sodu;
- lēmuma pārsūdzēšanu augstākai amatpersonai.¹¹

Administratīvā pārkāpuma procesu iestādē (būvvaldē), ņemot vērā Būvniecības likuma 32. pantā noteikto, var noteikt šādās stadijās:

1.1.a.) administratīvā pārkāpuma procesa veikšana līdz administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanai;

1.2.b.) administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšana.¹²

Administratīvā pārkāpuma procesa veikšana iestādē satur noteiktu procesuālo darbību kopumu un secību:

- 1) administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšana (AAL 15. nodaļa);
- 2) administratīvā pārkāpuma lietas sagatavošana izskatīšanai (AAL 16. nodaļa);
- 3) administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšana (AAL 17. nodaļa);
- 4) lēmuma pieņemšana administratīvā pārkāpuma lietā (AAL 18. nodaļa).¹³

Turpinājumā tiks apskatīta administratīvā pārkāpuma procesa norise iestādē – no administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanas līdz lēmuma pieņemšanai administratīvā pārkāpuma lietā.

2.1. Administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšana iestādē

Pirmkārt, lemjot par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu, amatpersonai jāizvērtē, vai tā ir kompetenta šo lēmumu pieņemt. Ja jautājuma izlemšana ir citas amatpersonas kompetencē, informācija par iespējamo pārkāpumu jāpārsūta kompetentajai amatpersonai.¹⁴

Amatpersonas, kuras ir tiesīgas veikt administratīvā pārkāpuma procesu, ir noteiktas AAL 115. pantā, kura pirmās daļas 23. punktā ir norādītas pašvaldību būvvaldes, kā arī trešajā daļā noteikts, ka administratīvā pārkāpuma procesu var veikt arī citas pašvaldības saistošajos noteikumos pilnvarotās pašvaldību iestāžu amatpersonas un pašvaldību administratīvās komisijas.¹⁵ **Amatpersona** administratīvā pārkāpuma procesu var uzsākt uz iesnieguma pamata, uz pašas iniciatīvas pamata vai uz augstākas amatpersonas rīkojuma, vai citas iestādes ziņojuma pamata.¹⁶ AAL 115. panta piektajā daļā noteikts, ka **amatpersona ir tiesīga veikt darbības administratīvā pārkāpuma novēršanai, neuzsākot administratīvā pārkāpuma procesu.**¹⁷ Administratīvo pārkāpumu procesā ir piemērojams lietderības princips, nevis obligātuma princips. Iestāde var panākt, ka tiesību normas pārkāpums tiek novērsts, personu informējot par pārkāpumu un aicinot to novērst. Iestāde var neuzsākt administratīvo pārkāpumu procesu arī tad, ja jau tā uzsākšanas laikā ir skaidrs, ka pie atbildības saucamo personu noskaidrot nebūs iespējams. Administratīvo pārkāpumu var atzīt par maznozīmīgu saskaņā ar AAL 11. panta pirmo daļu, ja administratīvais pārkāpums nav radījis tādu apdraudējumu tiesiski aizsargātajām interesēm, lai par to piemērotu sodu. Amatpersona var izteikt personai aizrādījumu, kas nerada tiesiskas sekas. Iestāde var izlietot tās resursus, lai administratīvo pārkāpumu procesu uzsāktu nozīmīgos gadījumos, netērējot resursus maznozīmīgu lietu izskatīšanā.¹⁸ Ja ziņas par administratīvo pārkāpumu iestādei ir sniegusi privātpersona un iestāde ir atteikusies uzsākt administratīvo pārkāpumu procesu, šis lēmums nav pārsūdzams. Privātpersonai nav subjektīvo tiesību panākt citas personas administratīvo sodīšanu, jo tas neaizskar šīs personas tiesības.¹⁹ Amatpersonas kompetencē ir izlemt, vai konkrētais administratīvais pārkāpums ir maznozīmīgs un vai administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšana ir lietderīga.

Konstatējot nepieciešamību uzsākt administratīvā pārkāpuma procesu, amatpersona pieņem **lēmumu par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu.** Amatpersona procesu var uzsākt pret konkrētu personu, ja tā ir zināma, vai par administratīvā pārkāpuma izdarīšanas faktu. Amatpersonai jānodrošina pie atbildības saucamās personas tiesības saņemt informāciju par celtās apsūdzības raksturu un būtību, nodrošinot personai iespēju izmantot tiesības uz aizstāvību, kuras noteiktas AAL 41. panta pirmajā daļā un AAL 33. pantā.²⁰ Saskaņā ar AAL 121. panta pirmo daļu **lēmumā par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu jānorāda:** administratīvā pārkāpuma lietas numurs, lēmuma pieņemšanas laiks un vieta, amatpersonas vārdu, uzvārdu, amatu un iestādi, kuru tā pārstāv, ziņas par procesa dalībniekiem un viņu pārstāvjiem un aizstāvjiem (ja tādi ir), informāciju par procesa dalībnieku tiesībām un pienākumiem, administratīvā pārkāpuma izdarīšanas laiku, vietu, ziņas par administratīvā pārkāpuma izdarīšanas faktiskajiem apstākļiem, pierādījumus, kas iegūti līdz lēmuma pieņemšanas brīdim, lēmuma pieņemšanas tiesisko pamatu – tiesību normu, kas paredz atbildību par administratīvo pārkāpumu un citas ziņas.²¹ Aprakstot administratīvo pārkāpumu, amatpersona nevar aprobežoties ar tiesību normā norādītā pārkāpuma sastāva pārrakstīšanu. **Lēmumā ir jāapraksta konkrētas darbības, ko veica persona un kuras ir kvalificējas kā administratīvais pārkāpums.** Lēmumā iekļaujama informācija par pierādījumiem, kurus amatpersona ieguvusi līdz procesa uzsākšanai.²² AAL 93. panta ceturtā daļa par pieļaujamiem atzīst pierādījumus, kas iegūti amatpersonām īstenojot likumā noteiktās kontroles un uzraudzības funkcijas.²³ Atbilstoši Būvniecības likuma 18. panta pirmajai daļai amatpersona, kura veic būvdarbu kontroli, ir būvvaldes, institūcijas, kura pilda būvvaldes funkcijas, un biroja būvinspektors, un šajā pantā noteiktos gadījumos, **veicot būvdarbu kontroli, būvinspektors sagatavo atzinumu.**²⁴ Saskaņā ar AAL 117. panta pirmās daļas 1. punktu amatpersonai **lēmums par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu jāpieņem ne vēlāk kā triju darbdienu laikā no ziņu iegūšanas dienas** un šo lēmumu atbilstoši AAL 122. panta pirmajai daļai **nekavējoties paziņo pie atbildības saucamajai personai.**²⁵ Šajā sakarā būvinspektoram, iegūstot ziņas par administratīvo pārkāpumu, **ne vēlāk kā triju darbdienu laikā jāpieņem ne tikai lēmums par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu, bet vispirms jāsgatavo atzinums, kam jāsaturs**

informācija par pierādījumiem, kas iegūti līdz administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanai. **Atzinums un lēmums par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu nekavējoties jānosūta pie atbildības saucamajai personai.**

AAL 117. panta otrā daļa paredz – ja nepieciešama ilgstoša ziņu pārbaude, lēmumu par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu var pieņemt ne vēlāk kā viena mēneša laikā no ziņu iegūšanas dienas.²⁶ Ilgstoša ziņu pārbaude ir attaisnojama, ja ir nepieciešama ziņu pārbaude par **iespējamu** administratīvo pārkāpumu, ja ziņas ir ticamas, bet vēl nav pārbaudītas. Saņemtās ziņas ir pierādāmas, uzsākot administratīvā pārkāpuma procesu.²⁷ **Amatpersona nevar atsaukties uz ilgstošu ziņu pārbaudi, lai lēmumu par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu pieņemtu mēneša laikā, ja jau ir iegūti pierādījumi par administratīvo pārkāpumu un noskaidrota pie atbildības saucamā persona.**

AAL 118. panta trešās daļas 2. punktā noteikts, ka administratīvā pārkāpuma procesu būvniecības jomā var uzsākt ne vēlāk kā trīs gadu laikā no pārkāpuma izdarīšanas dienas.²⁸ Ilgstoša administratīvā pārkāpuma gadījumā, kamēr pārkāpums turpinās, procesu var uzsākt jebkurā brīdī, jo noilguma termiņu ilgstoša pārkāpuma gadījumā sāk skaitīt no pārkāpuma pārtraukšanas brīža]. Salīdzinot ar LAPK 37. panta pirmajā daļā noteikto, ka lietvedību administratīvā pārkāpuma lietā varēja uzsākt ne vēlāk kā sešu mēnešu laikā no pārkāpuma izdarīšanas dienas²⁹, ilgāks lietvedības uzsākšanas termiņš var palielināt iespēju saukt pie atbildības par administratīvajiem pārkāpumiem būvniecībā ilgāku laika periodu, kas varētu veicināt būvniecības noteikumu pārkāpumu skaita samazināšanos, jo samazinās iespēja izvairīties no atbildības īsa noilguma termiņa iestāšanās dēļ.

Atzīmējams, ka AAL paredz principu *viens pārkāpums – viens sods*. Ja personas izdarītajās darbībās ir saskatāmas vairāku administratīvo pārkāpumu pazīmes, par katru pārkāpumu tiek noteikts atsevišķs sods.³⁰ AAL pārejas noteikumu 4. punkts neparedz sodu iekļaušanu par izdarītiem vairākiem administratīviem pārkāpumiem, kā to paredzēja LAPK. Ja persona vienlaikus izdara vairākus administratīvos pārkāpumus, tas nozīmē, ka **par katru pārkāpumu jāuzsāk atsevišķa administratīvā pārkāpuma lieta**, kas vienlaikus atvieglo gan lēmumu izpildes kontroles procesu, gan pilnveido administratīvo pārkāpumu uzskaiti.³¹ Attiecībā uz būvvaldēm princips *viens pārkāpums – viens sods* piemērojams, ja, piemēram, būvinspektors vienlaikus, veicot būvniecības kontroli, konstatē ne tikai būvdarbu uzsākšanas neatbilstību normatīvo aktu prasībām, bet arī pašvaldības saistošajos noteikumos noteikto prasību neievērošanu, tad par katru konstatēto pārkāpumu jāuzsāk atsevišķa administratīvā pārkāpuma lieta.

2.2. Administratīvā pārkāpuma lietas sagatavošana izskatīšanai

Pēc tam, kad pieņemts un pie atbildības saucamajai personai nosūtīts lēmums par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu, administratīvā pārkāpuma lieta ir jāgatavo izskatīšanai. Turklāt būvinspektora rīcībā ir iepriekš iegūti pierādījumi par pārkāpumu, kas fiksēti atzinumā.

Atbilstoši AAL 125. panta pirmajai daļai, **sagatavojot administratīvā pārkāpuma lietu izskatīšanai, amatpersonai jāveic šādas darbības**: jāizlemj, vai administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšana ir tās kompetencē, ja nepieciešams, jāveic izmeklēšanas darbības, jāizlemj procesā iesaistīto personu lūgumus, **jāizlemj jautājums par administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas laiku un vietu** un jāveic citas nepieciešamās darbības. Saskaņā ar AAL 131. pantu procesa dalībniekiem un citām personām, kuras ir uzaicināmas uz administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanu, informāciju par lietas izskatīšanas laiku un vietu paziņo tādā veidā, lai informācija ir **uzskatāma par paziņotu vismaz piecas dienas pirms administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas**. Vienlaikus atbilstoši AAL 126. panta pirmajai daļai amatpersonai **jāpieņem lēmums par cietušā statusa piešķiršanu**, pamatojoties uz personas lūgumu, vai **jāinformē persona par tās tiesībām** izteikt šādu lūgumu līdz administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas pabeigšanai iestādē.³² Balstoties uz personas tiesību un interešu aizsardzības apsvērumiem, ja pēc lietas apstākļiem ir redzams, ka personai ar administratīvo pārkāpumu ir nodarīts kaitējums, amatpersonai ir pienākums informēt šo personu par iespējām piedalīties procesā cietušā statusā.³³ Turklāt saskaņā ar AAL 34. panta otro daļu cietušajai personai ir tiesības no pārkāpuma izdarītāja prasīt kaitējuma

atlīdzinājumu Civilprocesa likumā paredzētajā kārtībā.³⁴ Informāciju par administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas laiku un vietu paziņo tādā veidā, lai informācija ir uzskatāma par paziņotu vismaz piecas dienas iepriekš. Ja kādai personai ar administratīvo pārkāpumu ir nodarīts kaitējums, amatpersonai ir pienākums vispirms informēt šo personu par iespējam piedalīties procesā cietušā statusā.

Lemjot par administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas laiku un vietu, **jāņem vērā AAL noteiktie termiņi**. AAL 133. pants nosaka, ka administratīvā pārkāpuma lietu izskata un lēmumu pieņem pēc iespējas ātrāk, **bet ne vēlāk kā viena mēneša laikā no dienas**, kad pieņemts lēmums par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu. Ja objektīvu iemeslu dēļ šo termiņu nav iespējams ievērot, amatpersona to var pagarināt uz laiku, kas nepārsniedz četrus mēnešus no dienas, kad pieņemts lēmums par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu. Galējais termiņš, kad jāpieņem lēmums administratīvā pārkāpuma lietā, ir deviņu mēnešu laikā no tā uzsākšanas dienas. Ja lēmums administratīvā pārkāpuma lietā deviņu mēnešu laikā netiek pieņemts, pamatojoties uz AAL 119. panta pirmās daļas 12. punktu administratīvā pārkāpuma process jāizbeidz.³⁵ Administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanu veic un lēmumu pieņem pēc iespējas ātrāk, ne vēlāk kā viena mēneša laikā no dienas, kad pieņemts lēmums par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu. Ja lēmums netiek pieņemts deviņu mēnešu laikā, tad administratīvā pārkāpuma process jāizbeidz.

Saskaņā ar Būvniecības likuma 32. panta otro daļu, administratīvā pārkāpuma lietu par Būvniecības likuma 25., 26., 27. un 28. pantā, 29. panta ceturtajā daļā un 30. pantā minētajiem pārkāpumiem var izskatīt būvvalde. Atbilstoši AAL 125. panta pirmajai daļai, sagatavojot administratīvā pārkāpuma lietu izskatīšanai, ja amatpersona izlemj vai konstatē, ka administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšana nav tās kompetencē un lēmumu administratīvā pārkāpuma lietā jāpieņem pašvaldības administratīvai komisijai, tad administratīvā pārkāpuma lieta izskatīšanai jānosūta pašvaldības administratīvai komisijai.

2.3. Administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšana

Administratīvā pārkāpuma lieta tiek izskatīta lēmumā par administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanu norādītajā laikā un vietā. Izskatot lietu atbilstoši AAL 132. pantam amatpersonai jānoskaidro, vai ir izdarīts administratīvais pārkāpums, vai to ir izdarījusi pie atbildības saucamā persona un šo personu var saukt pie administratīvās atbildības, vai ir atbildību mīkstinoši un pastiprinoši apstākļi, vai ir citi apstākļi, kam ir nozīme administratīvā pārkāpuma lietas pareizā izlemšanā. Saskaņā ar AAL 137. pantu administratīvā pārkāpuma lietu var izskatīt mutvārdu vai rakstveida procesā, ja tam piekrīt procesa dalībnieki. Izskatot lietu rakstveida procesā, amatpersona iepazīstas ar lietas materiāliem, procesa dalībnieku iesniegtajiem materiāliem un pieprasa rakstveidā iesniegt nepieciešamo informāciju un pierādījumus. AAL 138. panta pirmajā noteiktā, ka administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas gaitu amatpersona var fiksēt, izmantojot skaņu ierakstu, citus tehniskos līdzekļus vai rakstot sēdes protokolu. Sēdes protokolā norādāmā informācija noteikta AAL 138. panta otrajā daļā, kā arī atbilstoši šā panta trešajā, ceturtajā un piektajā daļā noteiktajam procesa dalībnieks var iepazīties ar sēdes protokolu un triju darbdienu laikā no tā parakstīšanas dienas iesniegt rakstveida piezīmes par protokolu, kuras amatpersona pievieno sēdes protokolam, uz tām izdarot ierakstu, vai piekrīt šīm piezīmēm. Protokolu, skaņu ieraksta vai citu tehnisko līdzekļu izmantošanas rezultātā iegūto materiālu pievieno administratīvā pārkāpuma lietai un uzglabā kopā ar to. Saskaņā ar AAL 139. pantu procesuālās darbības var veikt, izmantojot videokonferenci. Administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas kārtība reglamentēta AAL 140.–150. pantā. Likumā noteikts, ka amatpersona uzsāk lietas izskatīšanu, paziņojot, kāda administratīvā pārkāpuma lieta tiek izskatīta un kura amatpersona ir par to atbildīga. Amatpersona pārbauda, kuri procesa dalībnieki un citas administratīvā pārkāpuma lietā uzaicinātās personas ir ieradušās, pārbaudot šo personu identitāti un aizstāvju vai pārstāvju pilnvaras. Ņemot vērā AAL 6. nodaļā noteikto, amatpersona izskaidro personām, kuras piedalās administratīvā pārkāpuma procesā, to procesuālās tiesības un pienākumus un brīdina par kriminālatbildību. Amatpersona sāk administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanu pēc būtības ar ziņojumu par administratīvā pārkāpuma

lietas apstākļiem. Procesa dalībnieki sniedz paskaidrojumus un liecības noteiktā secībā, norādot visus apstākļus, uz kuriem pamato savus prasījumus vai iebildumus, un var uzdot cits citam jautājumus par administratīvā pārkāpuma lietu. Amatpersona var uzdot jautājumus procesa dalībniekiem jebkurā administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas brīdī. Ja lietas izskatīšanā piedalās liecinieki, tie tiek izraidīti no lietas izskatīšanas telpas un amatpersona gādā, lai nopratinātie liecinieki nesazinātos ar nenopratinātajiem lieciniekiem. Amatpersona pēc savas iniciatīvas vai procesa dalībnieka lūguma var uzaicināt ekspertu uz lietas izskatīšanu un uzdot jautājumus. Procesa dalībnieki var pieteikt amatpersonai lūgumus, par kuriem lēmumu amatpersona pieņem pēc citu procesa dalībnieku viedokļu uzklauššanas. Procesa dalībniekiem, ja nepieciešams, arī ekspertiem un lieciniekiem pēc to lūguma uzrāda administratīvā pārkāpuma lietā esošos dokumentus, elektroniskos un lietiskos pierādījumus, un procesa dalībnieki var sniegt par tiem paskaidrojumus, izteikt savu viedokli un lūgumus. Ja rakstveida vai lietiskos pierādījumus nevar nogādāt iestādē, amatpersona var pierādījumus pārbaudīt un apskatīt to atrašanās vietā, par pierādījumu apskati uz vietas iepriekš paziņojot procesa dalībniekiem, ja nepieciešams, arī ekspertiem un lieciniekiem. Pēc pierādījumu pārbaudīšanas amatpersona paziņo, ka administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšana pēc būtības ir pabeigta.³⁶ Administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas gaita satur daudzas procesuālās darbības, kuras ir noteiktas AAL 140.-150. pantā. Amatpersonai ir ne tikai jāievēro un jāveic lietas izskatīšanas gaitā veicamās procedūras, bet to izpildes gaita un rezultāti jāfiksē, izmantojot skaņu ierakstu, citus tehniskos līdzekļus vai rakstot sēdes protokolu.

2.4. Lēmuma pieņemšana administratīvā pārkāpuma lietā

Izskatījusi administratīvā pārkāpuma lietu, saskaņā ar AAL 151. pantu amatpersona pieņem vienu no šādiem lēmumiem: lēmumu par soda piemērošanu vai lēmumu par administratīvā pārkāpuma procesa izbeigšanu. Pieņemot lēmumu par soda piemērošanu, atbilstoši AAL 153. panta pirmajai daļai jānorāda: administratīvā pārkāpuma lietas numuru, amatpersonas vārdu, uzvārdu, amatu, un iestādi, kuru tā pārstāv, administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas un lēmuma pieņemšanas vietu un datumu, ziņas par procesa dalībniekiem un viņu pārstāvjiem un aizstāvjiem (ja tādi ir), datumu, kad pieņemts lēmums par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu, ziņas par administratīvā pārkāpuma izdarīšanas faktiskajiem apstākļiem, lietā iegūtos pierādījumus, lēmuma pieņemšanas tiesisko pamatu un tiesību normu, kas paredz atbildību par administratīvo pārkāpumu, atbildību mīkstinošos vai pastiprinošos apstākļus, personai piemēroto sodu, informāciju, kur un kādā termiņā lēmumu var pārsūdzēt, naudas soda brīvprātīgas izpildes termiņu, informāciju par to, ka naudas soda nesamaksāšanas gadījumā nolēmums par sodu tiks nodots piespiedu izpildei.³⁷ Būvniecības likuma 21. panta astotajā daļā noteikts, ka, pamatojoties uz būvinspektora atzinumu, kompetentā **institūcija pieņem lēmumu par administratīvo sodu**³⁸ – **būvinspektors nepieņem lēmumu par administratīvo sodu**. Lēmumu būvvaldes vārdā var pieņemt būvvaldes vadītājs (autores papildinājums). Saistībā ar administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanu būvvaldē **lēmumā par soda piemērošanu jāvērtē**: objekts kopumā (šaubu gadījumā jāpieņem, ka tiek plānots būvēt mazākās grupas būvi un īstenot vienkāršāko būvniecības veidu), veikto būvdarbu apjoms, trešo personu aizskārums, atbilstība būvniecības regulējumam, būves atrašanās vieta. Jāņem vērā atbildību mīkstinoši apstākļi, piemēram, patvaļīgas būvniecības gadījumā pie atbildības saucamā persona ir iesniegusi būvvaldē saskaņošanai atbilstošu būvniecības ieceres dokumentāciju.³⁹ Saskaņā ar LAPK 231.² pantu pašvaldību būvvaldes izskatīja LAPK 152., 152.⁴ un 152.⁶ pantā paredzēto administratīvo pārkāpumu lietas, un pašvaldību būvvalžu būvinspektori bija tiesīgi būvvalžu vārdā izskatīt administratīvo pārkāpumu lietas un uzlikt naudas sodu līdz divsimt astoņdesmit euro. Saskaņā ar LAPK 210. pantu 152., 152.⁶ pantā paredzēto administratīvo pārkāpumu lietas izskatīja arī pašvaldību administratīvās komisijas.⁴⁰ Būvniecības likuma 32. panta otrajā daļā noteikts, ka administratīvā pārkāpuma lietu par Būvniecības likuma 25., 26., 27. un 28. pantā, 29. panta ceturtajā daļā un 30. pantā minētajiem pārkāpumiem izskata pašvaldības administratīvā komisija vai būvvalde⁴¹, un līdz ar to arī būvvaldes var izskatīt Būvniecības likumā minēto pārkāpumu lietas un uzlikt naudas sodu bez iepriekš LAPK 231.² pantā noteiktā ierobežojuma. Jāņem vērā, ka uzliktā naudas soda apmērs ir jāpamato, vērtējot objektu

kopumā, tā atbilstību būvniecības regulējumam, ņemot vērā atbildību mīkstinošus apstākļus, ja pie atbildības saucamā persona ir iesniegusi būvvaldē saskaņošanai atbilstošu būvniecības ieceres dokumentāciju.

AAL noteikts, ka minimālais naudas sods fiziskajām un juridiskajām personām ir divas naudas soda vienības (viena naudas soda vienība ir pieci euro, t. i., 10 euro).⁴² Autore darbā “Administrative responsibility for unauthorised construction in Republics of Lithuania and Latvia” konstatē, ka sankcijas par administratīvajiem pārkāpumiem būvniecībā noteiktas saskaņā ar Ministru kabineta 04.02.2013. rīkojumā Nr. 38 “Par Administratīvo sodu sistēmas attīstības koncepciju” (turpmāk – MKR Nr. 38) noteikto. Par patvaļīgu būvniecību un citiem Būvniecības likumā minētajiem pārkāpumiem kā minimālo administratīvo sodu paredzēts izteikt brīdinājumu (vai uzlikt naudas sodu no 10 euro – autores piezīme).⁴³ MKR Nr. 38 kopsavilkuma II nodaļas 1. punktā noteikts, ka personai, kura administratīvo pārkāpumu izdarījusi pirmo reizi, ir jābūt iespējai vispirms tikt brīdinātai, ja ar administratīvo pārkāpumu nav radīts būtisks kaitējums vai izdarītais pārkāpums ir mazsvarīgs, un brīdinājums saglabājams administratīvo sodu sistēmā kā pamatsods. Naudas sods ir piemērotākais un efektīvākais sods par administratīvo pārkāpumu, un tam piešķirama primārā soda nozīme. MKR Nr. 38 koncepcijas 7. punktā noteikts, ka divu gadu laikā pēc AAL spēkā stāšanās dienas Tieslietu ministrijai jā sagatavo informatīvs ziņojums par administratīvo naudas sodu izpildi un jā iesniedz priekšlikumi tiesiskā regulējuma uzlabošanai atbilstoši citu valstu pieredzei naudas sodu izpildē.⁴⁴ Latvijas Pašvaldību savienība norādīja, ka naudas sodu samazināšana nebija pamatota, un rosināja Būvniecības likuma grozījumos palielināt minimālos naudas sodus par patvaļīgu būvniecību LAPK noteiktajā apmērā.⁴⁵ Jau LAPK noteiktais naudas sodu apmērs nemotivēja sabiedrības pārstāvjus nepārkāpt noteikto būvniecības kārtību. Ja minimālais sods būs brīdinājums vai 10 euro, patvaļīgas būvniecības apjomi tikai pieaugs. Atbilstoši citu valstu pieredzei – Lietuvas Republikā administratīvie naudas sodi par patvaļīgu būvniecību ir lielāki, bet patvaļīgās būvniecības gadījumu skaits joprojām ir augsts.⁴⁶ Vadoties pēc principa *konsultē vispirms*, ja pārkāpums ir maznozīmīgs un nerada apdraudējumu veselībai, dzīvībai vai citām būtiskām sabiedrības interesēm un uzņēmums ir apņēmis pārkāpumu novērst, iestādes vērtē administratīvā pārkāpuma lietas uzsākšanas lietderību. Brīdinājuma piemērošana administratīvā pārkāpuma procesa ietvaros ir smagnējs un lielus resursus pieprasošs mehānisms. Tā vietā iestādēm būtu jāizmanto citi efektīvāki mehānismi atbilstības panākšanai, vienlaikus taupot arī resursus.⁴⁷ Ja sodītā persona izdara tādu pašu vai līdzīgu pārkāpumu, tad ir iespējams secināt, ka iepriekš piemērotais sods nav sasniedzis mērķi – pārkāpumu prevenciju attiecībā uz sodīto personu un, nosakot sodu par vēlāk izdarīto pārkāpumu, iestāde var piemērot bargāku administratīvo sodu. Kopš AAL spēkā stāšanās, lai piemērotu lielāku sodu par brīdinājumu vai minimālo naudas sodu, tas ir atbilstoši jā pamato. Konstatējot, ka persona izdara tādu pašu vai līdzīgu pārkāpumu, iestāde var piemērot bargāku administratīvo sodu. Lemt par sodu sankciju atbilstību sasniedzamajam mērķim varēs vērtēt laika gaitā, kad atbilstoši koncepcijai MKR Nr. 38 tiks veikts tās 7. punktā noteiktais, ka divu gadu laikā pēc AAL spēkā stāšanās dienas Tieslietu ministrijai jā sagatavo informatīvs ziņojums par administratīvo naudas sodu izpildi un jā iesniedz priekšlikumus tiesiskā regulējuma uzlabošanai atbilstoši citu valstu pieredzei naudas sodu izpildē.

3. Administratīvā pārkāpuma lietā pieņemta lēmuma pārsūdzēšana

Administratīvā pārkāpuma lietā pieņemto lēmumu var pārsūdzēt augstākai amatpersonai persona, kurai piemērots administratīvais sods, kā arī cietušais. Ja augstākas amatpersonas nav, lēmumu var pārsūdzēt rajona (pilsētas) tiesā fiziskā persona atbilstoši deklarētajai dzīvesvietai, bet juridiskā persona – atbilstoši juridiskajai adresei. Ja personai nav deklarētās dzīvesvietas Latvijā vai juridiskās personas adrese neatrodas Latvijā, lēmumu administratīvā pārkāpuma lietā var pārsūdzēt rajona (pilsētas) tiesā atbilstoši administratīvā pārkāpuma konstatēšanas vietai.⁴⁸ Personai 10 darbdienu laikā no lēmuma paziņošanas dienas jā iesniedz sūdzība amatpersonai, kura pieņēmusi lēmumu administratīvā pārkāpuma lietā. Amatpersona sūdzību ar administratīvā pārkāpuma lietas materiāliem triju darbdienu laikā nosūta izskatīšanai pēc piekritības. **Augstāka amatpersona sūdzību neizskata, ja personai nav subjektīvo tiesību iesniegt sūdzību vai nokavēts**

pārsūdzēšanas termiņš.⁴⁹ Prokuroram ir tiesības par lēmumu iesniegt augstākai iestādei protestu sešu mēnešu laikā no lēmuma pieņemšanas. Augstāka amatpersona nevar pasliktināt sākotnēji pieņemto lēmumu, ja to pārsūdz persona, kurai piemērots sods. Pārējos gadījumos augstākas amatpersonas lēmums var būt šai personai nelabvēlīgāks – zemākas iestādes lēmumu par administratīvā pārkāpuma procesa izbeigšanu var atcelt un noteikt sodu, vai uzlikt bargāku sodu nekā sākotnējā lēmumā.⁵⁰ AAL 169. panta pirmajā daļā noteikts, ja attaisnojoša iemesla dēļ AAL 168. panta pirmajā daļā norādītais termiņš ir nokavēts, pēc sūdzības iesniedzēja motivēta lūguma šo termiņu var atjaunot augstāka amatpersona.⁵¹ Faktiskais pamats termiņa atjaunošanai ir nokavējumu attaisnojoši iemesli, kas nav atkarīgi no sūdzības iesniedzēja gribas un rīcības. Šķēršļiem iesniegt sūdzību termiņā jābūt objektīviem un neatkarīgiem no sūdzības iesniedzēja. Nokavētā procesuālā termiņa atjaunošana ir izņēmuma gadījums, kad pastāv vērā ņemami apstākļi, kas personai lieguši izmantot tiesības iesniegt sūdzību noteiktajā termiņā. Ja termiņš nokavēts paša sūdzības iesniedzēja vainas dēļ, tas nav atjaunojams. AAL nenosaka, kad procesuālais termiņš atjaunojams, un augstākai amatpersonai piešķirta rīcības brīvība nokavējuma iemeslu vērtēšanai. Administratīvā pārkāpuma lietā pieņemtā lēmuma pārsūdzēšana ir radniecīgs tiesību institūts administratīvā akta apstrīdēšanai – vērtējot nokavējuma iemeslus, var ielūkoties APL komentāros.⁵² Attaisnojoši nokavējuma iemesli ir: 1) trešo personu, valsts iestāžu, rīcība, kas bijusi par iemeslu termiņa nokavējumam (lēmuma nosūtīšana ar nokavējumu, ja tā rezultātā samazinās likumā noteiktais pārsūdzēšanas termiņš; lēmumā neskaidri norādīts tā spēkā stāšanās laiks vai nav norādīta pārsūdzēšanas procedūra); 2) pasta kļūda, ja to iespējams pierādīt (noslodze svētku dienās vai citas pasta pieļautās kļūdas); 3) personas veselības stāvoklis (pārejoša darba nespēja nav pamats termiņa atjaunošanai, ja persona tās laikā spējusi sagatavot sūdzību, bet atrašanās stacionārā ārstniecības iestādē, ir atzīstams par objektīvu iemeslu procesuālā termiņa nokavējumam); 4) personas vecums, piemēram, 82 gadu vecumā pastāv objektīvas grūtības pašam sagatavot sūdzību, un būtu saprotama griešanās pēc juridiskās palīdzības. **Par neattaisnojošiem iemesliem** tiesa atzīst tiesību normu nezināšanu, personas pienākumu būt sasniedzamai norādītajā dzīvesvietā nepildīšanu, pierādījumu vākšanu un pašas personas bezdarbību.⁵³ AAL nosaka, ka administratīvā pārkāpuma lietā pieņemtais lēmums stājas spēkā ar brīdi, kad beidzas termiņš tā pārsūdzēšanai un tas nav pārsūdzēts, bet, ja lēmums ir pārsūdzēts, ar brīdi, kad sūdzība ir noraidīta.⁵⁴ Augstākas iestādes rīcība, atjaunojot pārsūdzības termiņu, nevērtējot, vai termiņš nokavēts attaisnojamo iemeslu dēļ, nebūtu atzīstama par pareizu, jo **termiņu ievērošana ir procesa likumīgas norises būtiska sastāvdaļa.** AAL 168. panta trešās daļas 2. punktā noteikts, ja termiņš nokavēts, sūdzību neizskata.⁵⁵ Augstākas amatpersonas lēmumu par atteikumu atjaunot termiņu sūdzības iesniedzējs 10 darbdienu laikā no tā paziņošanas dienas var pārsūdzēt rajona (pilsētas) tiesā AAL 169. panta trešajā daļā noteiktajā kārtībā.⁵⁶ Nav pieļaujams, ka sūdzība tiek izskatīta pēc būtības, neskatoties uz to, ka nav bijis lūguma par termiņa atjaunošanu, kā arī nevērtējot, vai termiņš nokavēts attaisnojamo iemeslu dēļ, jo termiņu ievērošana ir procesa likumīgas norises būtiska sastāvdaļa, ja termiņš nokavēts – sūdzību neizskata.

Kopsavilkums

Amatpersonas kompetencē ir izlemt, vai konkrētais administratīvais pārkāpums ir maznozīmīgs un vai administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšana ir lietderīga. Amatpersona ir tiesīga veikt darbības administratīvā pārkāpuma novēršanai, neuzsākot administratīvā pārkāpuma procesu, ja pārkāpuma novēršana ir iespējama īsā laika posmā un nerada būtiskas sekas.

Ja amatpersona uzsāk administratīvā pārkāpuma procesu, tā ne vēlāk kā triju darbdienu laikā no ziņu iegūšanas dienas pieņem lēmumu par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu. Lēmumā jāapraksta konkrētas darbības, ko veica persona un kuras ir kvalificējas kā administratīvais pārkāpums. Būvinspektoram pirms šā lēmuma jā sagatavo arī atzinums, kuram jā satur informācija par pierādījumiem, kuri iegūti līdz administratīvo pārkāpumu procesa uzsākšanai. Amatpersona nevar atsaukties uz ilgstošu ziņu pārbaudi, lai lēmumu par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu pieņemtu mēneša laikā, ja jau ir iegūti pierādījumi par administratīvo pārkāpumu un noskaidrota pie atbildības saucamā persona.

Ja persona izdara vairākus administratīvos pārkāpumus, par katru pārkāpumu jāuzsāk atsevišķa administratīvā pārkāpuma lieta, ievērojot principu *viens pārkāpums – viens sods*.

Par administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas laiku un vietu paziņo tādā veidā, lai informācija ir uzskatāma par paziņotu vismaz piecas dienas pirms administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas.

Administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanu veic un lēmumu pieņem pēc iespējas ātrāk, ne vēlāk kā viena mēneša laikā no dienas, kad pieņemts lēmums par administratīvā pārkāpuma procesa uzsākšanu. Ja lēmums netiek pieņemts deviņu mēnešu laikā, tad administratīvā pārkāpuma process jāizbeidz.

Administratīvā pārkāpuma lietas izskatīšanas gaita satur daudzas procesuālās darbības, kuras ir noteiktas AAL 140.–150. pantā. Amatpersonai ne tikai jāievēro un jāveic lietas izskatīšanas gaitā veicamās procedūras, bet jāfiksē to izpildes gaita un rezultāti, izmantojot skaņu ierakstu, citus tehniskos līdzekļus vai rakstot sēdes protokolu.

Būvinspektors nepieņem lēmumu par administratīvo sodu, to būvvaldes vārdā var pieņemt būvvaldes vadītājs. Būvvaldes lēmumā par soda piemērošanu jāvērtē objekts kopumā, lai piemērotu lielāku sodu par brīdinājumu vai minimālo naudas sodu, tas ir atbilstoši jāpamato.

Administratīvā pārkāpuma lietā pieņemto lēmumu var pārsūdzēt augstākai amatpersonai. Ja augstākas amatpersonas nav, lēmumu var pārsūdzēt rajona (pilsētas) tiesā persona, kurai piemērots administratīvais sods, kā arī cietušais 10 darbdienu laikā no lēmuma paziņošanas dienas, sūdzību iesniedzot amatpersonai, kura pieņēmusi lēmumu administratīvā pārkāpuma lietā. Ja norādītais termiņš ir nokavēts, pēc sūdzības iesniedzēja motivēta lūguma šo termiņu var atjaunot augstāka amatpersona, ja nokavējumam ir attaisnojoši iemesli. Nav pieļaujams, ka sūdzība tiek izskatīta pēc būtības, neskatoties uz to, ka nav bijis lūguma par termiņa atjaunošanu, kā arī nevērtējot, vai termiņš nokavēts attaisnojami iemeslu dēļ, jo termiņu ievērošana ir procesa likumīgas norises būtiska sastāvdaļa, ja termiņš nokavēts – sūdzību neizskata.

Atsauces

- ¹ Tieslietu ministrija (01.07.2020.). Skaidrojošs video par jauno administratīvās atbildības sistēmu (vebinārs). Jurista Vārds. Jaunumi. Iegūts 03.12.2021. no <https://juristavards.lv/zinas/276856-skaidrojoss-video-par-jauno-administrativas-atbildibas-sistemu>.
- ² Būvniecības likums (09.07.2013.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 146, 30.07.2013. OP numurs: 2013/146.1. Ar grozījumiem līdz 19.08.2021.
- ³ Briede J., Danovskis E., Kovaļevska A. (2021). Administratīvās tiesības. Mācību grāmata. Otrais izdevums. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 209.lpp. (380 lpp.).
- ⁴ Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ⁵ Briede, J., Danovskis, E., Kovaļevska, A. (2016). Administratīvās tiesības. Mācību grāmata. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 212. lpp. (352 lpp.).
- ⁶ Danovskis, E. (2019). Administratīvās atbildības likuma pamatnoteikumu svarīgākās nostādnes. Latvijas Universitātes 77. starptautiskās zinātniskās konferences rakstu krājums "Satversmē nostiprināto vērtību aizsardzība: dažādu tiesību nozaru perspektīva". Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 466.lpp. (460.–467.lpp.). Iegūts 03.12.2021. no <https://doi.org/10.22364/juzk.77.49>.
- ⁷ Krastiņš U. (2021). Par prettiesiskuma saistību ar vainu krimināltiesībās. Jurista Vārds. 20.04.2021. Iegūts 03.12.2021. no https://news.lv/Jurista_vards/2021/04/20/par-prettiesiskuma-saistibu-ar-vainu-kriminaltiesibas.
- ⁸ Latvijas Administratīvo pārkāpumu kodekss. Pieņemts 07.12.1984. Publicēts: Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs 20.12.1984. Nr.51. Pēdējie grozījumi 05.06.2020. (zaudējis spēku).
- ⁹ Būvniecības likums (09.07.2013.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 146, 30.07.2013. OP numurs: 2013/146.1. Ar grozījumiem līdz 19.08.2021.
- ¹⁰ Grozījumi Būvniecības likumā (21.11.2019.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 248A, 10.12.2019. OP Nr.2019/248A.5. Anotācija. Anotācijas I sadaļas, 2. ailes 1. daļa. Iegūts 03.12.2021. no <http://titania.saeima.lv/LIVS13/SaeimaLIVS13.nsf/0/5DC678A5CFA03DAEC2258382002FAFE6?OpenDocument>.
- ¹¹ Briede J., Danovskis E., Kovaļevska A. (2021). Administratīvās tiesības. Mācību grāmata. Otrais izdevums. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 228. lpp. (380 lpp.).
- ¹² Būvniecības likums (09.07.2013.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 146, 30.07.2013. OP numurs: 2013/146.1. Ar grozījumiem līdz 19.08.2021.

- ¹³ Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ¹⁴ Administratīvo pārkāpumu tiesības. Administratīvās atbildības likuma skaidrojumi (2020). E. Danovska un G. Kūtra zinātniskajā redakcijā. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 382.lpp. (637 lpp.).
- ¹⁵ Administratīvās atbildības likums. Pieņemts 25.10.2018. Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ¹⁶ Turpat.
- ¹⁷ Turpat.
- ¹⁸ Briede J., Danovskis E., Kovaļevska A. (2021). Administratīvās tiesības. Mācību grāmata. Otrais izdevums. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 229.lpp. (380 lpp.).
- ¹⁹ Administratīvo pārkāpumu tiesības. Administratīvās atbildības likuma skaidrojumi (2020). E. Danovska un G. Kūtra zinātniskajā redakcijā (2020). Rīga: Tiesu namu aģentūra, 390.lpp.
- ²⁰ Turpat.
- ²¹ Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ²² Administratīvo pārkāpumu tiesības. Administratīvās atbildības likuma skaidrojumi (2020). E. Danovska un G. Kūtra zinātniskajā redakcijā (2020). Rīga: Tiesu namu aģentūra, 385.-386.lpp.
- ²³ Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ²⁴ Būvniecības likums (09.07.2013.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 146, 30.07.2013. OP numurs: 2013/146.1. Ar grozījumiem 19.08.2021.
- ²⁵ Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ²⁶ Turpat.
- ²⁷ Administratīvo pārkāpumu tiesības. Administratīvās atbildības likuma skaidrojumi (2020). Danovska, E. un Kūtra, G. zinātniskajā redakcijā. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 382.lpp. (637 lpp.).
- ²⁸ Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ²⁹ Latvijas Administratīvo pārkāpumu kodekss (07.12.1984.). Publicēts: Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs 20.12.1984. Nr.51. Pēdējie grozījumi 05.06.2020. (zaudējis spēku).
- ³⁰ Likumprojekta „Administratīvo pārkāpumu procesa likums” sākotnējās ietekmes novērtējuma ziņojums (anotācija). Anotācijas I sadaļas 4. ailes 4. punkts. Iegūts 03.12.2021. no <http://titania.saeima.lv/LIVS12/SaeimaLIVS12.nsf/0/8F85FC1AE272C759C2257D8E004788AD?OpenDocuments>.
- ³¹ Laveniece-Straupmane N. (2020). Jaunais Administratīvās atbildības likums: aktuālie piemērošanas jautājumi. Jurista Vārds, 30.06.2020. Iegūts 03.12.2021. no https://news.lv/Jurista_vards/2020/06/30/jaunais-administrativas-atbildibas-likums-aktualie-piemerosanas-jautajumi.
- ³² Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ³³ Laveniece-Straupmane N. (2020). Jaunais Administratīvās atbildības likums: aktuālie piemērošanas jautājumi. Jurista Vārds, 30.06.2020. Iegūts 03.12.2021. no https://news.lv/Jurista_vards/2020/06/30/jaunais-administrativas-atbildibas-likums-aktualie-piemerosanas-jautajumi.
- ³⁴ Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ³⁵ Turpat.
- ³⁶ Turpat.
- ³⁷ Turpat.
- ³⁸ Būvniecības likums (09.07.2013.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 146, 30.07.2013. OP numurs: 2013/146.1. Ar grozījumiem līdz 19.08.2021.
- ³⁹ Grozījumi Būvniecības likumā (21.11.2019.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 248A, 10.12.2019. OP Nr.2019/248A.5. Anotācija. Anotācijas I sadaļas 2. ailes 2. daļa. Iegūts 03.12.2021. no <http://titania.saeima.lv/LIVS13/SaeimaLIVS13.nsf/0/5DC678A5CFA03DAEC2258382002FAFE6?OpenDocument>.
- ⁴⁰ Latvijas Administratīvo pārkāpumu kodekss (07.12.1984.). Publicēts: Latvijas Padomju Sociālistiskās Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs 20.12.1984. Nr.51. Ar grozījumiem 05.06.2020. (zaudējis spēku).
- ⁴¹ Būvniecības likums (09.07.2013.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 146, 30.07.2013. OP numurs: 2013/146.1. Ar grozījumiem līdz 19.08.2021.
- ⁴² Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.), 16. panta otrā un trešā daļa. Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ⁴³ Ziemele I. (2019). Administrative responsibility for unauthorised construction in Republics of Lithuania and Latvia. Proceedings of the International Scientific Conference of Daugavpils University, 11.04.-12.04.2019., Issue 61, p., 224. lpp. (221-227.lpp.). Iegūts 03.12.2021. no: <http://web.a.ebscohost.com>.

- ⁴⁴ Ministru kabineta 04.02.2013. rīkojums Nr.38 "Par Administratīvo sodu sistēmas attīstības koncepciju" (04.02.2013.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 25, 05.02.2013. OP Nr.2013/25.6.
- ⁴⁵ Oficiālā Vēstule (2021): Latvijas Pašvaldību savienībā izsaka priekšlikumus likumprojektam "Grozījumi Būvniecības likumā" un aicina noteikt, ja būvdarbi tiek veikti bez būvniecības ieceres dokumentiem, tad fiziskām personām tiek piemērots naudas sods no 28 līdz 40 naudas vienībām, bet juridiskajām personām no 100 līdz 4000. 13.Saeima. Likumprojekts Nr.197/Lp13 Grozījumi Būvniecības likumā, uz 2. lasījumu. Iegūts 03.12.2021. no <https://titania.saeima.lv/LIVS13/SaeimaLIVS13.nsf/webPhase8?OpenView&count=30&start=151>.
- ⁴⁶ Ziemele I. (2019). Administrative responsibility for unauthorised construction in Republics of Lithuania and Latvia. Proceedings of the International Scientific Conference of Daugavpils University, 11.04.-12.04.2019., Issue 61, p., 226.lpp. (221-227.lpp.). Iegūts 03.12.2021. no <http://web.a.ebscohost.com>.
- ⁴⁷ Ekonomikas ministrija (2017). Vadlīnijas par "Konsultē vispirms" principa piemērošanu valsts iestāžu darbā, 17.-18.lpp. (37 lpp.). Iegūts 03.12.2021. no https://www.em.gov.lv/sites/em/files/2017-06-15_10_05_37_kv_vadlinijas_final_makets_14.06.2017_1_0.pdf.
- ⁴⁸ Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.), 166. pants. Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ⁴⁹ Turpat.
- ⁵⁰ Briede J., Danovskis E., Kovaļevska A. (2021). Administratīvās tiesības. Mācību grāmata. Otrais izdevums. Rīga: Tiesu namu aģentūra, 231.lpp. (380 lpp.).
- ⁵¹ Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ⁵² Administratīvo pārkāpumu tiesības. Administratīvās atbildības likuma skaidrojumi (2020). E. Danovska un G. Kūtra zinātniskajā redakcijā (2020). Rīga: Tiesu namu aģentūra, 451.lpp. (637 lpp.).
- ⁵³ Borkoveca, M. (2008). Procesuālie termiņi administratīvajā procesā. No: Autoru kolektīvs. Dr. iur. J. Briedes zinātniskā redakcijā. Administratīvais process tiesā. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 348.-352.lpp. (776 lpp.).
- ⁵⁴ Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.), 159. panta pirmā daļa. Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.
- ⁵⁵ Administratīvo pārkāpumu tiesības. Administratīvās atbildības likuma skaidrojumi (2020). E. Danovska un G. Kūtra zinātniskajā redakcijā (2020). Rīga: Tiesu namu aģentūra, 451.lpp. (637 lpp.).
- ⁵⁶ Administratīvās atbildības likums (25.10.2018.). Publicēts: Latvijas Vēstnesis, 225, 14.11.2018. OP Nr.2018/225.1. Ar grozījumiem līdz 12.12.2019.

Аннотация

1 июля 2020 года в силу вступил «Закон об административной ответственности» (далее ЗАО) и поправки к различным отраслевым законам, тем самым децентрализуя нормы административной ответственности. В сфере строительства административные нарушения, штрафы и непосредственно сам процесс нарушений устанавливает «Закон о строительстве». На примере строительной отрасли в статье выделены и проанализированы правовые нормы ЗАО, регулирующие процесс административных нарушений учреждения. Внимание уделено не только процессуальным требованиям, но также и необходимости соблюдения прав лиц, вовлеченных в процесс, и снижению вероятности оспаривания решений, принятых учреждением.

По мнению автора, рассмотренный в статье вопрос процесса административных нарушений в строительном управлении может быть полезным в процессе административных нарушений других отраслей.

В статье рассмотрены нормативные акты, регламентирующие выдвинутые исследуемые вопросы, доступная в печатных источниках и интернет-ресурсах информация, которая была опубликована до 3 декабря 2021 года, проведён анализ исследуемой информации и сделаны выводы, что в процессе административных нарушений в учреждении важно не только выполнять процессуальные действия в сроки, установленные Законом об административной ответственности, но также и обосновывать принятые решения.

Ключевые слова: процесс административных нарушений, строительное управление, должностное лицо, строительный инспектор, доказательства административного нарушения, обоснованное решение.

CIVILTIESĪBU APAKŠNOZARE

KOMPLEKSA RAKSTURA JĒDZIENU KVALIFIKĀCIJAS PROBLĒMĀTISKIE ASPEKTI

Edvards Pilipsons,

Mg. iur., Rīgas Stradiņa universitāte, doktora grāda pretendents,

e-pasts: e.pilipsons@privattiesibas.lv

Abstract

This article examines the problematic aspects of the qualification of legal categories involved in the formation of the rules of contractual succession and, accordingly, determining the essential components of transactions of this legal institution.

Also this article analyzes collision links that determine the models of legal regulation in situations determined by donation and donation in case of death conflict factors. Donation in transactions and contracts, provided by contractual succession is involved as a legal basis, in special cases determining subject and object status of the participants in a particular relationship. Also, donation is involved in the formation of the will of the participants.

Article considered issues related to the qualification of concepts in accordance with the factor determining the right to establish succession contracts and the right of the place of execution of these contracts.

Keywords: *applicable law definition, collision law, contractual succession, future succession, qualification issues, succession agreement.*

Ievads

Galvenais aspekts, kas īstenojams tiesiskā institūta kvalifikācijas procesā, ir tiesiskās koncepcijas vai pielietojumam pakļautās kategorijas definēšana¹. Šā raksta izpratnē par galveno jautājumu kļūst līgumiskās mantošanas kolīzijas institūtam atbilstošas kolīzijas piesaistes definēšana.

Termins *kvalifikācija* šajā rakstā tiek saprasts kā pielietojamo tiesību definēšana attiecībā uz līgumiskās mantošanas institūtiem.

Kā, atspoguļojot kvalifikācijas būtību un sarežģītību, norāda Aiga Mieriņa: “Ārvalstu tiesību pielietojuma gadījumā nākas saskarties ar papildu grūtībām – tiesisko jēdzienu definēšanu, to satura noskaidrošanu, interpretācijas un pielietojuma īpatnībām”². Šī raksta saturs tiek būvēts, ievērojot minētās kategorijas.

Tiesību institūtu kvalifikācijas jautājumus ir pētījuši ievērojami tiesību zinātnieki: Helmut Vēbers (*Helmut Weber*)³, Francs Kāns (*Franz Kahn*)⁴, vēsturiskās tiesību skolas dibinātājs Fridrihs Karls fon Savinji (*Friedrich Carl von Savigny*), Etjēns Bartins (*Etienne Bartin*). Par kvalifikācijas svarīgumu ir rakstījusi Kataržina Bažana-Kurluta (*Katarzyna Bagan-Kurluta*)⁵. Uz kvalifikācijas normas ieviešanas nepieciešamību norādījis tiesību vēsturnieks K. Šillings Vietējo Civillikumu kopojuma kolīzijas normu reformācijas projektā⁶. Par pareizas un tiesībām atbilstošas kvalifikācijas nepieciešamību iestājas arī tiesu prakse – kvalifikācijas neesamība izraisa vienkāršotu problēmas izpratni un, iespējams, nepareizu lietas atrisinājumu⁷. Raksturošanu un kvalifikāciju kā kolīzijas problēmu risinājuma metodi starptautiskajās privāttiesībās savā darbā piedāvā Roberts Paskāls (*Robert A. Pascal*)⁸ un Ernests Lorenzens (*Ernest G. Lorenzen*)⁹. Neapšaubāmi tiks izmantoti arī paņēmieni, ko aprakstījis Erlens Kalniņš¹⁰.

Galvenais kvalifikācijas uzdevums ir tiesisko attiecību lokalizācija un to turpmākā piesaiste konkrētas valsts tiesībām vai virsvaras likumam un kārtībai vai arī piesaistes izslēgšana¹¹.

Raksta mērķis ir izanalizēt atsevišķu līgumiskās mantošanas tiesību kategoriju kvalifikācijas īpatnības.

Raksta izstrādē izmantota analītiskā un vēsturiskā pētījuma metode.

1. Termins *causa** kā līgumiskās mantošanas sistēmas veidojošais elements

Par spīti dažiem autoriem, kas uzskata, ka pieprasīt precīzu *causa* definējumu nedrīkst sakarā ar to, ka šāds definējums var tikt dots tikai galīgai lietai¹², bet līgumiskā mantošana tāda nav, līgumiskās mantošanas *causa* neapšaubāmi pastāv, un raksta mērķa sasniegšanai ir pamatoti izmantot I. Neruša (*I. A. Heryu*) modificēto definējumu, kas sākotnēji noteica *causa* kā saistību piederību attiecīgai klasifikācijas grupai¹³.

Tomēr, ņemot vērā, ka minētais definējums nav korekts līgumiskās mantošanas gadījumā, *causa* jānosaka kā tiesību pamats saistību sasaistei un vietai mantojuma tiesību un saistību tiesību jomās. Martins Volfs (*Martin Wolf*) norāda, ka kvalifikācija ir jāsteno tiesisko attiecību būtības novērtējuma ceļā¹⁴.

Atbalstot minēto definējumu un pamatojoties uz iepriekš teikto, ir pamats apgalvot, ka līgumiskās mantošanas imperatīvu normu korektai noteikšanai būtu jārada mantojuma un saistību tiesību normu sasaistes mehānisms. Tam ir praktiska nozīme, taču, autorprāt, šai pieejai ir zināms trūkums – ja mantojuma devēja fiziskā nāve iestājusies citas valsts teritorijā (*lex flagi* situācija), notiek kolīzija starp *lex domicile* (*lex patriae*) un *lex flagi* principa *lex specialis derogat legi generali* dēļ. Protams, līdzīgā veidā tiesiskais regulējums pastāvētu arī *lex domicili* izmaiņu situācijā, tomēr pateikt, vai tas būtu pietiekams, nav iespējams, jo vienota līguma būtības izpratne, kas regulētu līgumisko mantošanu pārrobežu mantošanas gadījumos, nepastāv. Šo viedokli var ilustrēt ar mantojuma līguma noslēgšanu ar personu, kurai saskaņā ar spēkā esošajiem tiesību aktiem nav tiesībspējas piedalīties šajā darījumā. Viens no galvenajiem mantojuma tiesību principiem paredz mantojuma devējam tuvu personu tiesību un interešu nodrošināšanu kopsakarā ar citu personu tiesību un interešu aizsardzību. Otrais princips nodrošina pilnīgu mantojuma devēja gribas izpildi. Tomēr, vai persona, kurai nav tiesībspējas, var īstenot praksē šos principus?

Atsaucoties uz civiltiesisko valstu līgumiskajām tiesībām un *Acacia Mut Life Ins. Co. V. Jago*¹⁵ precedentu, kas ievieš noteikumu, ka tad, ja persona atrodas aizgādībā, tā nenovēršami tiek prezumēta kā tāda, kurai nav tiesībspējas slēgt līgumus¹⁶, līgumiskās mantošanas situācijā šī pieeja neatspoguļo visu normu un gan mantošanas, gan līgumisko tiesību noskaidrošanas problēmas pilnību.

Lai radītu universāla rakstura līgumiskās mantošanas pamatu īpašām situācijām, kas izriet no kolīzijas faktora – novēlēts dāvinājums mantošanas tiesībās – normām, būtu piemērojams vecuma ierobežojumu likvidācijas princips Marka Glovera (*Mark Glover*)¹⁷ izpratnē.

Kvalifikācijai jānovērš situācija, ko var apzīmēt kā “darījumi starp dažiem nedrīkst kaitēt citiem”.

Līgumiskās mantošanas normu kvalifikācijai ir svarīgi noteikt, vai kolīzijas faktors – mantošanas tiesisko attiecību raksturīgākās tiesības – ir vai nav mantojuma saistību rašanās mērķis. Kā izriet no Civillikuma normām (Civillikuma 1672. pants), *lex causae* var sakrist ar mantojuma devēja *lex patriae* vai *lex domicili*, un, lai izvairītos no iekšējā konflikta starp *lex patriae* un *lex domicili*, pusēm kolīzijas mantojuma tiesību (piesaistes formulu) noregulēšanā būtu jāizmanto līgumisko tiesību līdzekļi un jānosaka mantojuma devēja individuālais tiesiskais statuss. Šā uzdevuma īstenošanai novēršama analogisku jēdzienu konkurence mantojuma līgumisko tiesību rašanās vietas un izpildes vietas tiesību starpā.

Materiālo tiesību normas bieži raksturo pietiekami augsta abstrakcijas pakāpe, tāpēc tās jānoskaidro pirms stāšanās līgumiskās mantošanas attiecībās. Jēdziens *dāvinājums mērenos apjomos* (Civillikuma 648. pants) nav izņēmums. Dāvinājuma būtība ir tāda, ka vissvarīgākā ir nevis pati materiālā lieta, bet jūtas, kas aiz tās stāv. Tās var būt rūpes, dalība, uzmanība, mīlestība, draudzība, simpātijas, vēlme uzlabot attiecības, atvainošanās. Dāvana ir tikai šo pozitīvo emociju lietiskais iemiesojums. Šī jēdziena kvalifikācijā ir svarīgi noskaidrot, ko mantojuma devējs ir nolēmis apdāvināt – savas ģimenes locekli (potenciālo mantinieku saskaņā ar likumu) vai citu personu, kas nav saistīta radniecības saitēm ar mantojuma devēju, kam arī ir tiesiska nozīme. Pirmajā gadījumā dāvinājuma kvalifikācijā piemērojamas ģimenes tiesību normas vai līgumiskās tiesības, *mortis causa* dāvinājuma situācijā tiks iesaistītas mantojuma tiesību normas. Tāpat jāizskaidro jautājums par

* *Causa* (latīņu val.) – tiesību normu rašanās un izbeigšanas pamats (*autora piezīme*).

prioritāro tiesiskās regulēšanas normu – kolīzijas tiesībām, kas atbilst konkrētai tiesiskās regulēšanas jomai, kuru raksturo atšķirīgas pievienošanas formulas un korekts prioritārās tiesiskās regulēšanas definējums, kas arī virzīs attiecības uz atbilstošā likuma un kārtības ievērošanu.

Jāņem vērā dāvinājuma tiesisko attiecību subjektu – dāvinātāja un apdāvināmā – īpatnības. Šķiet, ka mantošana par labu trešajai personai var tikt pakļauta imperatīvo dāvinājumu regulējošo normu darbībai un radīt konfliktu starp līgumiskajām tiesiskajām attiecībām un mantojuma tiesiskajām attiecībām. Līgumisko tiesisko attiecību ietvaros **, Eliota Čitama (*Elliott E. Cheatham*)¹⁸ izpratnē, var rasties iekšējs konflikts. Neapšaubāmi, dāvinājuma subjektam, kas sasniedzis pilngadību, un subjektam, kas nav sasniedzis pilngadību, būs atšķirīgas tiesiskās sekas. Pirmajā gadījumā kvalifikācija jāīsteno saskaņā ar principu – *saskaņā ar likumu*, pēdējā gadījumā normas kvalifikācijā jāiekļauj tā saucamie *atbrīvošanas līdzekļi* (Raphl U. Whitten, 2002), kas palīdz atšķirt vai mīkstināt citu līgumiskās mantošanas tiesiskās regulēšanas jomas kolidējošo normu darbību¹⁹. Tādi jēdzieni kā *sabiedrības intereses* un *svarīgi iemesli* tostarp ir nostiprināti Valsts pārvaldes iekārtas likumā²⁰ un interpretēti tiesu praksē²¹.

Lai noteiktu līgumu, kas noslēgts ar morālo normu pārkāpumiem, daži autori iesaka vērsties pie atbilstošas tiesu prakses²². Materiāli tiesiskā kvalifikācija vienmēr notiek saskaņā ar *lex causae*, t. i., uz tiesību bāzes, kuras tiesa ir atzinusi par kompetentām. Tādējādi dāvinājuma *mortis causa* situācijā attiecībā uz nepilngadīgo, piemēram, piemērojot Latvijas Republikas materiālās tiesības Vācijas teritorijā, Civillikuma norma izmantojama, ņemot vērā atrunu – *labvēlīgais fināls* (Wendel, 2005) imperatīva *saskaņā ar likumu* izpratnē, kas (*domāts – imperatīvs, autora piezīme*) izpausts caur kategoriju – *papildu likumam*²³, kura būtību izklāstījusi Katerina Kruse (*Katherine R. Kruse*)²⁴.

Par līgumiskās mantošanas normu *lex causae* kvalifikācijas rezultātu būtu jāklūst teleoloģiski adekvātai tiesiskajai konstrukcijai (mehānismam), kas nodrošinās pielietojamo materiālo mantojuma un līgumisko tiesību normu sasaisti un novērsīs konfliktu starp šīm normām. Līgumiskajā mantošanā par tāda veida kolīziju kļūva kolīzijas piesaiste *lex patriae* vai *lex domicili*, kas mobila konflikta situācijā iegūst funkcionālu raksturu.

Funkcionāla rakstura piešķiršana kategorijai *personālās tiesības*, kurās ietilpst *tēvzemes valsts tiesības* un *dzīvesvietas valsts tiesības*, ir pretrunā ar Apvienoto Nāciju Organizācijas Tiesas lēmuma principiem²⁵ un nesekmē pielietojamo materiālo mantojuma un līgumisko tiesību noteikšanu. Nosakot *lex causae* normas, būtu jāņem vērā, ka *lex causae* ir konkrētu attiecību pamatojuma tiesības, ko neregulē tiesību akti. Līgumisko tiesību *lex causae* ir līguma noslēgšanas vietas tiesības un līguma tiesiskās sekas. Šī iemesla dēļ tās var sakrist ar *lex patriae/lex domicile*, tomēr var arī nesakrist. Pēdējā gadījumā var rasties tā saucamā dubultā kvalifikācija²⁶, kas līgumiskās mantošanas situācijā radīs kumulatīvu kvalifikāciju²⁷, kas pēc savas tiesiskās dabas ir vēlama līgumiskajā mantošanā, jo pielietojamās mantojuma tiesību normas var noteikt caur līgumisko tiesību normām, un otrādi, tomēr primārā kvalifikācija ar šo metodi ir ļoti sarežģīta. Par iespējamo risinājumu var kļūt kategorijas *līgumiskās mantošanas pušu intereses* ieviešana kvalifikācijas procesā saskaņā ar *lex causae* principu. Tā kā subjektīvajām tiesībām un likumīgajai interesei ir diapozitīvs raksturs un tās atrodas pieļaujamajā laukā²⁸, šo kategoriju ieviešana *lex causae* kvalifikācijas procesā piešķirs procesam virzienu, pusēm stājoties līgumattiecībās, ko raksturo *ex ante* un *ex post* izpilde.

Kā rāda analīze, tiesiskās attiecības *causa* var nostiprināt ne tikai ar *lex patriae/lex domicile* izmaiņām, bet arī ar tiesisko kategoriju pagaidu izmaiņām. Ievērojot grozījumus Civillikumā²⁹, *causa*, kas apzīmēta ar terminu *neatraidāmie mantinieki*, ir mainīta uz *neatņemamās daļas tiesīgie*, kas nav noregulēta laikā un rada prasības tiesības, kuras tradicionāli tiesību doktrīnā³⁰ un tiesību akti (Civillikuma 1413. pants) attiecina uz līgumiskajām tiesībām. Tas var radīt viltus pamatu, kas, pēc Džona Bella (*John Bell*), Sofijas Baironas (*Sophie Boyron*) un Simona Vitakera (*Simon Whittaker*) domām, neizraisa tiesiskās sekas³¹, tajā skaitā arī kvalifikācijas rezultātā veiktās.

** Konflikts starp normām, kas regulē dāvinājumu un citas tiesību attiecības, kuras raksturīgas saistību tiesībām (*autora piezīme*).

2. Kompleksās kategorijas “Dāvinājums, kas nodara kaitējumu, – dāvinājums mērenos apjomos” analīze

Dāvinājums, kas nodara kaitējumu (Vācijas Civillikuma 2287. paragrāfs), ir tiesiska situācija, kas izriet no subjektīvi kvalificēta jēdziena *dāvinājums mērenos apjomos* (Civillikuma 648. pants., Vācijas Civillikuma 2325. paragrāfs korelācijā ar Vācijas Civillikuma 472. paragrāfu) kategorijas virzienā, ko pauž jēdziens *dāvinājums, kas nodara zaudējumus īpašuma apjoma un mantisko tiesību samazināšanās ceļā, izslēdzot iespēju nokārtot parāda saistības*³², tādējādi jēdziens ietilpst līgumiskās mantošanas struktūrā.

Kvalifikācijā ir objektīvi jānosaka jēdziena *zaudējumi* darbības robežas, to zemākā un augstākā robeža. Šajā sakarā ilustratīvs ir Šveices Augstākās tiesas lēmums, kas noteica, ka neliela īpašuma vērtībai ir jāsastāda 300 Šveices franku vērtība³³.

Latvijas Republikas tiesu prakse jēdziena *mantiskais zaudējums lielā apmērā* definēšanā sniedz nevis absolūtu, bet relatīvu lielumu, procentuāli aprēķinot zaudējumu apjomu³⁴, kas atbilst kolīzijas faktora *nākamais mantojums* normām.

Dāvinājums civiltiesībās pastāv trīs galvenajās formās: parasta dāvinājuma institūts (Civillikuma 1912. pants), *mortis causa* dāvinājuma solījuma līgums (Vācijas Civillikuma 520. paragrāfs) un dāvinājums kā atbrīvošana no mantiskajām saistībām (Vācijas Civillikuma 2301. paragrāfs). Dāvinājums mērenos apjomos ir tiesisks darījums ar mērķi palielināt personas īpašumu vai mantiskās tiesības. Saskaņā ar vispārējo noteikumu dāvinātājam ir jābūt īpašuma īpašniekam³⁵, lai varētu dāvināt nekavējoties³⁶, tomēr līgumiskās mantošanas skatījumā šis nolikums ir strīdīgs – dāvinājuma objekti var būt lietas, kuras dāvinātājs apņēmis iegūt (Vācijas Civillikuma 524. paragrāfs). Ņemot to vērā, nosacījums, ka dāvinātājs samazina īpašuma apjomu par labu apdāvināmajam³⁷, ir strīdīgs. Savukārt, ņemot vērā iepriekš teikto, saskaņā ar *saistību izpildes vietas tiesības* normām kvalifikācijas līdzeklis var tikt uzskatīts par manipulācijas aizsegu^{38,39}, kas zināms angloamerikāņu tiesību doktrīnā.

Domājams, ka jēdziena *dāvinājums, kas nodara kaitējumu, – dāvinājums mērenos apjomos* patiesās nozīmes noteikšanai ir jāievieš palīgēdziens – *prioritāšu kolīzija*. Jēdziena *dāvinājums, kas nodara kaitējumu, – dāvinājums mērenos apjomos* kvalifikācijā par šādu līdzekli var kļūt dāvinājuma kvalifikācijas procesa iezīmes Vācijas tiesībās. Pirmkārt, Vācijas tiesības skaidri sadala dāvinājuma pamatojumus. Savukārt Civillikums kvalificē nākamās lietas dāvinājumu kā mantojuma līgumu⁴⁰, kas ir nepareizi – dāvinājums var tikt īstenots gan vienpusēja darījuma rezultātā, gan līguma kārtā. Turklāt šaubas raisa Civillikuma 1925. panta tekstā lietotais vārds *arī*. Nav skaidrs, vai tas sasaista Civillikuma 1925. un 1926. pantu īpašuma un mantisko tiesību tiesisko režīmu a kvalifikācijas ziņā un nosaka objektus kā dāvinātāja esošo īpašumu, vai arī tas iekļauts koncepcijā *bāzes likums nākamajām izmaiņām*⁴¹, kvalificējot normu kā īpašumu regulējošu tiesisko režīmu attiecībā uz *nākamā mantojuma* kolīzijas faktora normām. Tiesību doktrīna nesniedz atbildi⁴².

D. Rušniece, skaidrojot, ka, slēdzot dāvinājuma līgumu, nav iespējams tajā ietvert punktu, ka tas stājas spēkā tikai līdz ar dāvinātāja nāvi⁴³, netieši norāda, ka līguma slēgšanas brīdī īpašumam ir jābūt dāvinātāja īpašumā, apstiprinot kvalifikācijas procesam svarīgu imperatīvu neesamību, kas apzīmētas ar terminiem *nākamās intereses*⁴⁴ un *nākamais mantojums*.

Jēdziena *dāvinājums, kas nodara kaitējumu, – dāvinājums mērenos apjomos* kvalifikācijā jāņem vērā, ka, definējot tiesības, kas tiek izmantotas pret mantojuma un dāvinājuma sekām, tiek pielietotas līguma pušu personālās tiesības⁴⁵. Šis apstāklis var izraisīt to, ka prioritāšu kolīzijas atrisinājums būs nenoteikts – vienlaicīgi rodoties tiesiskajām attiecībām saskaņā ar līgumisko mantošanu (*ex ante* izpilde) un tiesiskajām attiecībām to translokācijas un iespējamā konflikta jautājumā, tiesības un atsevišķās kategorijas, kas tiek pielietotas kvalifikācijas procesā, nesekmēs to korektu interpretāciju un tās būs nepieciešams piepildīt ar imperatīviem jēdzieniem.

Vācijas Civillikums piedāvā divus vērtīgus kvalifikācijas instrumentus – līgumu par atbrīvošanu no saistību izpildes un līgumu par parāda atzīšanu par neesošu (Vācijas Civillikuma 397. paragrāfs). Ja nepieciešams (piemēram, prasības iesniegšana no mantinieku puses, procentu saistību rašanās, prasība nepamatotas iedzīvošanās dēļ), apdāvināmais var vērsties pie tuvākā līguma noteikuma, atbrīvojot sevi no atbildības par šķietamo deliktu.

Dāvinājuma attiecību prioritāte. Dāvinājuma attiecību prioritāte bieži rodas, konkurējot mantojuma tiesību un līgumisko tiesību normām, ja mantojums novēlēts trešajai personai. Te veidojas konkurence noteikumu lietojumā – noteikums par tuvākā līguma lietošanu liek interesentam vai tiesību piemērotājam piešķirt pielietojamajiem imperatīviem *pārceļšanas raksturu*⁴⁶, kas veicinās kvalifikāciju saskaņā ar *saistību izpildes vietas tiesības* normām.

Tiesību trūkums attiecībā uz jēdzienu *dāvinājums, kas nodara kaitējumu* – *dāvinājums mērenos apjomos* neizbēgami radīsies līgumiskās mantošanas situācijā, jo līgumiskā mantošana paredz kompleksu pieeju ar vienlaicīgu (paralēlu) vai secīgu tiesību imperatīvo normu iedarbību. Saistību tiesību termina (*dāvinājums mērenos apjomos*) un delikta tiesību termina (*dāvinājums, kas nodara kaitējumu*) prioritāšu kolīzijas ar *saistību izpildes vietas* kvalifikācijas mērķi var pieļaut mantojuma tiesību pāreju uz apdāvināmo personu – ar apdāvināmā mantinieka prezumpciju. Šajā situācijā apdāvināmajam ir iespēja veikt konkludentas darbības, kas nosaka mantojuma pieņemšanu. Tā pamatā ir *domājamā testamenta*⁴⁷ koncepcija, kas ņemtu vērā domājamo mantojuma devēja gribu⁴⁸, kura tiktu pausta maksimāli taupīgā attieksmē pret īpašumu.

Vācijas tiesības salīdzinājumā ar Latvijas Republikas tiesībām sakarā ar dāvinājuma pakļaušanu Vācijas tiesībām un ar to saistīto legālo pamatojumu paplašināšanu dāvinājuma kvalifikācijas ietvaros, sašaurina deliktu pamatojumu uzskaitījums, kas neizbēgami rastos jēdziena *dāvinājums, kas nodara kaitējumu*, – *dāvinājums mērenos apjomos* kvalifikācijas gadījumā, piemērojot Latvijas Republikas tiesību līdzekļus.

Bez šaubām, apdāvināmā un mantinieku nākamās intereses līgumiskajā mantošanā ir interešu harmonizācija, kas attaisno katras personas subjektīvo tiesību pielietojuma mērķi. Šajā sakarā tā saucamā juridiskā biotehnoloģija M. Mažorinas (M. B. Мажорина) izpratnē ir aktuāla tieši jauktajiem līgumiem (un tiesiskajām attiecībām – autora piezīme), kas satur dažādu līgumu elementus⁴⁹. Līgumiskajā mantošanā par labu trešajai personai *lex loci solutionis* kvalifikācija var tikt īstenota saskaņā ar *Roma I* reglamenta “a” punkta noteikumiem, kas pamato interpretācijas iespēju, savukārt “d” punkts piešķir līgumam par parāda neesamību virsnacionālu tiesisku regulējumu, kas balstās Vācijas Civillikuma 397. paragrāfa 2. daļas normā.⁵⁰

Lai gan analogiski paņēmieni tiek kritizēti pārlietu lielas dispozitivitātes dēļ⁵¹, šīs darbības ir svarīgas, jo novērš *normu vakuumu*⁵², kas savukārt ierobežo kvalifikācijas iespējas. Terminoloģiski jēdzieniskā aparāta paplašināšana ir īpaši svarīga, kvalificējot dāvinājumu, kas korelē ar savstarpējo testamentu tiesisko regulēšanu. Neskatoties uz to, ka savstarpējie testamenti nav viennozīmīgi nostiprināti Vācijas civiltiesībās, testaments var tikt atzīts par tādu, ņemot vērā Vācijas Civillikuma 1951. paragrāfu⁵³ vai citas personas testamentu, kas sastādīts saskaņā ar Civillikuma 606. panta prasībām ar dāvinājuma *nāves gadījumā* atrunu par labu trešajai personai par to, ka dāvinājuma priekšmets ir mantojuma devēja tiesības uz parāda vai citas saistības atzīšanu, kas balstās parāda prasībā. Šajā gadījumā papildu interpretācija, ko sniedz *Roma I* reglamenta “d” punkts, nosaka hipotētisko pušu gribu – kā puses regulētu strīdīgu situāciju, ja tā būtu acīmredzama darījuma veikšanas brīdī. Testamenti var tikt sastādīti atsevišķi, un pastāv varbūtība, ka mantojuma devēji nav saskaņojuši un apstākļu dēļ nevarēja saskaņot jēdziena *dāvinājums, kas nodara kaitējumu*, – *dāvinājums mērenos apjomos* kvalifikāciju attiecībā uz dāvinājumu *mortis causa* trešajai personai. Šajā gadījumā par kvalifikācijas *lex loci solutionis* imperatīvu būtu jāklūst tikai tam jēdzienam, kas skaidri aizliedz atkāpties no likuma nolikumiem atrunas daļā par publisko politiku (kārtību) (*public policy*). Tāda aizlieguma neesamības vai tiesību normu konkurences gadījumā korelējošās tiesiskajās attiecībās jēdziens var tikt atzīts par imperatīvu tikai tad, ja, balstoties uz tiesību aktu regulēšanas mērķiem, tas ir nepieciešams vājās puses visnozīmīgāko interešu aizsardzībai. Saskaņā ar tiesisko pamatojumu⁵⁴ un doktrīnu iestrādēm ekonomiski vājā puse, kas ir spiesta pieņemt līguma nosacījumus⁵⁵, ir apdāvināmais.

Kvalificējot jēdzienu *dāvinājums, kas nodara kaitējumu*, – *dāvinājums mērenos apjomos* saskaņā ar principu *lex loci solutionis* un leģitīmiem mērķiem⁵⁶, delikta statūts ir jāsašķel delikta tiesībās, kas tiek pielietotas kā dāvinājuma sekas, un delikta tiesībās, kas tiek pielietotas kā mantojuma sekas (piešķirot apdāvināmajam mantinieka prezumpciju), jo tās raksturo atšķirīgas imperatīvās normas un kvalificējoši manipulācijas līdzekļi.

Kompleksā jēdziena *dāvinājums, kas nodara kaitējumu*, – *dāvinājums mērenos apjomos kvalifikācijai ar mantojuma saistību saskaņā ar kolīzijas faktoru izpilde pirms nosacīta konkrēta dzīves fakta stāšanās un izpilde pēc nosacīta konkrēta dzīves fakta stāšanās* normām izpildi, kas izriet no līgumiskās mantošanas instrumenta, ir nepieciešama shēma, kas balstās heterogēnā sistēmā⁵⁷, kurā autonomā daļa, kas izcelta attiecībā pret citu⁵⁸, ir *dāvinājums trešajai personai, kas prezumēta kā mantinieks saskaņā ar testamentu*.

Tā kā *dāvinājumu nosaka brīvā griba un tas tiek piešķirts īpašas labvēlības dēļ, trešā persona tiek tuvināta mantojuma devēja ģimenes locekļu statusam*. Šis statuss izslēgs iespējamos jēdziena *dāvinājums, kas nodara kaitējumu* noteiktos negatīvos tiesisko darbību motīvus no to mantinieku puses, kas iecelti uz cita pamata. Ja trešā persona tiks uztverta kā mantinieks, tas piešķirs apdāvināmā statusam mantojuma un, iespējams, līgumiskajām tiesībām līdzīgu dabu⁵⁹ un izslēgs kumulatīvās kvalifikācijas pamatojumus saskaņā ar mantošanas, līgumisko un delikta tiesību imperatīvajām normām, atvirzot *dāvinājumu no formulas: legāts ir mantojuma masas samazinājums, kas ietilpst dāvinājuma tiesību objektu kopumā*.

3. Kategorijas “Aktuālās intereses – potenciālās intereses” analīze

Civiltiesībās jēdziens *intereses* ir jebkuru subjektīvo tiesību pamatā. Šajā pētījumā aktuālās intereses un darbības, kas veiktas šo interešu īstenošanai, tiek izprastas kā aktuālo interešu un potenciālo interešu dihotomijas pamats. Daži avoti norāda, ka, mainoties interesēm, modificējas saistības un attiecīgi, modificējoties saistībām, mainās arī intereses. Šķiet, ka līgumiskajā mantošanā tas ir nepieņemami – parādnieka darbības attiecībā uz *ex ante* izpildi nosaka potenciālās intereses ar konstantu, nemainīgu raksturu. Vienīgā interešu modifikācijas tiesiskā iespēja ir ar galvenā līguma pušu nolīgumu pārtraukt mantojuma saistības. Tomēr tas notiek nevis tāpēc, ka mantojuma devējs ir zaudējis interesi par *ex ante* izpildi, bet tāpēc, ka mantojuma devējs paudis gribu piešķirt parādniekam vai trešajai personai mantisku labumu. Šajā gadījumā ir jāatzīmē, ka minētā situācija rada jauktas tiesiskās attiecības ar nenoteiktām tiesiskajām sekām, cita rakstura prioritātēm un, iespējams, citas kvalitātes aktuālajām un potenciālajām interesēm, tādējādi radot saturīgas kolīzijas, kuru tradicionālais pamats ir atsevišķu attiecību tiesiskās regulēšanas specifika.

Pēc O. S. Joffes (*Олимпиад Соломонович Иоффе*) domām, mantinieka potenciālā mantojuma tiesību intereses, kas nav apgrūtinātas ar mantojuma saistībām *ex ante* Daniela Kellija (*Daniel B. Kelly*)⁶⁰ izpratnē, ir vēlme iegūt mantošanas priekšmetu⁶¹. Savukārt mantinieka aktuālās intereses ir mantojuma un delikta tiesību imperatīvo normu ievērošana un, ja mantinieks ir mantojuma devēja ģimenes loceklis, – ģimenes tiesību imperatīvo normu ievērošana. Noslēgta vai atzīta mantojuma līguma situācijā mantiniekam, nosakot potenciālās intereses, ir jāievēro arī līgumisko tiesību normu imperatīvs. Šī situācija sarežģīt kompleksās kategorijas *aktuālās intereses – potenciālās intereses* kvalifikāciju, jo līgumiskās tiesības, būdamas civiltiesību apakšnozare, korelē arī ar tām, izraisot galveno kategoriju nenoteiktību: no faktiskajiem apstākļiem, kas ir jāsakārto un tiesiski jāregulē, tādējādi izslēdzot kvalifikācijas priekšmetu un cēloni (Erena Kalniņa⁶² izpratnē).

Šobrīd pielietojamo tiesību normu kvalifikāciju kompleksās kategorijas *aktuālās intereses – potenciālās intereses* analīzi raksturo tas, ka likuma joma un potenciālā cēloniskā joma koncepcijas *hereditatis futurae* dēļ nevar pastāvēt kopā⁶³, jo nav iespējams izsekot situācijas attīstībai attiecībā uz mantojuma tiesību relatīvi imperatīvajām normām – shēmā, ko piedāvā K. Adomeits (*Karl Adomeit*)⁶⁴, nav iespējams ietvert imperatīvo faktoru sistēmisko analīzi labvēlīgai izpildei, nav sistēmiskās analīzes un seku analīzes iespējas. Tādējādi līgumiskās mantošanas tiesiskajā regulēšanā neveidojas vienots tiesisko normu interpretācijas modelis. Vienota modeļa neesamība dažādu interpretāciju dēļ radīs konfliktu starp kategorijām *aktuālās intereses* un *potenciālās intereses*, kas nav pieļaujami.

Vienots jēdzienu interpretācijas un kvalifikācijas modelis ir gan mantojuma tiesībās, gan līgumiskajās tiesībās. Ja pieņem, ka šīs tiesiskās regulēšanas jomas saplūst, obligāti ir jāizstrādā vienots interpretācijas modelis un jēdzienu kvalifikācija fiduciārajām tiesiskajām attiecībām, tostarp līgumiskā mantošana. Autorprāt, vienota kvalifikācijas modeļa izstrāde pazeminātu vai novērstu darījuma aleatoro raksturu.

Adekvāti mainīgajos līgumiskās mantošanas tiesiskās regulēšanas nosacījumos vienmēr būs aktuāla jēdzienu konflikta problēma. Lai to novērstu, šķiet pamatoti ieviest tādu metodoloģiju, kas atklātu un noteiktu to situāciju vispārējo raksturojumu, kas saistītas ar jēdzienu konfliktiem un var pakļaut komplekso jēdzienu *aktuālās intereses – potenciālās intereses* nepienācīgai interpretācijai. Pirmkārt, jāatklāj jēdzienu konfliktsituācijas ar analogiskas terminoloģijas analīzi, kas ņemta no materiālo tiesību tiesiskās regulēšanas jomām. Otrkārt, ieinteresētajām pusēm ir jābūt pietiekami informētām, lai veicinātu likuma un noteikumu prasību izpildi, kuras nosaka imperatīvās normas attiecībā uz interpretējamo jēdzienu un (vai) situāciju. Treškārt, analītiskā darba turpināšanai ir jāspēj prognozēt konflikta riskam pakļautās situācijas, lai meklētu atbilstošus jēdzienus.

Balstoties Brainerda Kurija (*Brainerd Currie*) valdības intereses teorijā un pārnesot kvalifikāciju no kolīzijas uz materiāli tiesiskajām normām, nosakot mērķus, kas stāv pār materiālajām tiesībām⁶⁵, kompleksās kategorijas *aktuālās intereses – potenciālās intereses* kvalifikācijas mērķis *lex loci solutionis* situācijā gan kopumā, gan individuālā kārtā tiks sasniegts, jo neizraisīs pušu savstarpējās intereses zudumu par tiesiskajām normām kā sociāliem un ekonomiskiem institūtiem⁶⁶.

Kategorijas *potenciālās intereses* tiesiskās jēgas noteikšana situācijā *lex loci solutionis* ir nozīmīga – personu attiecībām ilgstošu tiesisko attiecību ietvaros ir jārada jēdzieniski atbilstoši noteikumi⁶⁷, kas pasargāti no nepienācīgas interpretācijas un kompleksās kategorijas *aktuālās intereses – potenciālās intereses* konflikta kvalifikācijas situācijā. Šis apgalvojums sevi attaisno gan pielietojuma un mantojuma tiesību jomas iekšējo normu mijiedarbības situācijā, gan civiltiesību jomas daļās, kā arī līgumisko un mantojuma tiesību normu interlokācijas situācijā attiecībā uz komerciālo tiesību institūtiem, un tieši kapitāla daļu līgumiskās mantošanas situācijā. Šāda interese juridiskajā literatūrā ir nosaukta par *kapitāla daļu turētāja turpinošos interesi*⁶⁸.

Galvenā problēma, skaidrojot kategoriju *potenciālās intereses*, ir līgumiskās mantošanas tradicionālo elementu trūkums, ko tiesību doktrīna pieskaita likumīgajām interesēm – mantinieka un mantojuma devēja savstarpējā sociālā labuma un adekvātas jurisdikcijas aizsardzības iespējām⁶⁹. Konceptija un pastāvošā prakse *hereditatis futurae* situācijā attiecina sociālo labumu uz nākotni, pārnesot būtiskus tā rašanās imperatīvus uz mantojuma tiesībām, bet mantojuma saistības iestājas atkarībā no ģimenes, mantojuma un līgumisko tiesību imperatīvajām normām. Tādējādi kategorija *potenciālās intereses* atrodas nelīdzsvarotā stāvoklī, tā ir pakļauta kategorijai *aktuālās intereses*. Minētais lietu stāvoklis var izraisīt saturīgās kolīzijas⁷⁰ – *lex specialis* atrašanas nepieciešamība var izraisīt nekorektu tiesību normu izpratni, kas ir jāpielieto kompleksā jēdziena *aktuālās intereses – potenciālās intereses* interpretācijas seku dēļ. Tiesību akti un tieši Civillikums nesatur izsmeļošu to personu sarakstu, kas var būt ieinteresētas gan mantojuma lietā kopumā, gan *ex ante* un *ex post* izpildē⁷¹. Šajā situācijā komplekso jēdzienu kvalifikācijai šķiet attaisnots situatīvo jēdzienu pielietojums⁷², kas tiek transformēti situatīvajās normās⁷³. Tas piešķirs *lex loci solutionis* kvalifikācijai noteiktību un sasaistīs *ex ante* un *ex post* izpildi *lex specialis* daļā ar nacionālajām imperatīvajām normām.

Kolīzijām, kas saistītas ar atšķirīgu terminoloģijas izpratni, nav jāizraisa nedz mantojuma devēja (mantojuma atstājēja), nedz trešās personas interešu būtisks ierobežojums.

Šobrīd *hereditatis futurae* koncepcijas dēļ *lex loci solutionis* kvalifikācijā *ex ante* un *ex post* izpildē kā imperatīva faktora situācijā var pielietot *contra proferentum*⁷⁴ noteikumu. Tas atbilstu taisnīguma principiem, kas iestiprināti Civillikuma 1508. pantā⁷⁵ un Vācijas Civillikuma 2087. paragrāfa 1. daļā⁷⁶, kā arī apdāvināmā kā parādnieka izpratnē saskaņā ar Vācijas Civillikuma 157. paragrāfu, 397. paragrāfa 2. daļu, 2084. paragrāfu un 2087. paragrāfa 2. daļu⁷⁷ reizē ar viņa personas mantinieka lomas prezumpciju mantojuma rakstura privilēģiju daļā, ko rada civiltiesību tiesiskās regulēšanas komplekss, vienlaikus ņemot vērā salīdzinošās kvalifikācijas prasības, kuras izklāstījusi Aiga Mieriņa⁷⁸.

Pietiekami veiksmīga kategorijas *aktuālās intereses – potenciālās intereses* kvalifikācija ir iespējama, ņemot vērā Eiropas līgumtiesību principus, kas tieši ierobežo noteikuma “*ja izvirzītie līguma nosacījumi ir neskaidri, tad priekšroka tiek dota interpretācijai, kas ir pretēja šīs puses interesēm*” normu darbību, kad kvalificējamais jēdziens attiecībā uz galvenā līguma pusēm un trešajām personām nav bijis individuāli saskaņots⁷⁹.

Latvijas Republikas 1933. gada tiesību praksē tika atzīmēta konsekventa interpretācijas tendence – likuma teksta uzlabošana, balstoties uz tā motīviem⁸⁰. Izkritizētā⁸¹ metodoloģija šķiet iederīga kompleksā jēdziena *aktuālās intereses – potenciālās intereses* kvalifikācijai sasaistē ar intereses jēdzienu kā centieniem pēc dzīves labumiem⁸², konkretizējot potenciālo interesi ar mantojuma tiesību imperatīviem un interpretējot tos caur godprātīgu līgumisko tiesību normu izpildi.

Secinājumi

Nobeigumā svarīgi atzīmēt, ka kvalifikācija ir absolūti nepieciešams līgumiskās mantošanas atzīšanas un korektas tās darījumu izpildes posms. Vienlaikus jāatzīst, ka korektu līgumiskās mantošanas imperatīvo kategoriju kvalifikāciju būtiski sarežģī to imperatīvo normu konkurence, kas regulē attiecības, kuru korelācijas priekšmets ir tiesiskais regulējums, attiecināts uz nākotni.

Kvalifikācijas procesā būtu jāievieš termins “delimitējošās tiesības”⁸³, kuru pamatā ir līgumiskās mantošanas statūta tiesisko attiecību nodalīšana attiecībā uz *ex ante* un *ex post* izpildes tiesībām.

Delimitējošo tiesību ieviešanu pamato *dui generis* efekta novēršanas nepieciešamība⁸⁴ – mantojuma tiesību nekontrolējamā translokācija un tās ietekme uz citām tiesību normām var izraisīt līgumiskās mantošanas instrumentu neatzīšanu un izpildes atteikumu.

Atsauces

- ¹ Heiskanen, V. (2010). And/Or: The Problem of Qualification in International Arbitration. *The Journal of the London Court of International Arbitration*. Volume 26. Number 4, 443.
- ² Mierīņa, A. (2014). Kvalifikācijas problēmas starptautiskajās privāttiesībās. Tiesību efektīvas piemērošanas problemātika: Latvijas Universitātes 72. zinātniskās konferences rakstu krājums. Latvijas Universitāte. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds. ISBN 9789984458557. 394.-403.lpp.
- ³ Bartin, E. (1899). La théorie des qualifications en droit international prive. *Etudes de droit international prive*, Paris, pp.1–82.
- ⁴ Kahn, F. (1891). Gesetzeskollisiouen: Ein Beitrag zur Lehre des IPR. *Jherings Jahrbuchen fur Dogmatik*, S.1-123.
- ⁵ Bagan-Kurluta, K. Qualification of concepts and its problems in cases with foreign element in Poland and the United Kingdom. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 32 (1): 67-74.
- ⁶ Šillings, K. (1935). Latvijas Civillikumu ievada reformai. *Tieslietu Ministrijas Vēstnesis*, Nr. 1:162–167.
- ⁷ Moss, G. C. Recent private international law codifications. National report for Norway.
- ⁸ Pascal, R. A. (1940). Characterization as an Approach to the Conflict of Laws. *Louisiana Law Review*, 2 (4), pp.715–728. Characterization as an Approach to the Conflict of Laws (lsu.edu)
- ⁹ Lorenzen, E. G. (1920). Theory of Qualifications and the Conflict of Laws. *Columbia Law Review*, No.3, pp.247–282. The Theory of Qualifications and the Conflict of Laws on JSTOR
- ¹⁰ Kalniņš, E. (2000). Tiesību normu piemērošanas loģiskā shēma. *Likums un Tiesības*, 2. sēj. nr. 5 (9), 148.-152.lpp.
- ¹¹ Кох, Х., Магнус, У., фон Моренфельдс, В. П. (2003). Международное частное право и сравнительное правоведение. Перевод с немецкого доктора юридических наук Ю. М. Юмашева. М.: Международные отношения, С.409.
- ¹² Полетаев, Н. А. (1900). Приложение: Мнимые и притворные сделки, безденежность, Causa obligations и незаконное обогащение по проекту обязательственного права. Март. Вестник Права: Март. *Журнал Юридического Общества при Императорском С.-Петербургском Университете*. С.-Пб.: Сенат, Тип., № 3. С.34.
- ¹³ Неруш, И. А. (2004). Влияние денежного обязательства на causa договора как критерий деления денежных обязательств. *Право и политика*. М.: NotaBene, № 8. С. 122—126.
- ¹⁴ Wolff, M. (1950). *Private International Law*. 2nd ed. Oxford: Claredon Press, p.160.
- ¹⁵ *Acacia Mut Life Ins Co v Jago*. 280 Mich 360; 273 NW 599 (1937). *Acacia Mutual Life Insurance v. Jago*, 280 Mich. 360 | Casetext Search + Citator.
- ¹⁶ State of Michigan in the Probate Court for the County of Wayne. Case No. 2012-777561-DE. Wayne County Probate Court.
- ¹⁷ Glover, M. (2014). Rethinking the Testamentary Capacity of Minors. *Missouri Law Review*, Vol. 79. (1): 111.
- ¹⁸ Cheatham, E. E. (1936). Internal Law Distinctions in the Conflict of Laws. *Cornell Law Review*, 21 (4): 570–590. Internal Law Distinctions in the Conflict of Laws (cornell.edu)
- ¹⁹ Whitten, R. U. (2002). U.S. Conflict-of-Laws Doctrine and Forum Shopping, International and Domestic (Revisited). *Texas International Law Journal*, Vol. 37: 579.
- ²⁰ Valsts pārvaldes iekārtas likums: LR likums. 10. pants (25.07.2022.). *Latvijas Vēstnesis*, 94, 21.06.2002.
- ²¹ Latvijas Republikas Augstākās tiesas Civillietu departamenta 2014. gada 19. februāra spriedums lietā Nr. SKC-590/2014/<http://www.at.gov.lv>.

- ²² Pieck, M. (1996). A Study of the Significant Aspects of German Contract Law. *Annual Survey of International & Comparative Law*, Vol. 3: Iss. 1, Article 7: 112–113.
- ²³ Sniedzīte, G. (2005). Tiesību normu iztulkošana *praeter legem* (I). *Likums un Tiesības*, 7(10), 326.lpp.
- ²⁴ Kruse, K. R. (2012). Fidelity to Law and the Moral Pluralism Premise. *Texas Law Review*, Vol. 90:661.
- ²⁵ Nottebohm Case (second phase), Judgment of April 6th, 1955, 19 I.C. J. Reports 1955, p. 15. 018-19550406-JUD-01-00-EN.pdf (icj-cij.org).
- ²⁶ Rudevska, B. (2012). Ārvalstu tiesu nolēmumu atzīšanas un izpildes attīstības tendences civillietās un komercietās Eiropas Savienībā un Hāgas Starptautisko privāttiesību konferencē. Promocijas darbs. Rīga: Latvijas Universitāte, 58.lpp.
- ²⁷ Mieriņa, A. (2014). Kvalifikācijas problēmas starptautiskajās privāttiesībās. Tiesību efektīvas piemērošanas problemātika: Latvijas Universitātes 72. zinātniskās konferences rakstu krājums. Latvijas Universitāte. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds. ISBN 9789984458557., 400 lpp.
- ²⁸ Малько, А. В., Субочев, В.В. (2004). Законные интересы как правовая категория. Спб.: Изд. П. Асланова «Юридический центр Пресс», с.91.
- ²⁹ Grozījumi Latvijas Republikas Civillikumā: LR likums (22.05.2014.). *Latvijas Vēstnesis*, 98 (5158).
- ³⁰ Latvijas Republikas Civillikuma komentāri: Ceturtā daļa. Saistību tiesības (1998). Autoru kolektīvs prof. K. Torgāna vispārīgā zinātniskā redakcijā. Rīga: Mans Īpašums, 14.lpp.
- ³¹ Bell, J., Boyron, S., Whittaker, S. (1998). Principles of French Law. Oxford: Oxford University Press, Pp. 323–324.
- ³² Rīgas Apgabaltiesas 2013. gada 18. decembra spriedums lietā Nr. C 042330130/www.tiesas.lv/anonimizeti_nolemumi.
- ³³ Šveices Federālā Augstākā tiesa. Bundesgericht. Urteil vom 6.11.1995, BGE 121 IV 261. Bundesgerichtsentscheiden.
- ³⁴ Latvijas Republikas Augstākās tiesas Senāta Krimināllietu departamenta 2013. gada 9. maija lēmums lietā Nr. SKK – 165/2013. 3.lpp/http://www.at.gov.lv.
- ³⁵ Lee, R. S. (2012). A Legal Analysis of Romantic Gifts. John M. Olin Center for Law. Fellows Paper Series. Discussion Paper No.43 – Cambridge: Harvard Law School, p. 33.
- ³⁶ Beatty, J. F., Samuelson, S. S., Abril, P. S. (2016). Business Law and the Legal Environment. 7th ed. Boston: Boston University, p.1135.
- ³⁷ Belohlavek, A. J. (2010). New EU Conflict-of-Laws rules for contractual obligations. Volume 1. Hyntington: p. 259.
- ³⁸ Leflar, R. A. (1966). Conflicts Law: More on Choice-Influencing Considerations. *California Law Review*, 4 (7): 1585.
- ³⁹ Leflar, R. A. (1966). Ibid, p.1588.
- ⁴⁰ Latvijas Republikas Civillikums, 1926. pants. LR likums (26.02.1937.) Civillikums: Ceturtā daļa. Saistību tiesības. *Valdības Vēstnesis*, 46.lpp.
- ⁴¹ Anthony J. Bellia Jr., Clark, B. R. (2013). General Law in Federal Court. *William and Mary Law Review*, 54 (3): 660.
- ⁴² Latvijas Republikas Civillikuma komentāri: Ceturtā daļa. Saistību tiesības (1998). Autoru kolektīvs prof. K. Torgāna vispārīgā zinātniskā redakcijā. Rīga: Mans Īpašums, 375.lpp.
- ⁴³ Dāvinājuma līgums. Kas jāņem vērā, to noslēdzot? Dāvinājuma līgums. Kas jāņem vērā, to noslēdzot? LV portāls (lvportals.lv).
- ⁴⁴ Andersen, R. W. (1995). Present and Future Interests: a Graphic Explanation. *Seattle University Law Review*, 19 (101) Present and Future Interests: A Graphic Explanation (seattleu.edu).
- ⁴⁵ Медведев, И. (2005). Международное частное право и нотариальная деятельность. Москва: Волтерс Клувер, С.233.
- ⁴⁶ Hilding, E. (1965). The Swedish Conflict of Laws. the Hague: Martinus Nijhoff, p.100.
- ⁴⁷ Останина, Е. А. (2015). Принцип диспозитивности в наследственном праве: к постановке проблемы. *Наследственное право*. № 1. С.18.
- ⁴⁸ Пунько, Т. Н. (2006). Особенности регулирования наследственных отношений в праве Республики Беларусь. Научные труды Академии Управления при Президенте Республики Беларусь. Вып.8., С.382.
- ⁴⁹ Мажорина, М. В. (2012). Выбор применимого права к трансграничным смешанным и непоименованным договорам. *Журнал российского права*. № 10. С. 77.
- ⁵⁰ Eiropas Parlamenta un Padomes Regula (EK) Nr. 593/2008 par tiesību aktiem, kas piemērojami līgumsaistībām (2008), 12. pants. *Eiropas Savienības Oficiālais Vēstnesis*, L 177, 6.–16.lpp.
- ⁵¹ Толстых, В. Л. (2002). Коллизионное регулирование в международном частном праве: проблемы толкования и применения раздела VII части третьей ГК РФ. М.: Спарк, С.53.
- ⁵² Sniedzīte, G. (2005). Tiesību normu iztulkošana *praeter legem* (III). *Likums un Tiesības*, 12 (76): 381.
- ⁵³ Vācijas Civillikuma 1951. paragrāfs. Vācijas Civillikums (18.08.1896.). RGBL. S. 195. ar izmaiņām.
- ⁵⁴ Judgment of the Court of 20 September 2001. *Courage Ltd v Bernard Crehan and Bernard Crehan v Courage Ltd and Others*.
- ⁵⁵ Lutz, R. E. (2007). A Lawyers Handbook for Enforcing Foreign Judgments in the United States and Abroad. New York: Cambridge University Press, p.322.
- ⁵⁶ Sniedzīte, G. (2005). Tiesību normu iztulkošana *praeter legem* (III). *Likums un Tiesības*, 12 (76), 382. lpp.
- ⁵⁷ Агашев, Д. В. (2004). Правовая коллизия как системное нарушение законодательства о социальном обеспечении. *Вестник Томского Государственного Университета*, 283: 31.
- ⁵⁸ Агашев, Д. В. (2004). Там же.
- ⁵⁹ Quintin Johnstone (1954). An Evaluation of the Rules of Statutory Interpretation. *Kansas Law Review*, 3:3.

- ⁶⁰ Kelly, D. B. (2013). Restricting Testamentary Freedom: Ex Ante Versus Ex Post Justifications. *Fordham Law Review*, Vol.82: 1141–1143.
- ⁶¹ Трапезникова, А. В. (2012). Наследственное правоотношение: концепция и суть. *Наследственное право*, N 4.
- ⁶² Kalniņš, E. (2000). Tiesību normu piemērošanas loģiskā shēma. *Likums un Tiesības*, Nr.5 (9), 148.lpp.
- ⁶³ Laube, H. D. (1949). Jurisprudence of Interests. *Cornell Law Review*, 34 (1): 291. Jurisprudence of Interests (cornell.edu).
- ⁶⁴ Neimanis, J. (2000). Lietas faktisko apstākļu apzināšana un juridiska noteikšana. *Likums un Tiesības*, 6 (10), 182–183.lpp.
- ⁶⁵ Азархин, А. В. (2012). Целеполагание в современном законодательстве: к вопросу об эффективности правовой политики в России. *Юридическая техника*.
- ⁶⁶ Duxbury, N. (2005). English Jurisprudence between Austin and Hart. *Virginia Law Review*, 91 (1):2.
- ⁶⁷ Вебер, М. (1990), Избранные произведения. М.: Прогресс, с.631.
- ⁶⁸ Crowley, T. (2016). Finishing the Job on Section 356(a) (2): Closing Loopholes and Providing Consistent Treatment to Boot in Tax-Free Reorganizations. *Brigham Young University Law Review*, 2(7): 471.
- ⁶⁹ Малько, А. В., Субочев, В. В. (2004). Законные интересы как правовая категория. С-Петербург: изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», С.97.
- ⁷⁰ Морозова, Л. А., (2003). Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах. Москва: Норма, С.210.
- ⁷¹ Snipe, A., Šlitke, N. (2015). Mantojuma masa kā lietas dalībnieks civilprocesā. *Jurista Vārds*, Nr. 43 (895). 12.lpp.
- ⁷² Опалев, Р. О. (2008). Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М.: Волтерс Клувер, с.15.
- ⁷³ Власенко, Н. А. (2016). Разумность и определенность в правовом регулировании. Москва: ИНФРА-М, С.70.
- ⁷⁴ Latvijas Republikas Augstākās tiesas Civillietu departamenta 2014. gada 8. oktobra sprieduma lietā Nr. SKC-33/2014. / <http://www.at.gov.lv>.
- ⁷⁵ Latvijas Republikas Civillikums (26.02.1937.), 1508. pants. Ceturtā daļa. Saistību tiesības. *Valdības Vēstnesis*, 46.
- ⁷⁶ Vācijas Civillikuma 2087. paragrāfs. Vācijas Civillikums (18.08.1896.). RGBL. S. 195.
- ⁷⁷ Turpat, Vācijas Civillikuma 2084.paragrāfs.
- ⁷⁸ Mieriņa, A. (2014). Kvalifikācijas problēmas starptautiskajās privāttiesībās. Tiesību efektīvas piemērošanas problemātika: Latvijas Universitātes 72. zinātniskās konferences rakstu krājums. Latvijas Universitāte. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds. ISBN 9789984458557, 401.- 403.lpp.
- ⁷⁹ Байрамкулов, А. К. (2015). Особенности толкования договора в российском гражданском праве. Дисс. канд. юрид. наук. М., С.155. 451b2a47014a6c68de2ac7c42417b5d3.pdf (izak.ru).
- ⁸⁰ Sinaiskis, V. (1933). Civillikumu iztulkošanas problēma. *Jurists*, 6 (49), 163.lpp. Žurnāls: Civillikuma iztulkošanas problēma – Jurista Vārds (juristavards.lv).
- ⁸¹ Sinaiskis, V. (1933). Turpat.
- ⁸² Laube, H. D. (1949). Jurisprudence of Interests. *Cornell Law Review*, 34 (1): 292. Jurisprudence of Interests (cornell.edu).
- ⁸³ Толстых, В. Л. (2004). Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб.: Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», с.2.
- ⁸⁴ Sinaiskis, V. (1995). Latvijas civiltiesību apskats. Lietu tiesības. Saistību tiesības. Rīga: Latvijas Juristu biedrība, 187.lpp. Latvijas civiltiesību apskats. Lietu tiesības. Saistību tiesības. Vasilijš Sinaiskis. iBook.lv.

Аннотация

В статье рассмотрены проблемные аспекты квалификации правовых категорий, участвующих в формировании норм договорного наследования и, соответственно, определяющих существенные составные части сделок данного правового института.

В статье проанализированы коллизионные привязки, определяющие модели правового регулирования в ситуациях, определенных конфликтными факторами *дарение* и *дарение на случай смерти*. Дарение в сделках и договорах договорного наследования участвует как правовая основа, в особых случаях определяющая субъектный и объектный статус участников конкретного отношения. Также дарение участвует в формировании волеизъявления участников.

Также рассмотрены вопросы, связанные с квалификацией понятий в соответствии с фактором, определяющим право основания договоров наследования и право места исполнения данных договоров.

TIESĪBU TEORIJAS, FILOZOFIJAS UN VĒSTURES APAKŠNOZARE

МЕТОДЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ (ИССЛЕДОВАНИЙ) В ПРАВЕ

Александр Байков,

доктор юридический наук доцент, гостевой доцент Резекненской Технологической академии,
e-mail: aleks_baikov@inbox.lv

Doing basic research is the same as shoot an arrow
in the air and draw a target where it lands.

Homer Adkins

Abstract

The article reveals the content of the category "methodology", the general philosophical and methodological principles of cognition, which are usually defined by the term "philosophical foundations of science"; tasks in the development of general scientific, conceptual problems, conceptual and categorical apparatus, which are concretized by the relevant legal sciences.

The article is dedicated to the study of cognitive methods, research in law, incl. In the civil law. It examines the principles of humanities methodology, the system of scientific knowledge methods, its structure, the elements of which are: (1) general (philosophical) method; (2) general scientific methods; (3) interdisciplinary methods; (4) methods of individual legal disciplines, the essence of which is determined, first of all, by the subject of research, the degree of generality of the tasks to be solved. Among recent general cognitive methods, such methods as: synergistic, systemic-dialectical, system approach method, deterministic method are often mentioned.

Levels of cognition are characterized, the main criteria for their differences (theoretical and empirical cognition) are: (1) the nature of the research subject; 2) type of research tools used; (3) features of the method, as well as the interaction of the acquired knowledge and its conceptual interpretation, explaining the genesis and interaction of the acquired knowledge, its conceptual interpretation.

The aim of the study is to analyze the opinions expressed about the concepts, nature, structure and meaning of cognitive (research) methods: law, the nature of general law and the features of sectoral methods in creating the structure of law in general, their systematization, as well as the nature and structure of the method of legal regulation of civil rights.

The object of research is the concept, essence, structure, role and meaning of cognitive (research) methods.

The tasks of the research are determined by its purpose, and they consist of the identification of the theoretical approaches of law, their nature, structure, and legal knowledge (research) methods.

The article highlights the main aspects characteristic of any cognitive method: (1) objective-content; (2) operative; (3) praxeological aspect.

Attention is drawn to the fact that nowadays, in addition to the materialistic dialectic, the idealistic dialectic can certainly be used in scientific research.

Keywords: *methodology, legal knowledge methods, general (philosophical) method; general scientific methods; interdisciplinary methods; methods of certain legal disciplines.*

Введение

Автор «Истории цивилизации в Англии» английский историк Генри Томас Бокль отмечал: «Во всех высших отраслях знания самая главная трудность состоит не в отыскании явлений, а в нахождении истинного метода, с помощью которого можно было бы установить законы явлений»¹. «Под методом же, – утверждал Р. Декарт, – я разумею точные и простые

правила, строгое соблюдение которых всегда препятствует принятию ложного за истинное и, без излишней траты умственных сил, но постепенно и непрерывно увеличивая знания, способствует тому, что ум достигает истинного познания всего, что ему доступно»². В том же ключе рассуждал известный историк и методолог А. С. Лаппо-Данилевский³. Хотя они писали о методе познания, значение которого трудно переоценить, не менее сложная и в принципе аналогичная ситуация складывается и в части методов правового регулирования.

Нельзя не согласиться с В. М. Сырых в том, что «...фактором, сдерживающим успешное восхождение юристов на теоретический Олимп, выступает их недостаточная методологическая оснащенность»⁴, о чем достаточно убедительно свидетельствует немалое число магистерских и промоционных работ, кандидатских диссертаций.

Научное познание, как известно, происходит на двух уровнях: (1) эмпирический уровень познания, характерными признаками которого являются: сбор фактов, их первичное обобщение, описание наблюдаемых и экспериментальных данных, их систематизация, классификация; (2) теоретический уровень познания. При этом, несмотря на близость, полного единства мнений относительно критериев различения научных исследований до сих пор не сложилось.

Эмпирическое исследование направлено непосредственно на свой объект. Для него характерно использование следующих приемов и средств: описание, сравнение, измерение, наблюдение, эксперимент, анализ, индукция, а его важнейшим элементом является факт.

В свою очередь только на теоретическом уровне познания становится возможным формулирование законов, являющееся целью науки. На данном уровне происходит раскрытие наиболее глубоких существенных сторон, связей, закономерностей, присущих изучаемым объектам, явлениям путем обработки данных эмпирического знания. Теоретический уровень – более высокая ступень в научном познании. Он характеризуется преобладанием рационального момента – понятий, теорий, законов и других форм мышления и «мыслительных операций».

Любого вида научному исследованию неизбежно предшествуют: обнаружение и формулирование научной проблемы, постановка целей и задач исследования, осмысление методологических предпосылок, на которых исследование будет базироваться и соответствующим им методов познания. «Метод характеризуется конкретностью выбора пути для решения той или иной конкретной задачи»⁵. Метод (греч. «methodos» способ познания, путь к чему-либо, определенном образом упорядоченная познавательная деятельность исследователя), способ деятельности субъекта в любой ее форме. В конечном счете метод представляет собой определенную совокупность определенных правил, норм, приемов, способов, норм познания. В этой связи он предстает как определенная система принципов, предписаний, требований, которые являются своеобразными ориентирами в решении поставленной им перед собой задачи.

Характер метода определяется, прежде всего, предметом исследования, степенью общности подлежащих разрешению задач.

В философии метод – это способ познания и практического изменения вещей и явлений⁶. Ученые-методологи выделяют: (1) всеобщий метод познания, который определяет высший уровень абстрагирования в познании; (2) общенаучные методы, предусматривающие использование общенаучных подходов; (3) междисциплинарный метод, предполагающий использование совокупности интегративных способов исследования, например, при выполнении комплексных научных программ; (4) частнонаучный (специальный, дисциплинарный) метод познания, который конкретизирует способы, исследовательские приемы и процедуры, применяемые в той или иной науке и соответствующие основным видам исследуемых, в этой науке отношений - преобразования, превращения, обмен энергией или информацией и т. д.

И сегодня сохраняет свою актуальность высказанное в свое время Ю. А. Денисовым и Л. И. Спиридоновым суждение о том, что «...в большинстве случаев авторы лишь декларативно указывают на то, что диалектический материализм лежит в основе их разработок

и изысканий. Никаких разъяснений, что понимается под «применением диалектического материализма», как правило, не дается или приводимые объяснения слишком формальны и абстрактны. Особенно это касается отраслевых юридических наук»⁷.

Нельзя не согласиться с П. Е. Недбайло, утверждавшего, что суть всех методологических проблем юриспруденции заключается в «...философской стороне науки, в вопросах мировоззрения»⁸.

Не менее справедливым является мысль В. М. Сырых «...фактором, сдерживающим успешное восхождение юристов на теоретический Олимп, выступает их недостаточная методологическая оснащенность»⁹. В том же ключе по этому поводу писала Е. Г. Комиссарова, «...методология трудна и малопонятна профессиональному сознанию юриста, однако это неотъемлемый элемент сознания и культуры научной деятельности юриста-исследователя»¹⁰.

Понятие и виды методов исследования в методологии науки

Методология изучает методы, средства, способы, методики познания. Ее основной задачей является изучение генезиса, сущности, общности, продуктивности, мощности, рациональности и эффективности методов. Метод (греч. «methodos» – способ познания) – в самом широком смысле слова – «путь к чему-либо», способ деятельности субъекта в любой ее форме. Каждый метод обусловлен, прежде всего, своим предметом, т. е. тем, что именно исследуется. Метод как способ исследования, а равно и иной деятельности не может оставаться неизменным, всегда равным самому себе во всех отношениях, а должен изменяться в своем содержании вместе с предметом, на который он направлен. Это значит, что истинным должен быть не только конечный результат познания, но и ведущий к нему путь, т. е. метод, постигающий и удерживающий именно специфику данного предмета.

Некоторые исследователи считают, что любой метод имеет три основных аспекта:

- 1) объективно-содержательный аспект, выражающий обусловленность метода предметом познания через посредство теории;
- 2) операциональный аспект – фиксирует зависимость содержания метода от субъекта познания, от его компетентности и способности перевести соответствующую теорию в систему правил, принципов, приемов, которые в своей совокупности и образуют метод;
- 3) праксеологический аспект – его составляют такие свойства, как эффективность, надежность, ясность, конструктивность метода и т. п.

Очевидно, нет сомнения в том, что каждое научное исследование предполагает выбор того или иного всеобщего (философского) метода, которым, в конечном счете, предопределены не только совокупность конкретных, необходимых для соответствующего исследования методов, но и обозначает мировоззренческую позицию исследователя.

Еще сравнительно недавно таким единственным методом считался диалектический материализм, который особо выделялся из других (всеобщих, межотраслевых и специальных) «...в качестве фундаментального принципа всех методов, имеющего статус не метода, а методологии в противоположность метафизическому»¹¹.

Всеобщий диалектический метод применительно к исследованию явлений общественной жизни именуется методом исторического материализма¹². Следует заметить, что данная терминология в философии используется и сегодня: «...диалектический материализм и исторический материализм соотносятся как общее и особенное. Это наиболее общая философская наука об обществе»¹³.

Как в свое время справедливо заметил В. В. Орлов «...основное требование материалистического метода можно сформулировать как требование объективно-реального подхода к действительности, требование рассматривать мир таким, каким он является на самом деле, без всяких посторонних прибавлений. Материализм требует полной правды, какой бы неприятной или жесткой она ни была»¹⁴.

Но наряду с материалистической диалектикой, безусловно, не являвшейся как ранее, так и не являющейся сегодня единственным, способом привести к научному знанию,

универсальным методом, имеется и идеалистическая диалектика, которая, в ряде стран является основным методом юридической науки¹⁵. Учитывая вышесказанное, в научных исследованиях, конечно же, следует отметить: с каких философских позиций (материалистических или идеалистических) применяется диалектический метод познания правовых явлений.

В последние годы, и это нельзя не отметить, к числу всеобщих методов познания нередко относят такие методы, как: синергетический¹⁶, системно-диалектический¹⁷, метод системного подхода¹⁸, метод детерминизма¹⁹. Тем не менее, в методологии науки по-прежнему доминирует представление о материалистической диалектике как единственно возможном, обеспечивающим постижение истинного знания универсальном методе, который нередко утверждается в качестве общего философского метода познания²⁰.

Конечно, как при выборе методов исследования, их существа не следует забывать, что «...нечеткие представления о системе общих и специальных методов исследования, необходимых по предмету исследования, приводят к тому, что ряд эффективных приемов не получает применения в познании государственно-правовых явлений»²¹, что конечно же оказывает влияние и на методологию права, и на выбор методологии исследователями.

Сегодня, как справедливо отмечается в научной литературе, в качестве методологической основы исследований в праве могут быть использованы различные философские направления: позитивизм, прагматизм, реализм, экзистенциализм, феноменология, синергетика и др.²². В этой связи, очевидно, что, что методологический плюрализм, многообразие подходов обуславливает многообразие типов правопонимания²³, обуславливающих решение соответствующих правовых проблем, очевидно, будет различным, так как «...институализация мировоззренческой позиции в исследовательскую стратегию приобретает решающее значение для предлагаемых решений»²⁴.

К общенаучным методам философы и методологии относят следующие методы: (1) анализ (от греч. «analysis» – разложение), представляющий собой прием мышления подразумевающий анализ – реальное или мысленное разъединение (разделение) целостного предмета исследования на составляющие его части (стороны, признаки, свойства, отношения) с целью их всестороннего изучения и (2) синтез, представляющий собой прием мышления, который подразумевает собой соединение ранее выделенных в процессе анализа составных частей предмета исследования части (сторон, признаков, свойств, отношений).

Анализ (греч. разложение, расчленение) – необходимый этап в познании объекта. С древнейших времен анализ применялся, например, для разложения на составляющие некоторых веществ. В частности, уже в древнем Риме анализ использовался для проверки качества золота и серебра в виде так называемого купелирования (авизируемое вещество взвешивалось до и после нагрева). Процедуры анализа входят органической составной частью во всякое научное исследование и обычно образуют его первую фазу, когда исследователь переходит от нерасчлененного описания изучаемого объекта к выявлению его строения, состава, его свойств и признаков. Одно и то же явление, процесс можно анализировать во многих аспектах. Анализ акцентирует то специфическое, что отличает части друг от друга. Всесторонний анализ явления позволяет глубже рассмотреть его.

Анализ не должен упускать качество предметов. В каждой области знания есть свой предел членения объекта, за которым мы переходим в иной мир свойств и закономерностей. Разновидность анализа — классификация и периодизация предметов.

Обычно выделяют четыре вида анализа и синтеза: (а) природный анализ; (б) практический анализ; (в) мысленный анализ; (г) метанализ и метасинтез – это анализ и синтез имеющихся знаний о мире в отличие от анализа и синтеза объективно существующих предметов и явлений. Результатом анализа является новое образование.

Разновидностями анализа являются классификация и периодизация предметов, явлений.

Синтез (греч. составление соединение) – мысленное соединение различных элементов, сторон предмета в единое целое (систему), метод исследования в его единстве и взаимной связи частей. Синтез – не простое суммирование, а смысловое соединение. Если просто

соединить явления, между ними не возникнет системы связей, образуется лишь хаотическое накопление отдельных фактов. Синтез раскрывает место и роль каждого элемента в системе целого, устанавливает их взаимосвязь, то есть позволяет понять то общее, что связывает части воедино. Синтез противоположен анализу, с которым он неразрывно связан. Синтез как познавательная операция выступает в различных функциях теоретического исследования. Любой процесс образования понятий основывается на единстве процессов анализа и синтеза. Эмпирические данные, получаемые в том или ином исследовании, синтезируются при их теоретическом обобщении

Нельзя не заметить их единства. По своей сути анализ и синтез представляют собой две стороны единого аналитико-синтетического метода познания

Индукция (от лат. «induction» – наведение). Индукция представляет собой движение мысли от единичного (опыта, фактов) к общему (их обобщению в выводах). Иначе говоря, индукция – это вид обобщений, связанный с предвосхищением результатов и экспериментов, в основе которых лежит прошлый опыт. Но поскольку опыт всегда бесконечен и неполон, то индуктивные выводы всегда имеют вероятностный характер. Обычно индуктивные обобщения рассматриваются как опытные истины (эмпирические законы).

В основе индукции лежит наблюдение, опыт, эксперимент, в процессе осуществления которых, происходит сбор отдельных фактов, изучение которых, их анализ устанавливаются общие и повторяющиеся черты, входящих в определенный класс, явлений. На этой базе строится индуктивное умозаключение, исходными посылками которого являются суждения о единичных объектах и явлениях с указанием на их неизменно повторяющегося признака, а также суждение о классе, включающем в себя данные объекты и явления. Другими словами говоря, индукция представляет собой движение от единичного (опыта, фактов) к общему (их обобщению в выводах). В итоге формируется суждение, в котором выявленный у совокупности единичных объектов и явлений признак распространяется на весь класс.

Очевидная ценность индуктивных выводов состоит в том, что они обеспечивают переход от единичных фактов к общим положениям. И в этой связи открывают возможность обнаружения зависимости между явлениями, создание эмпирически обоснованных гипотез и формирование обобщений.

Следует заметить, что в индуктивных рассуждениях имеет место, как полная, так и неполная индукция. Индуктивные рассуждения всегда имеют вероятностный характер. Соответственно, различают полную и неполную индукцию. Следует отметить, что опыт всегда неполон и бесконечен

Полная индукция. Полная индукция используется в случаях обозримости класса изучаемых объектов, которые могут быть перечислены. Она основана на изучении каждого из входящих в соответствующий класс объектов и на нахождении на этой основе общих для них характеристик. В отдельных случаях рассматривать все объекты, относящиеся к одному и тому же классу, не нужно, в этом нет особой необходимости. В других случаях, имеющих место в силу необозримости класса изучаемых явлений либо в силу ограниченности человеческой практики, в этом, по существу, нет необходимости. И тогда прибегают к неполной индукции.

Неполная индукция. Неполной индукцией принято считать такой прием рассуждений, в котором общий вывод формируется на основе исследования ограниченного числа, относящихся к определенному классу. Существуют две разновидности неполной индукции: (1) популярная индукция или индукция через простое перечисление и (2) научная индукция.

Популярная индукция выстраивается как обобщение ряда наблюдений за схожими явлениями, в которых обнаруживается как-либо повторяющийся признак. Фиксация нового признака у ряда объектов происходит, как правило, спонтанно, без какого-либо предварительного плана исследований. Обнаружив этот признак у первых попавшихся предметом некоего класса, и не встретив ни одного противоречащего случая, его переносят на весь класс предметов. Для принятия индуктивного вывода главным основанием является отсутствие противоречащего признака.

Вывод, полученный путем индукции на основе простого перечисления, обладает небольшой степенью достоверности и в дальнейшей исследовательской работе может быть ошибочным. Поэтому популярная индукция может применяться лишь при выдвижении первых и, конечно, приближенных гипотез и не может быть достаточно надежной для получаемых наукой индуктивных обобщений.

Научная индукция используется для поиска причинных зависимостей между явлениями и стремлением обнаружить существенные признаки объектов, объединяемых в единый класс. Выделяют три основных вида научной индукции: (1) индукция через отбор случаев; (2) индукция через исследование причинных связей; (3) индукция через изучение единственного представителя некоторого класса.

Рассмотренные выше разновидности неполной индукции имеют важное значение в процессе исследования. Тем не менее, ей присуща и определенная ограниченность, поскольку чаще всего ее вывод не дает достоверного знания. В меньшей степени это относится к научной индукции, некоторые разновидности которой дают достоверные выводы, в полной мере – к популярной индукции.

Дедукция (от лат. «deduction» – выведение) в сравнении с индукцией предполагает прямо противоположный ход мысли исследователя и представляет собой движение мысли от обобщения к частному. В дедукции, опираясь на общее знание, делается вывод частного характера. Поэтому одной из посылок дедукции непременно является общее суждение. Наибольшее значение дедукция приобретает в случаях, когда в качестве общей посылки выступает не просто индуктивное обобщение, а какое-то гипотетическое предположение, новая научная идея. В этом случае дедукция является отправным пунктом зарождения новой теоретической системы.

Созданное дедуктивным путем теоретическое знание предопределяет ход эмпирических исследований и направляет построение новых индуктивных обобщений. На начальной стадии научного исследования преобладающее значение индукция, а в процессе развития и обоснования научного знания все большую роль начинает играть дедукция. Важно подчеркнуть, что индукция и дедукция взаимно связаны и дополняют друг друга.

Абдукция – прием познания, соединяющий дедукцию и индукцию. Сформулировавший этот метод познания Ч. Пирс утверждал, что в целях объяснения проблематичного факта нужно найти некоторую гипотезу, из нее получить следствия, чтобы подвергнуть последние экспериментальной проверке.

Идеализация - мысленное конструирование представлений об объектах, не существующих или неосуществимых в действительности, но таких, для которых существуют прообразы в реальном мире. По существу метод идеализации представляет собой разновидность процедуры абстрагирования, конкретизированной с учетом потребностей теоретического исследования. Процесс идеализации характеризуется отвлечением от свойств и отношений, присущим объектам реальной действительности и введением в содержание образуемых понятий таких признаков, которые в принципе не могут принадлежать их реальным прообразам. Результатами такого конструирования являются идеализированные объекты. Идеализированные предметы, в отличие от реально существующих, характеризуется не бесконечным, а вполне определенным числом свойств. Примерами понятий, являющихся результатом идеализации, могут быть математические понятия «точка» или «прямая»; в физике – «материальная точка», «абсолютно черное тело», «идеальный газ» и т. п.

Обобщение представляет собой такой способ, прием мышления, результатом которого является установление общих свойств и признаков объектов. Суть обобщения состоит в логическом процессе перехода от частного, менее общего понятия и суждения к более общему понятию или суждению. Следует заметить, что обобщение осуществляется в тесной связи, во взаимодействии с абстрагированием. Обобщение – одна из основных познавательных мыслительных операций, состоящая в выделении и фиксации относительно устойчивых,

инвариантных свойств объектов и их отношений. Обобщение позволяет отображать свойства и отношения объектов независимо от частных и случайных условий их наблюдения.

Если мышление абстрагирует отношение ряда объектов, или же некоторое свойство, то тем самым создается основа для их объединения в единый класс. По отношению к индивидуальным признакам каждого из объектов, входящих в данный класс, объединяющий их признак, выступает как общий. Очевидно, что на определенных стадиях, ступенях познания возникает и существует предел такому расширению понятий, заканчивающийся выработкой философских категорий, предельно широких понятий, формирующих и составляющих основу, базис научного знания.

В науке обобщение используется достаточно широко не только на эмпирическом уровне, но и на последующих ступенях построения теоретических знаний. В этой связи обобщение не только может, но и, очевидно, должно рассматриваться как своеобразный переход от менее общего понятия к более общему, где действует формально-логический закон обратного соответствия между содержанием и объемом понятия, а в более широком плане – как переход от частного знания к более общему. Очевидно, что расширение объема знания не приводит к обеднению его содержания. Скорее наоборот, такого рода расширение скорее предполагает обогащение последнего. Движение мысли от частного к общему, от менее общего к более общему по ступенькам обобщения и абстрагирования познание постепенно проникает в сущность изучаемых явлений.

Абстрагирование (от лат. «abstractio» – отвлечение). Абстрагирование – это прием мышления, заключающийся в отвлечении от ряда частных свойств, деталей и отношений изучаемого явления, с одновременным выделением интересующих исследователя свойств и отношений (прежде всего общих, существенных, единых, последних). В процессе абстрагирования имеет место уход от частных, малозначимых мелочей. По своей сути абстрагирование – это универсальный прием познания, без которого немислимы и не обходятся ни научное, ни обыденное познание, как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне исследования.

Результатом такого рода научно-исследовательской (познавательной) деятельности является образование разного рода и вида абстракций, в качестве которых выступают как отдельно взятые категории и понятия, так и их согласованные системы. Абстрагирование состоит в вычленении таких свойств объекта, которые сами по себе и независимо от него не существуют. В результате этой мыслительной деятельности получают разного рода «абстрактные предметы», в качестве которых выступают как отдельно взятые понятия и категории («развитие», «противоречие», «мышление» и т. д.) так и их системы. Наиболее развитыми из них являются философия, логика, диалектика, математика).

Этот процесс, процесс абстрагирования характеризуется наличием двух ступеней, предполагающих, с одной стороны, установление самостоятельности отдельных свойств, а с другой – выделение свойств и отношений, представляющих познавательный интерес для исследователя. Другими словами, отвлекаясь от частных, всегда остается нечто единое, целое, общее, от чего отвлечься уже невозможно, например, от понятий: «материя», «время», «пространство» и др.

Очевидно, что предметам объективной реальности присуще бесконечное множество различных свойств, отношений и связей. Одни из них сходны между собой и обуславливают друг друга. Другие отличны и по своему относительно самостоятельны. В познавательном процессе и практики в первую очередь устанавливается относительная самостоятельность отдельных свойств, выделяются те из них, связь и взаимозависимость между которыми имеет принципиальное значение для понимания предмета, характеристики его сущности.

Основным вопросом абстрагирования является выяснение того, какие из рассматриваемых свойств являются существенными, а какие второстепенными. В каждом конкретном случае этот вопрос решается в зависимости от природы изучаемого предмета, а также от конкретных задач исследования. Различают следующие виды абстрагирования: (1) отождествление (образование понятий путем объединения предметов, связанных по своим

свойствам в особый класс); (2) изолирование (выделение свойств, неразрывно связанных с предметами); (3) конструктивизация (отвлечение от неопределенности границ реальных объектов) - допущение потенциальной осуществимости. Ярким примером абстрактной модели действительности является идеальный газ, который широко используется в физике, термодинамике и других науках.

Аналогия (греч. – соответствие, сходство). Очевидно, что невозможно познание всех свойств и признаков явлений целом, во всем объеме, сразу, а лишь при обращении к их изучению постепенно, открывая и раскрывая все новые и новые свойства. Некоторые свойства предмета познания, исследователь может обнаружить, что некоторые свойства предмета совпадают со свойствами другого, уже достаточно хорошо изученного предмета. Установив сходство таким образом, что число совпадающих признаков достаточно велико, можно предположить, что и другие свойства этих предметов совпадают. Именно такой ход рассуждений и составляет основу аналогии.

Аналогия – это прием познания, при котором на основе сходства объектов в одних признаках заключают об их сходстве и в других признаках. Выделяют две формы проявления аналогии в познании: (1) ассоциативная; (2) логическая аналогии. Ассоциативная аналогия проявляется главным образом в психологических актах творчества и играет значительную роль в период зарождения новых научных идей. В процессе ассоциативной аналогии нередко объединяются порой весьма далекие по своей сути, по природе явления и предметы.

Иначе обстоит дело в случаях, когда исследователь с определенной степенью вероятности судит о родстве тех или иных явлений, на базе их параллельного изучения. В этом случае имеет место логическая аналогия. Важно подчеркнуть, что подобное изучение и сравнение открывает возможность более скорого проникновения в их сущность.

Установление сходства (или различия) между объектами осуществляется в результате их сравнения. Таким образом, сравнение лежит в основе метода аналогии. Не менее значимым является то, что аналогия имеет большое значение в качестве иллюстрации, доказательства или объяснения того или иного явления. В таких случаях имеет место поиск прообразов изучаемых явлений, которые могут быть или реальными или искусственно конструируемыми ситуациями, призванными либо доказать, либо опровергнуть какое-либо положение, либо искусственно конструируемыми ситуациями, которые помогают составить наглядное представление о ненаблюдаемых явлениях и по сему помогают уяснить их сущность.

Понимаемые предельно широко, как перенос информации об одних объектах на другие, умозаключения по аналогии составляют гносеологическую основу моделирования.

Обобщение – одна из основных познавательных мыслительных операций, состоящая в выделении и фиксации относительно устойчивых, инвариантных свойств объектов и их отношений. По существу, обобщение представляет собой логический процесс перехода от единичного к общему, установление общих свойств и признаков явлений, предметов. Обобщение позволяет отображать свойства и отношения объектов независимо от частных и случайных условий их наблюдения. Сравнивая с определенной точки зрения объекты некоторой группы, человек находит, выделяет и обозначает словом их одинаковые, общие свойства, которые могут стать содержанием понятия об этой группе, классе объектов. Отделение общих свойств от частных и обозначение их словом позволяет в сокращенном, сжатом виде охватывать все многообразие объектов, сводить их в определенные классы, а затем посредством абстракций оперировать понятиями без непосредственного обращения к отдельным объектам. Один и тот же реальный объект может быть включен как в узкие, так и широкие по объему классы, для чего выстраиваются шкалы общности признаков по принципу родовидовых отношений. Функция обобщения состоит в упорядочении многообразия объектов, их классификации.

Формализация представляет собой особый прием теоретического мышления, порожденный математизацией науки. Его суть состоит в отображении содержательного знания в знаково-символическом виде, т. е. формализованном языке, созданном для точного выражения мыслей с целью исключения возможности неоднозначного понимания, как в

естественном языке, построении абстрактных математических моделей, раскрывающих сущность изучаемых процессов действительности.

При формализации рассуждения об объектах осуществляются путем оперирования формулами, знаками. Отношения последних заменяют собой высказывание о свойствах и отношениях предметов. Вывод формул в соответствии со строгими правилами логики и математики представляет формальное исследование основных характеристик различных явлений, порой весьма далеких по своей природе. В некоторых случаях анализ формальных моделей дает возможность установления таких теоретических закономерностей, которые невозможно открыть эмпирическим путем. Не менее важно и то, что установление структурного подобия дает возможность использовать математический аппарат, выработанный для описания одних процессов, в качестве готового средства, пригодного для изучения других процессов. Наиболее успешно этот прием применяется в логике, лингвистике, математике. Вместе с тем не следует забывать отмеченное в свое время К. Ф. Гедделем: в содержательной теории всегда остается невыявленный, неформализованный остаток. Таким образом, формализация внутренне ограничена в своих возможностях.

Аксиоматический метод. Аксиоматическое построение теоретического знания изначально предполагает выбор исходных, не требующих доказательства положений (как минимум, в рамках данной, конкретной системы знаний). Данные положения именуется аксиомами или постулатами. Далее, из них по определенным правилам строится система выводных предложений. Совокупность исходных аксиом и выведенных на их основе предложений формируют аксиоматически выстроенную теорию.

Аксиомы представляют собой не требующие доказательства утверждения, из которых все остальные утверждения этой теории выводятся чисто логическим путем, посредством доказательства. Соответственно, логический вывод дает возможность переносить истинность аксиом на выводимые из них следствия. При формальном построении аксиоматической системы требование выбирать исключительно интуитивно очевидные аксиомы, для которых заранее задана область характеризуемых ими объектов не используется. В формальной системе аксиомы рассматриваются как своеобразные определения исходных понятий.

Последующее дедуктивное выведение следствий из аксиом дает возможность выведения системы высказываний, которая рассматривается в качестве обобщенной теории, которая в дальнейшем может быть использована для характеристики не одной, а нескольких предметных областей. Необходимо лишь, отыскать правила, дающие основание сопоставления основных терминов, входящих в аксиомы, признакам соответствующих объектов, а сами аксиомы рассматривать как своеобразную характеристику связей между этими признаками. Отыскание таких правил соотношения аксиом формально построенной системы с какой-либо предметной областью называют интерпретацией.

Следует заметить, что в процессе интерпретации исходные понятия теории приобретают дополнительные определения. Поэтому аксиоматическая система преобразуется в конкретную теорию определенной области действительности. В случаях создания формальной аксиоматической системы на содержательной базе, у нее изначально имеется естественная интерпретация или, иначе говоря, та предметная область, которая описывается и объясняется содержательной теорией. Понятно, что далее формальная система может приобрести новые интерпретации. Именно в этом заключается одна из важнейших эвристических функций формального подхода к построению аксиоматической теории. Этот подход дает возможность создания теоретической структуры еще до выявления соответствующей ей области и лишь затем, под заданную теорию искать данную область.

В заключение следует заметить, что использование формальной аксиоматики весьма серьезно расширяет прогностические функции познания, а переход к собственно формализованным системам обозначил новые возможности построения научных теорий высокой степени общности.

Восхождение от абстрактного к конкретному. Любой процесс действительности может быть представлен как конкретное сочетание различных связей. Теоретическое

исследование призвано выделить эти связи и выразить их с помощью определенных научных абстракций. Но для того, чтобы дать представление о природе объекта, его функционировании и развитии необходимо мысленно воспроизвести этот процесс во всей его полноте и сложности его связей и отношений. Именно такой прием исследования называется методом восхождения от абстрактного к конкретному. Другими словами, сущность этого метода состоит в движении научной мысли от исходной абстракции (одностороннее, неполное знание) через последовательные этапы углубления и расширения познания к результату (целостному воспроизведению в теории исследуемого предмета).

Применяя его, на первом этапе обнаруживается отношение (главная связь) изучаемого объекта, а далее прослеживается, каким образом она видоизменяется в различных условиях, открываются новые связи, устанавливается их взаимодействие и, соответственно, таким образом, во всей полноте отображается сущность изучаемого объекта. В процессе применения метода восхождения от абстрактного к конкретному познание движется от конкретного к абстрактному, а затем вновь к конкретному, но уже к понятному, проанализированному, конкретному, которое представляется как единство абстрактных определений. Этот метод применяется при разработке и построении различных научных теорий.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному является наиболее важным, значимым теоретическим приемом, обеспечивающим раскрытие сущности изучаемого объекта. Он предполагает движение мысли от первых общих, абстрактных определений, охватывающих лишь отдельные существенные стороны исследуемой действительности, к системе определений, воспроизводящих в мышлении взаимодействие этих сторон. В логическом аспекте это выражается во введении развитой системы понятий и высказываний на базе некоторых первичных понятий и высказываний, принятых за исходные.

Моделирование (метод познания, тесно связанный с идеализацией) представляет собой изучение объекта (оригинала) путем создания его теоретической модели, замещающей оригинал с определенных, интересующих познание сторон (схем, структур, знаковых систем). Конечно, модель всегда соответствует объекту, оригиналу в тех свойствах, которые подлежат изучению, но в то же время отличается от него (оригинала) по ряду других признаков, что, конечно же, делает модель удобной для исследования изучаемого объекта.

Метод моделирования представляет собой универсальный прием познания, используемый с древнейших времен, хотя в то время не осознавался в качестве особого объекта исследования. В научном познании использование моделирования обусловлено необходимостью раскрыть такие стороны объектов, которые невозможно исследовать путем непосредственного изучения, либо в силу каких-либо ограничений непродуктивно изучать таким образом. Преобразуя эти аналоги и управляя ими, исследователь расширяет и углубляет знания об оригиналах.

Применяемые в научном познании модели подразделяются на два больших класса: (1) материальные модели и (2) идеальные модели. Если первые являются природными объектами, подчиняющиеся естественным законам, то вторые – это модели идеальные, зафиксированные в соответствующей знаковой форме и функционирующие по законам логики мышления, отражающей мир.

В процессе моделирования исследуется не, собственно, непосредственно оригинал, а некоторая по существу промежуточная естественная или искусственная система. Эта система: (1) находится в некотором объективном соответствии с познаваемым объектом: модель – это то, с чем сравнивают. В этой связи, очевидно, что между моделью и оригиналом должно быть сходство либо в структуре, либо в функциях, либо в каких-то физических характеристиках; (2) способна в ходе исследования (на определенных этапах и в определенных случаях замещать изучаемый объект; (3) в процессе исследования давать информацию об исследуемом объекте.

Материальные модели. Существует две разновидности материальных моделей: (1) предметно-физические и (2) предметно-математические и два основных вида идеальных моделей: (1) идеализированные модельные представления и (2) знаковые модели. Соответственно вышеназванным разновидностям моделей выделяют основные разновидности

моделирования, каждая из которых применяется в зависимости от особенностей изучаемого объекта и характера познаваемых задач.

Идеальные модели. Моделирование посредством идеализированных представлений является ведущим инструментом теоретического исследования и широко используется в них. Широко используя модельные представления, в научных исследованиях применяется так называемое «знаковое моделирование», основанное на построении и испытании математических моделей некоторого класса явлений, не используя при этом подвергаемый испытанию физический объект некоторого класса явлений. Последнее отличает знаковую модель от предметно-математической модели. Нередко такой метод моделирования называют также абстрактно-математическим. Этот метод построения знаковой модели, представляющей некий объект, где отношения и свойства объекта представлены в виде знаков и связей. В дальнейшем такая модель исследуется логическими средствами, и новое знание возникает в результате дедуктивного развертывания модели без обращения к предметной области, на основании которой была создана данная знаковая модель.

Аналогия (от греч. «*analogia*» – соответствие, сходство) – это мыслительная операция, когда знание, полученное из рассмотрения какого-либо одного объекта (модели), переносится на другой, менее изученный или менее доступный для изучения, менее наглядный объект, именуемый прототипом, оригиналом. Открывается возможность переноса информации по аналогии от модели к прототипу. В этом суть одного из специальных методов теоретического уровня - моделирования (построения и исследования моделей). Различие между аналогией и моделированием заключается в том, что, если аналогия является одной из мыслительных операций, то моделирование может рассматриваться в разных случаях и как мыслительная операция и как самостоятельный метод – метод-действие.

Идеализация – мысленное конструирование, мысленная процедура, связанная с представлением об абстрактных (идеализированных) объектах, не существующих или принципиально неосуществимых в действительности, но таких, для которых существуют прообразы в реальном мире.

Данные объекты – это не «чистые фикции», а весьма сложное и очень опосредованное выражение реальных процессов. Они представляют собой некоторые предельные случаи последних, служат средством их анализа и построения теоретических представлений о них. Процесс идеализации характеризуется отвлечением от свойств и отношений, присущим объектам реальной действительности и введением в содержание образуемых понятий таких признаков, которые в принципе не могут принадлежать их реальным прообразам.

О понятиях, являющихся результатом идеализации, говорят, что в них мыслятся идеализированные (или идеальные) объекты. Теоретические утверждения, как правило, непосредственно относятся не к реальным, а к идеализированным объектам, познавательная деятельность с которыми позволяет устанавливать существенные связи и закономерности, недоступные при изучении реальных объектов, взятых во всем многообразии их эмпирических свойств и отношений.

Образовав с помощью идеализации понятия такого рода об объектах, можно в дальнейшем оперировать с ними в рассуждениях как с реально существующими объектами и строить абстрактные схемы реальных процессов, служащие для более глубокого их понимания. В этом смысле идеализация тесно связана с моделированием.

Конкретизация (от лат. «*concretus*» – сгущенный, уплотненный, сросшийся). Конкретизация – процесс, противоположный абстрагированию, то есть нахождение целостного, взаимосвязанного, многостороннего и сложного. Исследователь первоначально образует различные абстракции, а затем на их основе посредством конкретизации воспроизводит эту целостность (мысленное конкретное), но уже на качественно ином уровне познания конкретного. Поэтому диалектика выделяет в процессе познания в координатах «абстрагирование – конкретизация» два процесса восхождения: восхождение от конкретного к абстрактному и затем процесс восхождения от абстрактного к новому конкретному (Г.В.Ф. Гегель). Диалектика теоретического мышления и состоит в единстве абстрагирования,

создания различных абстракций и конкретизации, движения к конкретному и воспроизведение его.

Исторический и логический методы. Очевидно, что исследование сложных развивающихся систем особый смысл и значение приобретает исторический, а также логический методы исследования. Понятно, что процесс развития, равно как и любой другой объективный процесс действительности. Как и любой другой объективный процесс действительности, процесс развития предполагает как действительность, так и сущность, как эмпирическую историю и основную линию развития, его закономерность, исследование которой, в конечном счете, составляет основную цель теоретического исследования. Познание этой закономерности осуществляется двумя способами: (1) историческим и (2) логическим.

Исторический метод предполагает исследование истории во всей его полноте и многообразии, обобщение эмпирического материала и выявление на этой основе исторической закономерности. Вместе с тем выявление этой закономерности возможно путем изучения исторического процесса на высших стадиях его развития, что в принципе составляет основную цель логического метода. Поскольку именно на них воспроизводятся основные черты, параметры предшествующих этапов развития. При этом история фиксируется в структуре объекта лишь в тех моментах, которые являлись существенными для становления. Другими словами, история выступает в этом случае в очищенном от случайностей виде.

Важно подчеркнуть, что в целом исторический и логический методы тесно взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга.

Сравнение – это познавательная операция, состоящая в определении сходства или различия между явлениями. При сравнении исследователь должен, прежде всего, определить его основу – критерий. Это познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов. С помощью сравнения выявляются количественные и качественные характеристики объектов, осуществляется их классификация, упорядочение и оценка. Сравнение – это сопоставление одного с другим. При этом важную роль играют основания, или признаки сравнения, которые определяют возможные отношения между объектами.

Сравнение имеет смысл только в совокупности однородных объектов, образующих класс. Сравнение объектов в том или ином классе осуществляется по принципам, существенным для данного рассмотрения. При этом объекты, сравнимые по одному из признаков, в определенных случаях могут быть несравнимы по другим признакам. Чем точнее оценены признаки, тем основательнее, точнее возможно сравнение явлений. Составной частью сравнения всегда является анализ, так как для любого сравнения в явлениях следует вычленивать соответствующие признаки сравнения. Поскольку сравнение – это установление определенных отношений между явлениями, то, естественно, в ходе сравнения используется и синтез.

С помощью сравнения выявляются количественные и качественные характеристики объектов, осуществляется их классификация, упорядочение и оценка. Сравнение – это сопоставление одного с другим. При этом важную роль играют основания, или признаки сравнения, которые определяют возможные отношения между объектами. Сравнение дает возможность выявления количественных и качественных характеристик объектов; осуществляется их классификация, упорядочение и оценка. Сравнение – это сопоставление одного с другим. При этом важную роль играют основания, или признаки сравнения, которые определяют возможные отношения между объектами.

Важно подчеркнуть, что объекты, сравнимые по одному признаку, могут быть не сравнимыми по другим признакам. Чем точнее оценены признаки, тем основательнее возможно сравнение явлений. Составной частью сравнения всегда является анализ, так как для любого сравнения в явлениях следует вычленивать соответствующие признаки сравнения.

Классификация²⁵ – термином «классификация» обозначают, как пишет С. С. Розова, по крайней мере, три разные вещи: процедуру построения классификации, построенную классификацию и процедуру ее использования²⁶.

Цели использования метода классификации:

- 1) систематизация и организация знаний, представление знаний в надежном и удобном для обозрения, распознавания и сопоставления виде (системы классификации, разрабатываемые в научных целях), отражение или установление порядка вещей;
- 2) представление знаний;
- 3) использование знаний (например, энциклопедические системы классификации);
- 4) опосредованное предоставление знаний (библиотечные системы классификации УДК и ББК, индексы изданий ISBN, индексы журналов ISSN и др.).

Согласно одному из наиболее простых определений данного термина, классификация – это деятельность по определению принадлежности какого-либо объекта к определенной категории в соответствии с характеристиками такого объекта²⁷.

Еще одно известное определение звучит так: «Классификация (от лат. «classis» – разряд, класс и «facio» – делаю, раскладываю), система соподчиненных понятий (классов объектов) какой-либо области знания или деятельности человека, часто представляемая в виде различных по форме схем (таблиц) и используемая как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов, а также для ориентировки в многообразии понятий или соответствующих объектов. Научная классификация фиксирует закономерные связи между классами объектов с целью определения места объекта в системе, которое указывает на его свойства»²⁸.

Согласно Н. И. Кондакову, «...классификация – распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов, при этом каждый класс занимает в получившейся системе определенное постоянное место и, в свою очередь, делится на подклассы»²⁹.

Как пишет Ю. А. Шрейдер, «...классифицирование [как процесс] – это, прежде всего, приведение некоторой предметной области в систему, установление отношений родства между этими объектами и их группировка в классификационные ячейки – таксоны по степени родства. Классификация [как результат] – это сетка таксонов различного ранга, в которой находит свое место любой объект из рассматриваемой предметной области»³⁰. В любом случае, классификация – это не только разделение и распределение некой совокупности, сходных объектов и расположение таких групп в необходимой последовательности.

Невозможно и безосновательно сводить классификацию к знанию отношений тождества и различия, указывает С. С. Розова, поскольку в таком случае невозможно было бы отличить классификацию от простого сравнения (отождествления и различения) объектов, что, само по себе, может не составлять классификации. Но что же тогда делает классификацию классификацией?³¹

Говоря о классификации, как об одном из линейки задействуемых методов научного исследования, обоснованно выделять три основных этапа проведения научного исследования в таких областях, как юриспруденция, экономика, гуманитарные науки:

- 1) наблюдение (или сбор) и описание исходных (предоставленных или самостоятельно полученных) данных;
- 2) систематизация знаний (в том числе посредством классификации);
- 3) объяснение (интерпретация, толкование) и обобщение объяснений.

Классификация является важной частью науки, поскольку любая степень классификации представляет собой более продвинутый этап после сбора совокупности разрозненных знаний, и это применимо к различным наукам, как к биологии и химии, так и социальным наукам и юриспруденции³². Сью Бэтли выделяет следующие уровни классификации: (1) индивидуальный; (2) общий; (3) неформальный; (4) формальный³³.

На простом уровне понимания классификация – метод деления как логическая операция над понятиями или данными в целях научного познания. В сложной интерпретации классификация – интегральная логическая операция в основе одноименного метода научного

осмысления, познания, объяснения и описания, предусматривающая и включающая в единой логике следующие действия и процедуры:

- 1) позиционирование основания (оснований) деления, закладываемого в основу классификации;
- 2) систематизация (обобщение) массива (объема, многообразия) данных или образов объектов (объектов, феноменов, процессов, интерреляций) с упорядоченным, структурирующим и иерархизирующим разделением и распределением (совокупностью делений) дискретных (подлежащих дискретизации и поддающихся таковой) объектов некоторой предметно-объектной области (объектов, феноменов, процессов, интерреляций) по определенному основанию или совокупности оснований) по категориям (категоризация), группам или классам на основании их определенного сходства или сходства (или соотносимости и сопоставляемости) в некоторых подлежащих конкретизации свойствах;
- 3) категоризация, индексирование элементов классификации (атрибутирование элементам референтных признаков);
- 4) топологизация (предписывание каждому элементу надлежащего места в определенном реальном или воображаемом порядке), как частный случай – каталогизация;
- 5) репрезентация каждого элемента (объекта) и / или каждой группы элементов (объектов) в надежном и удобном для обозрения, распознавания, идентификации и сопоставления виде все группы объектов (все объекты) этой предметно-объектной области, отражая как можно больше существенной информации о них.

Классификация выступает методом формирования и / или отражения реального или воображаемого порядка. Порядок – это фактически существующая субстантивная (т. е. обладающая самостоятельным, независимым существованием, в т. ч. в силу свойства негэнтропии), или конвенциально (условно) презюмируемая (предсказуемая, полагаемая) либо проектируемая и/или искусственно создаваемая и поддерживаемая пространственно-временная, функционально-логическая, синтаксическая или морфологическая топология (схема, матрица) относительно стабильного состояния (в т. ч. состояния, обладающего некоторой инвариантностью, либо состояния стабильного развития) набора имеющих определенные фиксированные взаиморасположения и интерреляции объектов или элементов, в рамках и на основе которой [топологии], каждому такому объекту или элементу (каждой группе объектов или элементов) атрибутируются свои наборы параметров, привязывающих (постоянно или в течение временного промежутка) их к определенному «образу места» в этой топологии или к определенному состоянию³⁴.

Рассмотрим классификацию как метод организации и представления знаний, метод проведения научного исследования, а также особенности научной классификации.

Классификация может выступать как самостоятельный и самодостаточный исследовательский метод и как вспомогательный (обеспечивающий) метод проведения исследования, с помощью которого можно двигаться дальше, делать дальнейшие выводы. Во втором случае данный метод используется наиболее часто, в том числе в повседневной деятельности юристов, например, при выявлении иерархии правовых норм.

Основание классификации. Классификация может быть произведена по различным основаниям деления (признакам). Основание классификации, по мнению В. М. Сырых, представляет какой-либо признак, свойство, присущее объекту классификации; основанием научной классификации следует брать по преимуществу сущностные, главные признаки, свойства исследуемой совокупности³⁵. Именно в неверном выборе основания деления кроется в большинстве случаев дефектность классификации.

По словам В. М. Сырых, «...без обстоятельного изучения вопроса об основании классификации обоснованность рассуждения о членах классификации не поднимается выше гадания на кофейной гуще»³⁶.

В каждом делении в качестве его основания должен браться какой-либо существенный признак, пишет М. С. Строгович, но основанием классификации может (и должен) служить

«...наиболее существенный признак - тот, от которого зависят и из которого вытекают все другие признаки классифицируемых предметов и явлений»³⁷.

Одно из ключевых требований к основанию классификации состоит в том, чтобы «...некоторое специально подобранное множество его значений обеспечивало расчленение всей совокупности исследуемых объектов на «естественные» классы, т. е. такие подмножества, элементы которых обладают одинаковым (приблизительно) набором всех существенных свойств»³⁸. Основание классификации должно быть таким, чтобы элементы классификации выражали собой, говоря языком Н. А. Зверева, «высшую степень напряжения подобия»³⁹. В конечном счете классификация должна выступать и в действительности выступает методом формирования и / или отражения реального или воображаемого порядка.

Аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес в своем рассказе-эссе «Аналитический язык Джона Уилкинса» приводит отрывок из «некоей китайской энциклопедии». В нем дается классификация животных и говорится, что таковые «подразделяются на: а) принадлежащих императору; б) набальзамированных; в) прирученных; г) молочных поросят; д) сирен; е) сказочных; ж) бродячих собак; з) включенных в настоящую классификацию; и) буйствующих как в безумии; к) неисчислимых; л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти; м) прочих; н) только что разбивших кувшин; о) издали кажущихся мухами»⁴⁰. Понятно, что далеко не все, что заявляется в качестве классификации, можно считать таковой. Разного рода сумбур таковой не является. Вместе с тем грубые нарушения правил научной классификации встречаются в немалом количестве современных научных исследований.

Наблюдение предстает как исходный этап, форма эмпирического познания. Оно представляет собой целенаправленное восприятие явлений объективной действительности, в процессе которого исследователь приобретает знание о внешних сторонах, свойствах и отношениях изучаемого объекта. Процесс научного наблюдения – это особого рода деятельность, элементами которой являются: сам наблюдатель, объект наблюдения, средства наблюдения. Наблюдение непосредственно связано с чувственным познанием, поскольку процесс восприятия действительности связан с переработкой и синтезом тех ощущений, впечатлений и образов, которые наблюдатель получает от внешнего мира. Все они служат отображением отдельных чувственно воспринимаемых свойств, сторон и отношений наблюдаемых предметов и явлений.

Научные наблюдения носят целенаправленный характер. Очевидно, что, предпринимая исследование, каждый ученый ставит перед собой вполне определенную цель: подтвердить или опровергнуть интересующее его предположение, гипотезу или теорию. При этом речь идет не только о регистрации фактов, но и о сознательном их тех из них, которые могут либо подтвердить, либо опровергнуть его предположение, гипотезу. Наблюдения в науке носят упорядоченный и систематический характер, поскольку одного или нескольких случаев наблюдений, как правило, недостаточно для формирования суждения о подтверждении или опровержении предположения, гипотезы или теории.

Несмотря на то, что наблюдения основаны на чувственном восприятии, тем не менее, эти восприятия не являются исключительно пассивным созерцанием действительности, учитывая, что сознание не только отражает мир, но и творит его. Очевидно, что в процессе такого наблюдения возможны ошибки, заблуждения и даже простые иллюзии, связанные с деятельностью органов чувств.

В методологии научного познания выделяют четыре разновидности наблюдения:

- 1) прямое (непосредственное) наблюдение. В прямом наблюдении исследователь имеет дело непосредственно со свойствами изучаемого объекта;
- 2) косвенное наблюдение;
- 3) непосредственное наблюдение;
- 4) опосредованное (или приборное) наблюдение.

К научному наблюдению предъявляются следующие основные требования: (1) однозначность замысла (что именно наблюдается); (2) возможность контроля путем либо повторного наблюдения, либо с помощью других методов (например, эксперимента).

Поскольку наблюдения в науке служат, с одной стороны, основой для построения гипотез и теорий, а с другой – средством для их эмпирической проверки, они должны давать результаты, которые не должны зависеть от воли, желаний и намерений субъекта. В этой связи нередко говорят, что наблюдения должны информировать об объективных свойствах и закономерностях реальных явлений и процессов. При научном подходе к исследованию intersubjectивность служит важным этапом на пути достижения объективно истинного знания. Результаты наблюдений разных исследователей тщательно анализируются в свете существующих теоретических представлений. В качестве данных в науку входят не просто ощущения и восприятия от наблюдаемых предметов и явлений, а результаты их рациональной переработки, включающей стандартизацию с помощью статистической теории ошибок, а также осмысления их с точки зрения соответствующей теории.

Описание. По существу, это познавательная операция, состоящая в фиксации результатов опыта (наблюдения или эксперимента) с помощью определенных систем обозначения, принятых в науке. Полученные в результате наблюдения непосредственно чувственные знания являются материалом чувственного сознания. Но для того, чтобы стать материалом общественного сознания и войти в обиход научного анализа они должны быть выражены и переданы с помощью определенных знаковых средств. Этот процесс закрепления и передачи информации осуществляется с помощью описания.

Эмпирическое описание – это фиксация сведений об объектах, полученных в наблюдении данных с помощью средствами естественного или искусственного языка. Именно с помощью описания чувственная информация переводится на язык понятий, знаков, схем, цифр, обеспечивающих тем самым удобную для дальнейшей рациональной обработки (классификации, систематизации и обобщения) форму. В случае использования естественного языка описание предстает в виде обычного повествования.

Описание представляет собой завершающий этап наблюдения. На этом этапе исследования, конечно же, не ставится задача глубокого проникновения в сущность наблюдаемого явления, раскрытия его природы. Речь идет лишь о возможно подробной, детальной фиксации преимущественно внешних сторон изучаемого объекта.

Описание является необходимым элементом в структуре научного знания. Объем обычного повествования сокращает и, соответственно, возрастает роль более строгих средств описания. Это обусловлено тем, что описание, строящее на основе естественного языка, имеет ряд недостатков: многозначность основных терминов, неточность, расплывчатость формулировок. Тем не менее, роль естественного языка сохраняется. Его строгость, как основное, предъявляемое к описанию требование, сохраняется.

Описание подразделяется на два вида: (1) качественное; и (2) количественное.

Измерение – это познавательная операция, состоящая в фиксации результатов опыта (наблюдения или эксперимента) с помощью определенных систем обозначения, принятых в науке. В основе операции измерения лежит сравнение объектов по каким-то сходным признакам, свойствам, характеристикам. С помощью единиц измерения открывается возможность перехода от наблюдаемого в опыте, к математическим абстракциям и обратно.

Эксперимент⁴¹ – это особый опыт, имеющий познавательный, целенаправленный, методический характер, который осуществляется в специально заданных (искусственных) условиях, воспроизводимых условиях путем их контролируемого изменения.

Нередко эксперимент осуществляется на основе теории, определяющей постановку задач и интерпретацию его результатов. Достаточно часто главной задачей эксперимента является проверка гипотез и предсказаний теории, имеющих принципиальное значение. В этой связи эксперимент предстает в качестве одной форм практики, выполняя одновременно функцию критерия истинности научного знания в целом.

В его ходе изучаемый объект изолируется от влияния побочных, затемняющих его сущность обстоятельств и представляется в «чистом виде». Основные особенности эксперимента: (1) активное отношение к объекту исследования, вплоть до его изменения и преобразования; (2) возможность контроля поведения объекта и проверки результатов; (3) многократная воспроизводимость; (4) возможность обнаружения таких свойств явлений, которые не наблюдаются в естественных условиях.

К числу основных логико-практических элементов эксперимента относятся:

- 1) постановка вопроса и формулирование предположительного ответа на него;
- 2) создание экспериментальной установки, обеспечивающей необходимые условия взаимодействия изучаемого объекта;
- 3) контролируемое видоизменение этих условий;
- 4) фиксация следствий и установление их причин;
- 5) описание нового явления и его свойств.

Эксперимент занимает ведущее место в научном познании, поскольку существует тесная связь эксперимента с теорией. «Экспериментирование, – пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, – означает не только достоверное наблюдение подлинных фактов, не только поиск эмпирических зависимостей между явлениями, но и предполагает систематическое взаимодействие между теоретическими понятиями и наблюдением»⁴². Весьма значительна его роль в естественных науках, однако с развитием научного знания о социальных явлениях в связи с потребностями практики, в частности, в связи с потребностями совершенствования организации и управления обществом, все большее значение приобретают социальные эксперименты, которые, будучи методом познания, одновременно выполняют функцию оптимизации социальных систем, а также методы восхождения от абстрактного к конкретному, как системно-структурный метод, а также метод экстраполяции⁴³, осуществляемые в целях внедрения новых форм социальной организации и оптимизации управления. Сфера социального эксперимента ограничена моральными и правовыми нормами.

Эксперимент, а также наблюдение являются двумя основными формами эмпирического познания в науке, без которых невозможно получить ни исходную информацию для дальнейших теоретических построений, ни их последующую проверку.

Теоретические научные методы. Теорию можно рассматривать как в качестве познавательной деятельности вообще и в значении высшего уровня познавательной деятельности человека, где содержится знание о наиболее существенных и фундаментальных свойствах деятельности, а также раскрываются наиболее существенные и фундаментальные свойства действительности и также раскрываются ее основные закономерности. Таким образом, теорию можно характеризовать как органически целостную непротиворечивую систему взглядов, представлений, идей, в обобщенной форме раскрывающей существенные свойства и закономерные связи объективной действительности, на основе которых обеспечивается объяснение и предсказание явлений. Современная юридическая наука представляет собой систему различных теорий, на основе которых открывается возможность объяснения эмпирических фактов и вывести предсказания новых.

Теоретическое знание обладает дедуктивной структурой, в которой можно выделить общие понятия, принципы и гипотезы, составляющие теоретический базис и систему вытекающих из этого базиса следствий.

Междотраслевой метод. Относительно недавно методологам удалось объяснить такой частнонаучный метод познания как междотраслевой. Заметная роль в разработке этого метода принадлежит М. Ю. Челышеву, исследовавшему междотраслевые связи гражданского права⁴⁴. Сущность этого метода он усматривал «...в изучении специфики того или иного правового явления с позиций различных правовых отраслей, взаимодействующих в рамках системы права» и убедительно доказывал его самостоятельность и отличие от системного, и сравнительно-правового метода познания»⁴⁵.

Очевидно, что межотраслевой подход к исследованию правовых явлений открывает возможность их объективного и всестороннего познания и что не менее важно обеспечивает межотраслевую гармонизацию нормативно-правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Каждая наука, безусловно, использует и свои собственные методы познания, получившие в общей методологии наименование частнонаучных (конкретно-научных, специальных) методов исследования. Природа, характер этих методов познания обусловлен специфическими особенностями, присущими предмету соответствующей науки и особенностями форм его (предмета) существования и функционирования.

Особую группу методов исследования составляют межотраслевые (междисциплинарные) методы, действующие, как правило, в пределах одной науки, что, конечно же, не исключает, не препятствует их применению в процессе познания в других науках. К их числу принадлежат: статистический, социологический, психологический, кибернетический, математический. Возможность их использования в правоведении обусловлена «...следствием усвоения теорией права (и государства) научных достижений технических, естественных и смежных общественных наук»⁴⁶. Учитывая, что вышеперечисленные методы заимствуются из других наук, там же должны заимствоваться и правила их применения. Очевидно, прав В. М. Сырых, по мнению, которого специальные методы других отраслей науки (психология, статистика, математика, кибернетика и др.) открывают возможность «...изучать отдельные связи правовых явлений, они не для всякого исследования»⁴⁷.

Очевидно, что межотраслевой подход к исследованию правовых явлений открывает возможность их объективного и всестороннего познания и что не менее важно обеспечивает межотраслевую гармонизацию нормативно-правового регулирования соответствующих общественных отношений. Именно данный метод открывает возможность исследования реализации отраслевой соответствующей отраслевой правовой нормы в совокупности, совместно с правовыми нормами иных отраслей права. Одно этим возможности данного метода не исчерпываются. Межотраслевой метод особенно востребован в случаях, когда исследование определенного гражданско-правового явления требует уяснения категорий и юридических конструкций других отраслей права. Соответственно, данный метод востребован при исследовании общественных отношений, подвергающихся межотраслевому правовому регулированию⁴⁸.

Очевидно, что применение межотраслевого подхода к исследованию правовых явлений открывает возможность их объективного и всестороннего познания и что, не менее важно, обеспечивает межотраслевую гармонизацию нормативно-правового регулирования соответствующих общественных отношений. Познание ряда общеправовых явлений (правоспособность, юридическая ответственность, договор и т. д.) без применения межотраслевого метода невозможно.

В заключение отметим, что применение в процессе исследования межотраслевого метода открывает возможность правовые явления одной отраслевой принадлежности через призму общеправовых понятий⁴⁹.

Эмпирические и теоретические методы познания

В зависимости от уровня исследования общенаучные и частнонаучные методы исследования могут быть подразделены на: эмпирические и теоретические. Слово «эмпирический» производно произведено от имени-фамилии древнеримского медика, философа Секста Эмпирика (III в.н.э.), по мнению которого опытные данные могут быть положены в основу развития науки. Обращает на себя внимание тесная взаимосвязь, существующая между теоретическими и эмпирическими: теоретические науки используют данные эмпирических наук, эмпирические науки проверяют следствия, вытекающие из теоретических наук.

К числу эмпирических методов исследования относят: наблюдение, описание, измерение, эксперимент, сравнение. В свою очередь, среди теоретических методов выделяют: (1) восхождение от абстрактного к конкретному; (2) идеализация; (3) формализация; (4) системно-структурный метод; (5) мысленный эксперимент; (6) аксиоматический метод; (7) гипотетико-дедуктивный метод⁵⁰.

Эмпирическое исследование предполагает непосредственное взаимодействие исследователя с объектом. В свою очередь на теоретическом уровне практическое, непосредственное взаимодействие субъекта и объекта не возникает; имеет место мысленное изучение последнего. В литературе по методологии отмечалось, что ряд теоретических методов, таких как: абстрагирование, обобщение, анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование, исторический и логический методы могут быть применены на эмпирическом уровне познания⁵¹, но непосредственного взаимодействия субъекта и объекта при этом не возникает. Другими словами говоря, вышеперечисленные теоретические методы в этом случае не становятся методами эмпирическими.

Следует заметить, что такие методы познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и обобщение, аналогия – это по существу разновидности формально-логического (догматического) метода⁵². В свою очередь восхождение от абстрактного к конкретному, и наоборот, от конкретного к абстрактному, исторический и логический методы являются составными частями, элементами понятия диалектической логики.

Методы научного познания в методологии права

Применительно к правовым явлениям в методологии права, вслед за общей методологией познания, рассматриваются: (1) всеобщий метод познания; (2) общенаучные методы; (3) специально-юридические методы; (4) методы других наук, используемые в правовых исследованиях.

Следует заметить, что в последние годы к числу всеобщих методов познания относят: (1) синергетический метод⁵³; (2) метод системного подхода⁵⁴, (3) метод детерминизма⁵⁵, системно-диалектический⁵⁶. Важно подчеркнуть, что методологической базой исследования всегда выступает всеобщий метод как определенное философское направление. Собственно, методология исследования включает в себя две взаимосвязанные составные части: (1) теоретико-мировоззренческая концепция и (2) система методов познания различных уровней⁵⁷. В этой связи нельзя не согласиться с Е. Е. Рафалюк обратившего внимание на то, что «...методология не только представляет собой набор методов научного анализа правовой и государственной материи, но и предполагает выражение мировоззренческой позиции исследователя по той или иной проблеме»⁵⁸. По существу о том же писал А. Е. Недбайло, утверждавший, что суть всех методологических проблем юриспруденции заключается «...в философской стороне науки, в вопросах мировоззрения»⁵⁹.

По-прежнему актуально звучат слова Ю. А. Денисова и Л. И. Спиридонова, подчеркивавших, что «...в большинстве случаев авторы декларативно указывают на то, что диалектический материализм лежит в основе их разработок и изысканий. Никаких разъяснений, что понимается под «применением диалектического материализма», как правило, не дается или приводимые объяснения слишком формальны и абстрактны. Особенно это касается отраслевых юридических наук»⁶⁰.

В современной литературе по методологии права отмечается, что методологической основой правовых исследований могут служить различные философские направления: позитивизм, реализм, экзистенциализм, прагматизм, феноменология, синергетика и др⁶¹.

Понятно, что методологический плюрализм обуславливает многообразие типов правопонимания, в пределах которого решение каких-либо правовых вопросов может оказаться различным, так как «...институализация мировоззренческой позиции в исследовательскую стратегию приобретает решающее значение для предлагаемых решений»⁶².

Вместе с тем, очевидно, что методология права оказалась не готовой к восприятию в действительности существующего многообразия. По существу, отсутствуют критерии выбора того или иного философского подхода при исследовании правовых явлений. Следует заметить, что методологическое разнообразие, плюрализм обуславливает многообразие типов правопонимания⁶³.

Вне зависимости от перечисления методов исследования очевидна склонность, пристрастие авторов соответствующих правовых исследований к юридическому позитивизму. Но как философское направление позитивизм, в конечном счете, означает отказ от поиска сущности того или иного правового явления, от попыток проникнуть в его природу, сущность и предполагает переход к научному познанию на основе опыта через наблюдение и описание рассматриваемых явлений. Как методология юридический позитивизм ориентирует, призывает к исследованию, прежде всего правовых норм, используя для этого формально-юридический (юридико-догматический) метод, не обращаясь к выяснению природы, сущности, цели, природы, содержания правовых явлений, скрывающихся за соответствующими правовыми нормами.

Упомянутой выше методологии, предполагающей описание исследуемого правового явления с приведением и толкованием соответствующих правовых норм, соответствует немалое количество диссертационных исследований, публикаций по вопросам права. При этом заметим, что и описание, и толкование принадлежат к эмпирическим методам исследования правовых явлений, что, конечно же, в значительной мере свидетельствует о том, что до теоретического уровня многие работы и прежде всего молодых исследователей не дотягивают. Д. А. Керимов обоснованно обращал внимание на то, что на эмпирическом уровне схватываются лишь внешние признаки правовых явлений, но невозможно понять их сущность и свойства⁶⁴.

П. Е. Недбало в свое время отмечал, что «...юристы ограничиваются догматическим анализом понятий, поверхностным комментаторством вместо того, чтобы исследовать общественные процессы, вызывающие необходимость правового регулирования, определять наиболее эффективные пути и формы этого регулирования, изучать практические результаты законодательства»⁶⁵.

Выбор исследователем философской основы исследования предопределяет использование тех или иных методов научного познания. Следует в этой связи заметить, что той или иной философский подход исследователя в определенных случаях может препятствовать использованию отдельных общенаучных и специальных методов познания.

В исследовании правовых проблем могут быть использованы такие общенаучные эмпирические методы исследования, как: наблюдение, сравнение, описание, эксперимент, измерение и т.д.; общенаучные теоретические методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, абстрагирование, обобщение (методы формальной логики), восхождение от абстрактного к конкретному, от конкретного к абстрактному, исторический, логический методы (методы диалектической логики), моделирование, системный, экстраполяция, идеализация.

В правовых исследованиях достаточно широко применяются и междисциплинарные (межотраслевые) теоретические методы, например, математическая логика и формализация⁶⁶ при анализе структуры правовых норм, эффективности правового регулирования. В процессе исследования правовых явлений могут быть использованы, например, такие междисциплинарные правовые методы, как: (1) конкретно социологические методы (анкетирование, интервьюирование, опрос и др.), (2) психологические методы: тесты, шкалы и др.), (3) статистические методы.

Учитывая, что система методов научного познания открыта, необходимо изначально, т. е. до его упоминания в научной работе, иметь ясное и четкое представление о его сущности. Другими словами, используемый метод должен быть распознаваемым, что предполагает знание специфики и структуры до той степени, которая дает возможность отличать один метод от другого. Нельзя забывать, что каждому методу присущи свои ограничения и

познавательные возможности, что предполагает наличие не только знаний сущности метода⁶⁷, но и его места в методологии.

Так общенаучные методы в исследовании могут и должны использоваться в каком-то одном значении, аспекте, например, сравнительный метод либо как синхронический, либо как диахронический метод, системный – как системно-структурный или системно-функциональный, так исторический метод может быть представлен как историко-генетический или же, как историко-сравнительный. Принимая во внимание открытость системы методов познания, в философской литературе упоминаются и характеризуются новые методы, в частности, нарративный⁶⁸, герменевтический круг⁶⁹.

В методологии права до сих пор не сложилось единства мнений относительно количества специальных методов познания, хотя их многообразия так же нет. В. П. Казимирчук более 50 лет назад сформулировал три специальных метода исследования права: (1) конкретно-правовой (конкретно-социологический); (2) сравнительно-правовой; (3) метод судебной статистики⁷⁰. Позднее В. М. Сырых писал о двух частноправовых методах: (1) о формально-логическом толковании права и (2) сравнительно-правовом⁷¹, хотя в более поздних работах, этот перечень он оставлял открытым⁷². Н. Н. Тарасов отмечал, что «...в литературе обычно выделяют специально-юридический метод, метод интерпретаций и метод сравнительного правоведения»⁷³. Несколько дальше пошел В. В. Кожевников, который, помимо вышеназванных методов, указывает на государственно-правовое моделирование, юридическое прогнозирование, правотворческий эксперимент⁷⁴.

Среди специально-юридических методов правовых исследований нередко упоминаются формально-юридический, догматический, формально-догматический, юридико-догматический, юридико-технический⁷⁵. Следует заметить, что как таковое строгое соотношение перечисленных понятий в методологии права отсутствует.

Догматика как метод познания права понимается довольно широко: как система приемов объяснения и изучения правовых норм, описание действующего положительного права, формулирование общих правовых понятий, позволяющих разрешать возникающие на практике проблемы⁷⁶.

В научный оборот термин «специально-юридический (формально-догматический)» в методологии, в научный оборот ввел С. С. Алексеев. В его содержание С. С. Алексеев включал описание правовых норм, способы их толкования, установление признаков и классификаций правовых явлений, выработку правовых понятий, выявление их правовой природы, совершенствование правовых теорий и концепций⁷⁷. В предлагаемом им понимании этот термин носит собирательный характер, поскольку включает в себя общенаучные (описание) и частнонаучные (толкование правовых норм) методы, а также приемы формальной логики (теоретические приемы) и толкование правовых норм (эмпирические методы). В этой связи следует заметить, что приемы толкования правовых норм (метод интерпретации) принадлежат эмпирическому уровню исследования. Вряд ли уместно в данном случае столь расширительное толкование данного термина. Как справедливо отмечал В. М. Сырых приемы интерпретации (метод толкования) относятся к эмпирическому уровню исследования: «...по своей гносеологической природе методы толкования права являются эмпирическими. Их применение обеспечивает познание единичного явления (нормы права) и не раскрывает внутренних, глубинных сторон исследуемых явлений, т. е. всего того, что составляет конечную цель и результат теоретических исследований»⁷⁸.

С помощью частнонаучного юридико-догматического метода (формально-юридического, технико-юридического) происходит теоретическое осмысление правового материала, полученного на эмпирическом уровне. В результате такой обработки формулируются правовые категории, понятия, вырабатываются юридические конструкции (юридическая догма), используя при этом приемы формальной логики. Догмы (от греческого слова «dogma» – учение, постановление, мнение) представляют собой основные положения какого-либо учения⁷⁹.

Формально-догматический метод занимает ведущее место в методологии юридического позитивизма. Этот метод обуславливает изучение правовых явлений без связи с политикой, экономикой, культурой, иными социальными феноменами. Нормы права в случае его применения не исследуются, не рассматриваются, не оцениваются с позиций их политической, социальной, исторической целесообразности.

Сложившаяся терминологическая ситуация обусловлена тем, что ранее, в советский период, среди правоведов бытовало убеждение в несовместимости догматики с материалистической диалектикой как единственно возможным, всеобщим методом познания. Соответственно, действующее право анализировалось ими, отталкиваясь от юридической догмы только «...в виде формально-юридического метода, юридико-технических разработок»⁸⁰.

Гипотетико-дедуктивный метод представляет собой специфический прием построения теоретических знаний в эмпирических науках, сущность которого заключается в создании системы дедуктивно связанных между собой гипотез, из которых в дальнейшем выводятся утверждения об эмпирических фактах.

Развитие теоретического знания «строится не снизу» за счет индуктивных обобщений научных фактов, а по отношению к эмпирическим данным разрастается и развивается как бы «сверху». Метод построения такого знания заключается в том, что в начале создается гипотетическая конструкция, которая дедуктивно развертывается, образуя тем самым определенную систему гипотез, имеющих иерархическое строение, а далее она подвергается опытной проверке, в процессе которой она уточняется и конкретизируется. Тем самым этот метод основан на выведении (дедукции) заключений из гипотез и других посылок, истинностное значение которых неизвестно. А это значит, что заключение, полученное на основе данного метода, неизбежно будет иметь вероятностный характер.

Характерной особенностью гипотетико-дедуктивной системы является ее целостность. Каждая гипотетико-дедуктивная система реализует особую программу исследования, суть которой выражают постулаты данной системы (гипотезы верхнего яруса). Посему конкуренция гипотетико-дедуктивных систем выступает как борьба различных естественных программ. Этот метод основан на выведении (дедукции) заключений из гипотез и других посылок, истинностное значение которых неизвестно. А это значит, что заключение, полученное на основе данного метода, неизбежно будет иметь вероятностный характер.

Общая структура гипотетико-дедуктивного метода:

- 1) ознакомление с фактическим материалом, требующим теоретического объяснения, и попытка такового с помощью уже существующих теорий и законов. Если нет, то:
- 2) выдвижение догадки (гипотезы, предположения) о причинах и закономерностях данных явлений с помощью разнообразных логических приемов;
- 3) оценка основательности и серьезности предположений и отбор наиболее вероятного из них;
- 4) выведение из гипотезы (обычно дедуктивным путем) следствий с уточнением ее содержания;
- 5) экспериментальная проверка выведенных из гипотезы следствий. Тут гипотеза или получает экспериментальное подтверждение, или опровергается. Однако подтверждение отдельных следствий не гарантирует ее истинности (или ложности) в целом. Лучшая по результатам проверки гипотеза переходит в теорию.

Заключение

Конечно, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все методы научного познания (исследования) и подходы, применяемые в процессе познания, представляющего сложный многоэтапный процесс, включающий в себя следующие стадии: (1) постановка проблемы, (2) выдвижение исследовательской гипотезы, (3) конструирование теории, (4) выявление законов – представляют собой некоторую апробированную стратегию исследовательской деятельности.

Организация процесса научного исследования осуществляется при помощи научного метода, включающего следующие уровни: философский, общелогический, общенаучный, научно-дисциплинарный.

Попутно заметим, что сама ценность методологического знания в современной науке и культуре далеко не бесспорна. В этой связи нельзя не отметить имеющие место: (1) своеобразный методологический нигилизм; (2) чрезмерную абсолютизацию методологии, предполагающую ее признание в качестве единственного источника научного знания; (3) методологический реализм, утверждающий, что методология – это лишь необходимое условие познания, своеобразный залог, но ни в коем случае не гарантия успеха.

Методология юридической науки представляет собой сложное гетерогенное образование, которая может быть охарактеризована как система оппозиций: (1) герменевтика – натурализм; (2) аксиология – прагматизм; (3) феноменология – позитивизм (неопозитивизм, постпозитивизм); (4) структурализм (постструктурализм) – структурный функционализм; (5) культурно-исторический (цивилизационный) подход – эволюционизм (формационный подход); (6) синергетика (теория самоорганизации).

Выбор того или иного научного метода (метода познания) обусловлен особенностями предметом исследования. В этой связи, очевидно, что выбор, как предмета, так и метода исследования взаимно обусловлены. Избранный метод исследования обеспечивает организацию и внутренне регулирование процесса научного исследования. Кроме того, что эффективность избранного метода научного познания определяются также личностными качествами исследователя.

Ссылки

- ¹ Бокль, Г.Т. (1895). История цивилизации в Англии. В популярном изложении О.К. Нотовича. Девятое издание. СПб.: Типография газеты «Новости», Екатеринбургский канал, д. №113.
- ² Декарт, Р. (1950). Правила для руководства ума // Декарт Ренэ. Избранные произведения. Перевод с французского и латинского. М.: Государственное издательство политической литературы (Политиздат). С.89.
- ³ Лаппо-Данилевский, А.С. (2010). Методология истории: в 2-х т. Т.1 / А.С. Лаппо-Данилевский; подгот. текста: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Руменцева; авторы вступ. статей М.Ф. Руменцева, О.М. Медушевская; Т.В. Гимон, М.Ф. Румянцева; авторы указ. имен Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 408 с. (Библиотека отечественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
- ⁴ Сырых, В.М. (2000). Метод правовой науки: основные элементы, структура. Т.1. М.: Юридический Дом «Юстицинформ». С.482.
- ⁵ Методология и методы научного познания в условиях научно-технической революции (1986). Отв. ред. В.С. Тюхтин, А.Ф. Файзуллаев. Ташкент: Изд-во ФАН Узбекской ССР. С.132.
- ⁶ Орлов, В.В. (2012). Основы философии: Учебное пособие: В 2 ч. Ч.1: Общая философия / Пермский национальный государственный исследовательский институт. Пермь. С.118.
- ⁷ Денисов, Ю.А., Спиридонов, Л.И. (1987). Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л.: Наука. С.71.
- ⁸ Недбайло, П.Е. (1965). Методологические проблемы советской юридической науки // Методологические проблемы советской юридической науки: материалы научной конференции (Киев, 22 октября 1964 г.). Киев: Наукова. С.9.
- ⁹ Сырых, В.М. (2000). Метод правовой науки: основные элементы, структура. Т.1. М.: Юридический Дом «Юстицинформ». С.482.
- ¹⁰ Комиссарова, Е.Г. (2008). Цивилистическая методология в контексте научного познания // Вестник Тюменского университета. Сер.: Право. №2. С.25.
- ¹¹ Методология и методы научного познания в условиях научно-технической революции (1986). Отв. ред. В.С. Тюхтин, А.Ф. Файзуллаев. Ташкент: Издательство ФАН Узбекской ССР. 287 с.
- ¹² Андреев, И.Д. (1977). Методологические основы познания социальных явлений. М.: Высшая школа.
- ¹³ Орлов, В.В. (2012). Основы философии: учеб. пособие; в 2 ч. Ч.1: Общая философия. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский ун-т. Вып.2. С.112-113.
- ¹⁴ Там же. С.118.
- ¹⁵ Тилле, А.А., Швеков, Т.В. (1973). Сравнительный метод в правовых науках. М.: Высшая школа. 192 с.
- ¹⁶ Леванский, В.А. (1986). Моделирование в социально-правовых исследованиях. М.: Наука. С.26.
- ¹⁷ Иванов, С.Ю. (2008). Научный метод как способ перехода логики познания в логику объекта и его роль в теоретическом мышлении // Альманах современной науки и образования. №6 (13), ч.1. С.88-90.
- ¹⁸ Рузавин, Г.И. (2009). Методология научного познания. М.: ЮНИТИ-ДАНА. С.8.

- ¹⁹ Ольков, С.Г. (2010). Новая методологическая система юриспруденции // Публичное и частное право. Вып. II (VI). С.41-50.
- ²⁰ Шикун, А.Ф., Лейбович, Х.И.(1995). Методология, методы и психология научного исследования. Тверь: Тверской государственной ун-т.
- ²¹ Самощенко, И.С., Сырых, В.М. (1980). Диалектика и специальные методы правовой науки // Методологические проблемы советской юридической науки. М.: Наука. С.228.
- ²² Кожевников, В.В. (2008). Методология и история права: учебное пособие [для вузов]: в 2 частях Ч.1. Омск: изд-во Омский гос. ун-т Ф.М. Достоевского. Ч.1. С.36-70.
- ²³ Власенко, Н.А. (2014). Правопонимание в свете категорий определенности и неопределенности // Журнал российского права. №2. С.37-45.
- ²⁴ Кручинин, А.В. (2011). Проблемы достоверности в науке трудового права и механизм ее обеспечения // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. №1. С.143.
- ²⁵ Понкин, И. В., Редькина, А.И. (2017). Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 37. С. 249-259.
- ²⁶ Розова, С.С. (1986). Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука. С.6.
- ²⁷ An A. (2005). Classification methods // Encyclopedia of Data Warehousing and Mining, Idea Group Inc. P.1 Pp. 144–149. URL: <http://www.cs.yorku.ca/~aan/research/paper/238An.pdf>
- ²⁸ Философский энциклопедический словарь (1983). Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия. С.257.
- ²⁹ Кондаков, Н.И. (1971). Логический словарь. М.: Наука. С.214.
- ³⁰ Шрейдер, Ю.А. (1973). Логика классификации // Научно-техническая информация. Сер.1. № 5. С.3.
- ³¹ Розова, С.С. (1986). Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука. С.14.
- ³² Hall, J. (1953). Some Basic Questions Regarding Legal Classification for Professional and Scientific Purposes // Journal of legal education. Vol. 5. P.331.
- ³³ Batley, S. (2014). Classification in Theory and Practice. Second edition. Oxford: Elsevier; Chandos Publishing. xvii. P.3.
- ³⁴ Понкин, И.В. (2016). Теория государственного управления: содержание понятия «порядок» // Административное право и процесс. № 1. С.9.
- ³⁵ Сырых, В.М. (2012). Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. М.: РАП. С.281, 285.
- ³⁶ Там же, С. 281, 285, 287.
- ³⁷ Строгович, М.С. (1949). Логика. М.: Госполитиздат. С.137-138.
- ³⁸ Розова, С.С. (1986). Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука. С.18.
- ³⁹ Зверев, Н.А. (1883). Основания классификации государств в связи с общим учением о классификации: методологическое исследование. М.: Унив. тип. (М. Катков). VIII. С.103.
- ⁴⁰ Борхес, Х.Л. (2000). Новые расследования: Произведения 1942–1969 годов. СПб.: Амфора. Т.2. С.416-420.
- ⁴¹ Папковская, П.Я. (2006). Методология научных исследований: курс лекций. Минск: Информпресс. С.24-30.
- ⁴² Пригожин, И., Стенгерс, И. (1986). Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс. С.44.
- ⁴³ Андреев, И.Д. (1977). Методологические основы познания социальных явлений. М.: Высшая школа.
- ⁴⁴ Чельшев, М.Ю. (2006). Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во КГУ, 2008; Чельшев М.Ю. Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: Изд-во КГУ.
- ⁴⁵ Чельшев, М.Ю. (2008). Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во КГУ. С.129, 135-138.
- ⁴⁶ Кожевников, В.В. (2008). Методология и история права: Учеб. пособие в 2 ч. Омск: Издательство Омского гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского. Ч.1. С.72.
- ⁴⁷ Сырых, В.М. (1980). Метод правовой науки: основные элементы, структура. М.: Юридическая литература. С.12-13.
- ⁴⁸ Морозов, С.Ю. (2013). Вопросы межотраслевого правового регулирования транспортных отношений // Транспортное право, №3; Саттарова, Н.А. (2012). Современные аспекты межотраслевых связей финансового права // Финансовое право. №5.
- ⁴⁹ Фидющенко, Л.И. (2014). Принципы договорного права: отражение в трудовом законодательстве // Журнал российского права. №3.
- ⁵⁰ Степин, В.С. (2006). Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата науки. М.: Гардарики.
- ⁵¹ Сичивица О.М. (1972). Методы и формы научного познания. М.: Высшая школа. С.49-60.
- ⁵² Сырых, В.М. (2004). Теория государства и права: учебник. М.: Юстицинформ. С.677.
- ⁵³ Бобылева, А.С. (2012). Методология научного исследования в диссертационных работах магистрантов и аспирантов // Педагогика и современность. №2. С.24-32.
- ⁵⁴ Рузавин, Г.И. (2009). Методология научного познания. М.: ЮНИТИ-ДАНА. С.8.
- ⁵⁵ Ольков, С.Г. (2010). Новая методологическая система юриспруденции // Публичное и частное право. Вып. II (VI). С.41-50.

- ⁵⁶ Иванов, С.Ю. (2008). Научный метод как способ перехода логики познания в логику объекта и его роль в теоретическом мышлении // Альманах современной науки и образования. №6 (13), ч.1. С.88-90.
- ⁵⁷ Керимов, Д.А. (1986). Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль. С.33.
- ⁵⁸ Рафалюк, Е.Е. (2014). Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал российского права. №3. С.42.
- ⁵⁹ Недбайло, П.Е. (1965). Методологические проблемы советской юридической науки // Методологические проблемы советской юридической науки: материалы научной конференции (Киев, 22 октября 1964 г.). Киев: Наукова думка. С.9.
- ⁶⁰ Денисов, Ю.А., Спиридонов, Л.И. (1987). Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л.: Наука. С.71.
- ⁶¹ Кожевников, В.В. (2008). Методология и история права: Учеб. пособие в 2 ч. Омск: Издательство Омского гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского. Ч.1. С.36-70.
- ⁶² Кручинин, А.В. (2011). Проблемы достоверности в науке трудового права и механизм ее обеспечения // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. №1. С.143.
- ⁶³ Власенко, Н.А. (2014). Правопонимание в свете определенности и неопределенности // Журнал российского права. №2.
- ⁶⁴ Керимов, Д.А. (1986). Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль. С.87.
- ⁶⁵ Недбайло, П.Е. (1965). Методологические проблемы советской юридической науки // Методологические проблемы советской юридической науки: материалы научной конференции (Киев, 22 октября 1964 г.). Киев: Наукова думка. С.9.
- ⁶⁶ Пошкявичус, В.А. (1974). Применение математических и логических методов в правовых исследованиях. Вильнюс: Минтис.
- ⁶⁷ Черданцев, А.Ф. (2012). Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма.
- ⁶⁸ Яковлев, В.Ю. (2008). Нарративный метод научного познания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №71. С.28-35.
- ⁶⁹ Евграфова, Т.Н. (2014). О герменевтическом круге как методе научного познания в социально-гуманитарных науках // Вестник Российского университета кооперации. №1 (15). С.60-65.
- ⁷⁰ Казимирчук, В.П. (1965). Право и методы его изучения. М.: Юридическая литература. С.47.
- ⁷¹ Сырых, В.М. (1980). Метод правовой науки: основные элементы, структура. М.: Юридическая литература. С.12-13.
- ⁷² Сырых, В.М. (2004). Теория государства и права: учебник. М.: Юстицинформ. С.667.
- ⁷³ Тарасов, Н.Н. (2001). Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета. С.227.
- ⁷⁴ Кожевников, В.В. (2008). Методология и история права: Учеб. пособие в 2 ч. Омск: Издательство Омского гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского. Ч.1. С.73-74.
- ⁷⁵ Методология исследования теоретических проблем международного права (1986). Казань: Изд-во Казанского университета. С.108; Рафалюк, Е.Е. (2014). Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал российского права. №3. С.42; Лазарев, В.В. (1974). Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юридическая литература. С.55-58.
- ⁷⁶ Казимирчук, В.П. (1965). Право и методы его изучения. М.: Юридическая литература. С.182.
- ⁷⁷ Алексеев, С.С. (2010). Собрание сочинений: в 10 т. Т3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут. С.736.
- ⁷⁸ Сырых, В.М. (1980). Метод правовой науки: основные элементы, структура. М.: Юридическая литература. С.58.
- ⁷⁹ Большой толковый словарь русского языка (2003). СПб.: Норинт, С.266.
- ⁸⁰ Тарасов, Н.Н. (2001). Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного университета (УрГЮА). С.129.

Anotācija

Rakstā tiek atklātas juridiskās kategorijas “metodoloģija” saturs, vispārējie izziņas filozofiskie un metodoloģiskie principi, kas parasti tiek definēti kā zinātnes filozofiskie pamati.

Raksts veltīts izziņas metožu izpētei tiesību zinātnē. Tajā aplūkoti zinātnes metodoloģijas principi, zinātniskās izziņas metožu sistēma, tās uzbūve, kuras elementi ir: (1) vispārējā (filozofiskā) metode; (2) vispārējās zinātniskās metodes; (3) starpdisciplināras metodes; (4) atsevišķu tiesību disciplīnu metodes, kuru būtību nosaka pētījuma priekšmets, risināmo uzdevumu vispārīguma pakāpe. No pēdējā laika vispārējām izziņas metodēm bieži tiek minētas tādas metodes kā sinerģiskā, sistēmiski dialektiskā, sistēmpiecejas, determinisma metode.

Tiek raksturoti izziņas līmeņi, kuru atšķirību (teorētiskās un empīriskās izziņas) galvenie kritēriji ir: (1) pētījuma priekšmeta būtība; 2) izmantoto pētniecības līdzekļu veids; (3) metodes iezīmes, kā arī iegūto zināšanu mijiedarbība un to konceptuālā interpretācija, skaidrojot iegūto zināšanu ģenēzi un mijiedarbību, to konceptuālo interpretāciju.

Pētījuma mērķis ir izanalizēt izteiktos viedokļus par izziņas (pētījuma) metožu jēdzieniem, būtību, struktūru un nozīmi tiesībās, pētījuma metožu nozīmi tiesību uzbūves veidošanā un to sistematizācijā.

Pētījuma objekts ir izziņas (pētījuma) metožu jēdziens, būtība, struktūra, loma un nozīme.

Rakstā ir izcelti galvenie aspekti, kas raksturīgi jebkurai izziņas metodei: objektīvi saturiskais, operatīvais un prakseoloģiskais aspekts.

Uzmanība tiek vērsta uz to, ka mūsdienās līdzās materiālistiskajai dialektikai zinātniskajā pētniecībā noteikti var izmantot arī ideālistisko dialektiku.

Atslēgvārdi: metodoloģija, tiesību izziņas metodes, vispārējā (filozofiskā) metode; vispārējās zinātniskās metodes; starpdisciplināras metodes; atsevišķu juridisku disciplīnu metodes.

JURIDISKĀS DOMAS ATTĪSTĪBA

Latvijas tiesībzinātnieka, Daugavpils universitātes profesora Vitolda Zahara monogrāfija “Kriminālsodi formālā un neformālā skatījumā” veltīta svarīga penoloģijas, kas ietilpst sodu izpildes tiesībās (krimināltiesību apakšnozarē), aspekta – brīvības atņemšanas soda izpilde – izpētei.

Kā monogrāfijas priekšvārdā norāda pats autors, penoloģijas zinātnē () “[..] nav Latvijas sabiedrībai tuva tēma. [...] Kriminoloģiskie, socioloģiskie un penitenciārie (penoloģiskie) pētījumi daudzās pasaules valstīs pozitīvi ietekmē sabiedrībai nevēlamu parādību novēršanu agrīnā stadijā un tiek vērtēti kā nozīmīgs ieguldījums valsts un sabiedrības drošībā.” Autors piedāvā attīstīt šo zinātniskās pētniecības virzienu, rast domubiedrus un sabiedrotus, aizpildīt radušos robus interesantajā un sabiedrībai noderīgajā zinātnē.

Monogrāfijas saturu veido 12 nodaļas, kurās uzmanība tiek pievērsta gan vispārīgiem jautājumiem – noziedzībai un sodu politikai, gan brīvības atņemšanas soda izpildes cilvēktiesību materiāliem un procesuāliem aspektiem, t. sk. minētā soda izpildes iestāžu darbības Eiropas normatīvā regulējuma jautājumiem. Tiek atklāta gan brīvības atņemšanas soda izpildes uzraudzības iestādes – Spīdzināšanas novēršanas komitejas – darbība un nozīme, gan arī brīvības atņemšanas izpildes iestāžu – cietumu – darbība. Pētījuma gaitā ir analizēti ieslodzīto personu statistikas rādītāji dažādās Eiropas Savienības valstīs. Uzmanība tiek pievērsta notiesāto personu resocializācijai kā vienam no kriminālsoda mērķiem. Pētījuma autors izmanto paša ilgo praktiskā darba pieredzi (vairāk nekā 30 gadu) iekšlietu iestādēs un Ieslodzījuma vietu pārvaldē. Monogrāfijā atspoguļotais pētījums ir ievērojams ieguldījums penoloģijas zinātnes attīstībai. Tas varētu ieinteresēt ne vien studentus un tiesību nozares mācībspēkus, bet arī plašāku sabiedrību.

Monogrāfijas bibliogrāfiskais apraksts ir pieejams RTA bibliotēkas katalogā: <https://biblio.rta.lv/Alise/lv/search.aspx?q=9789984149455&language=&materialType=&year=&c=1&c=2>

Rēzeknes Tehnoloģijas akadēmijas studentiem un pasniedzējiem RTA DVS sadaļā “Bibliotēka” pie e-grāmatām ar autora laipnu piekrišanu pieejams arī monogrāfijas elektroniskais izdevums https://rulv.sharepoint.com/sites/biblioteka/SiteAssets/default/Zahars_2021.pdf

*Redkolēģijas locekle
RTA asoc. prof. Dr. iur. Ilona Bulgakova*

BALTIJAS STARPTAUTISKĀ AKADEMIJA

VIRZIENS “TIESĪBU ZINĀTNE”

piedāvā studiju programmas:

- **JURISTA PALĪGS (2,3 gadi)**
- **AKADĒMISKAIS BAKALAURS (3 gadi)**
- **AKADĒMISKAIS MAĢISTRS (2 gadi) virzienos:**
 - ✓ **Mediācija**
 - ✓ **Civiltiesības**
 - ✓ **Krimināltiesības**
 - ✓ **Starptautiskās tiesības**
- **PROFESIONĀLAIS MAĢISTRS (1,5 gads)**
- **TIESĪBU ZINĀTŅU DOKTORS (3 gadi)**

Pilna un nepilna laika studijas.

Uzņemšana: Rīgā, Jelgavā, Jēkabpilī, Daugavpilī, Liepājā, Rēzeknē un Smiltenē.

Vairāk uzzini: <https://bsa.edu.lv/>

Dekanāts: ties.zin@bsa.edu.lv, t. 67100610, 67100666

Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija –
Tavs starTA punkts RĒZEKNĒ!

www.rta.lv

RĒZEKNES
TEHNOLOĢIJU AKADEMIJA

- RADOŠI IZAICINĀJUMI
- VĒRTĪGA PIEREDZE
- PROFESIONĀĻU ATBALSTS

RĒZEKNES TEHNOĻOĢIJU AKADĒMIJA

WWW.RTA.LV

STUDENTU PILSĒTIŅA
RĒZEKNES CENTRĀ

IZCILA MATERIĀLI TEHNISKĀ
BĀZE STUDIJĀM UN PĒTNIECĪBAI

PIEVILCĪGAS STUDIJU
PROGRAMMAS

INDIVIDUĀLA PIEEJA
KATRAM STUDENTAM

ELASTĪGS STUDIJU
GRAFIKS

BUDŽETA VIETA
TAVĀM PILNA LAIKA STUDIJĀM!

Informācija par
studentu uzņemšanu:

☎ 26656553

✉ uznemsana@rta.lv

3

FAKULTĀTES

EKONOMIKAS
UN PĀRVALDĪBAS
fakultāte

INŽENIERU
fakultāte

IZGLĪTĪBAS,
VALODU
UN DIZAINA
fakultāte

NĀC STUDĒT!

